

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова

На правах рукописи

ФРАНЦУЗОВА АЛИНА ДМИТРИЕВНА

Коммуникативные неудачи в устном судебном переводе:
лингвосемиотический аспект
(на материале шведского и русского языков)

Специальность 10.02.20 –
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Поликарпов Александр Михайлович

Архангельск 2021

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования коммуникативных неудач в устном судебном переводе.....	16
1.1 Методология исследований устного перевода. Моделирование процесса перевода.....	16
1.2 Видение процесса перевода с позиций интегративного переводоведения	19
1.3 Константы устного судебного перевода	20
1.3.1 Устность	20
1.3.2 Когнитивная составляющая	25
1.3.3 Судебный дискурс.....	30
1.3.4 Нормативные аспекты устного судебного перевода в Швеции	40
1.3.5 Нормативные аспекты устного судебного перевода в России	50
1.4 Коммуникативная неудача в ситуации перевода.....	57
1.4.1 Неуспешная коммуникация	59
1.4.2 Маркеры коммуникативных неудач	64
1.5 Лингвосемиотика коммуникативных неудач в переводе.....	70
1.5.1 Перцептика	72
1.5.2 Семантика	77
1.5.3 Синтактика.....	82
1.5.4 Прагматика.....	86
Выводы по главе 1	90
Глава 2. Лингвосемиотическая типология причин коммуникативных неудач в устном судебном переводе.....	95
2.1 Перцептические параметры коммуникативных неудач.....	95
2.1.1 Гетеронемия.....	95
2.1.2 Перекрестность звуковой формы знака и акустико-моторного прообраза ..	99

2.1.3 Омонимия.....	103
2.1.4 Несоответствие звуковой формы знака акустико-моторному прообразу...	105
2.1.5 Типология коммуникативных неудач в перцептивном измерении семиозиса	116
2.2 Семантические параметры коммуникативных неудач.....	118
2.2.1 Общеупотребительная лексика.....	118
2.2.2 Юридическая терминология	127
2.2.3 Терминология специальных областей знаний	139
2.2.4 Типология коммуникативных неудач в семантическом измерении семиозиса	148
2.3 Синтаксические параметры коммуникативных неудач	150
2.3.1 Парадигматический уровень.....	150
2.3.2 Синтагматический уровень.....	158
2.3.3 Типология коммуникативных неудач в синтаксическом измерении семиозиса	176
2.4 Прагматические параметры коммуникативных неудач	177
2.4.1 Рефрейминг	178
2.4.2 Картина мира и языковая личность.....	185
2.4.3 Типология коммуникативных неудач в прагматическом измерении семиозиса	189
Выводы по главе 2	192
Заключение.....	196
Список сокращений и условных обозначений	200
Список научной литературы	202
Список словарей и справочных изданий.....	242
Список нормативных актов	244

Введение

Диссертационное исследование посвящено сопоставительному изучению онтогенеза коммуникативных неудач (далее - КН) с позиций лингвосемиотики в сфере реализации устного перевода судебного дискурса. В качестве материала сопоставительного исследования используются аудиозаписи звучащей судебной речи, в которых содержатся КН, возникшие в ходе устного судебного перевода со шведского языка на русский язык и в обратном направлении.

Основной целью деятельности устного судебного переводчика является обеспечение эквивалентного и адекватного перевода. Сложность решаемых переводчиком задач объясняется рядом аспектов, отличающих устный перевод в ходе судебного заседания от других переводческих практик. Основополагающими факторами, обособливающими устный судебный перевод, следует считать устный, неподготовленный характер речепроизводства, диалогический характер общения между участниками судебного процесса, наличие прямого контакта между коммуникантами, многоканальность процессов мышления переводчика, дефицит времени для выполнения адекватного и эквивалентного перевода, правовые нормы, регулирующие деятельность переводчика. Вышеперечисленные особенности исследуемого материала могут оказывать объективное влияние на возможность переводчика воспринимать, интерпретировать, понимать и в необходимой мере передавать инвариант сообщения. Изучение отличительных характеристик, присущих деятельности устного судебного переводчика, следует проводить с лингвосемиотических позиций с учетом как особенностей языковых и речевых знаков, так и комплекса экстралингвистических факторов, влияющих на процесс перевода, таких как акустический канал восприятия, незамедлительность воспроизведения перевода, воспроизведение результата в акустической форме, особенности темпа речи и артикуляции говорящего и другие.

Характеризуя степень **научной разработанности проблемы**, следует особо подчеркнуть отсутствие на сегодняшний день научной литературы, в которой бы применялся целостный подход к устному судебному переводу как взаимосвязанной системе лингвосемиотических измерений в преломлении к объекту данного исследования. Научные исследования КН через призму перевода устнопорождаемого судебного дискурса в современной научной литературе практически не представлены. В России изучение судебного перевода ограничивается, в первую очередь, вопросами оценки качества и подготовки переводчиков, а также принципами выполнения письменного перевода судебных документов. Устная форма перевода судебного дискурса в научных изысканиях представлена изучением нормативно-правовой базы обеспечения и организации деятельности переводчика в суде. Таким образом, в центре российских исследований оказываются сугубо практические вопросы обеспечения переводческой деятельности в суде и их связь с правом участников судопроизводства на перевод, выбором и назначением переводчика. Лингвистические и лингвосемиотические аспекты устного перевода судебного дискурса не получили должного освещения среди отечественных исследователей, что составляет новизну представляемого исследования.

Ввиду широкого практического использования устного перевода в сфере работы государственных органов за рубежом изучению именно этой переводческой практики, в том числе устному переводу в ходе судебного заседания, посвящено довольно большое количество англоязычных работ. Вместе с тем, центральное место в зарубежных исследованиях занимает изучение когнитивных механизмов устного судебного перевода, сравнение компетенции и техники выполнения перевода переводчиками разного уровня подготовки, процессы оценки качества перевода, а также изучение социолингвистических аспектов перевода, связанных с ролью переводчика в зале суда, кодексом этики переводчика, правом подсудимого на перевод и т.д.. Таким образом, в рамках дискурсивного подхода в зарубежных исследованиях в качестве объекта исследования зачастую выступают лишь отдельные аспекты переводческой

деятельности. Отсутствует комплексный подход, совмещающий рассмотрение перевода в качестве многомерной системы выражения смыслов с экстралингвистическими факторами, присущими устному судебному дискурсу. Такой систематический и целостный подход на основе принципов интегративного переводоведения образует новизну данного исследования.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов и представителей юридических профессий к проблеме обеспечения качества устного судебного перевода, расширением международных контактов, связанным с миграцией населения, а вместе с тем необходимостью законодательного обеспечения принципа «языка судопроизводства», изучением опыта работы института судебных переводчиков за рубежом и возможностью оценить и перенять положительные стороны зарубежного опыта. Малая репрезентативность предмета исследования в контексте звучащего судебного дискурса в научной литературе говорит в пользу необходимости исследования устнопорождаемой судебной речи и устного судебного перевода на основе транскриптов звучащей речи.

Объектом исследования являются КН в устном судебном переводе со шведского языка на русский и в обратном направлении.

В качестве **предмета исследования** определены лингвосемиотические аспекты КН, возникающих в ходе устного перевода звучащего судебного дискурса на примере языковой пары «шведский и русский языки».

Цель работы – изучить и описать КН и их причины в устном судебном переводе со шведского языка на русский и в обратном направлении с учетом специфики переводческой деятельности в межъязыковом и межкультурном устном дискурсе с опорой на идеи интегративного переводоведения и лингвосемиотики.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть и кратко описать методологию исследования устного перевода, в частности – основы моделирования процесса перевода;

2) рассмотреть теоретические основы интегративного переводоведения и обосновать выбор интегративной модели процесса перевода в качестве определяющего вектора исследования устного судебного перевода;

3) определить и представить константы процесса устного судебного перевода;

4) рассмотреть и сопоставить взгляды отечественных и зарубежных ученых на проблемы устного судебного перевода в целях определения доминантных характеристик судебного дискурса с учетом национальной специфики и опыта практической реализации устного судебного перевода в Швеции и России, а также с целью выработки собственных позиций по описанию КН;

5) определить и систематизировать лингвосемиотические факторы, влияющие на возникновение КН в устном судебном переводе, при привлечении в качестве языкового материала аудиозаписей звучащей судебной речи на шведском и русском языках;

6) изучить онтологию и представить типологию КН в устном судебном переводе со шведского языка на русский и в обратном направлении с учетом лингвосемиотических параметров *перцептика*, *семантика*, *синтактика* и *прагматика* на основе анализа языкового материала.

Методы исследования определяются поставленной целью, задачами и носят комплексный характер, характеризуясь принципом системности. В основу исследования положен метод лингвистического описания с его основными компонентами: наблюдением, обобщением, сопоставлением, систематизацией и интерпретацией и метод моделирования процесса перевода. В работе применяются также метод контекстуального анализа, метод сопоставительно–переводческого анализа, метод компонентного анализа, классификация материала. Использовались общенаучные методы обобщения и индукции.

Основу **теоретико–методологической базы** составили работы по:

1) переводоведению и лингвистическому моделированию [Nida 1964; Рецкер 1974; Бархударов 1975; Каде 1980; Садиков 1981; Чернов 1987; Lederer

1987 (2004); Брандес 1988; Латышев 1988; Швейцер 1988; Nord 1988; Комиссаров 1990; Миньяр-Белоручев 1996; Гак 1998; Ершов 2005; Серова 2006; Гавриленко 2008; Волкова 2010; Поликарпов 2011; Salevsky, Müller 2011; Сдобников 2015; Мощанская 2016; Englund Dimitrova, Tiselius 2016 и др.],

2) общей семиотике [Якобсон 1975; Соссюр 1977; Berger 1984; Барт 1989; Есо 1976; Пирс 2000; Моррис 2001; Степанов 2001; Агеев 2002; Почепцов 2002; Johansen, Larsen 2002; Токарев 2013 и др.] и лингвосемиотике [Austin 1962; Сыроваткин 1978; Миловидов 2000; Худяков 2000; Краузе 2002; Почепцов 2002; Кронгауз 2005; Gadler 2006; Сусов 2009; Поликарпов 2013 и др.],

3) исследованиям дискурса [Brown, Yule 1983; Adelsward, Aronsson, Linell 1988; Berk-Selingson 1990; Davidson 2000; Roy 2000; Миловидов 2000; Wadensjö 2001; Van Dijk 2006, 2008, 2014; Кириллова 2007; Радченко 2009; Кибрик 2009; Дубровская 2009; Johnstone 2009; Вах 2011; Устинова 2011; Казарина, Исаева 2012; Чернявская 2013; Власенко 2015; Крапивкина 2016],

4) юрислингвистике и юридическому переводу [Danet 1980; Swales 1990; Bhatia 1993; Голев 1999, 2000; Мушнина 2004; Недашковская 2004; Coulthard, Johnson 2007; Каплуненко 2007; Гумеров 2009; Дубровская 2009; Мушнина 2012; Крапивкина 2011, 2016; Устинова 2011; Барабаш 2013; Томсон 2016; Durant, Leung 2016; и др.],

5) исследованиям судебной речи [Павлова 1991; Недашковская 2004; Дубровская 2010; Пригарина 2010; Тарасов 2010; Тютюнова 2012; Казакова 2018; Лазарева, Шестакова 2018 и др.],

6) исследованиям терминологии [Даниленко 1977; Головин, Кобрин 1987; Ткачёва 1987; Быкова 2003; Ильин 2004; Рецкер 2006; Волкова 2010; Баринаова 2012; Шарафутдинова 2016; Сахаров 2018 и др.],

7) исследованиям коммуникативных неудач [Austin 1962; Ringle 1982; Городецкий 1985; Киселева 1987; Гудман 1989; Ермакова, Земская 1993; Потемкин 1994; Linell 1995; Морковкин 1997; Лазуткина 1998; Теплякова 1998; Формановская 1998; Кънева 1999; Мартынова 2000; Славова 2000; Tzanne 2000; Лукьянова, 2002; Воронина 2003; Смирнова 2003; Агапова 2004; Базылев 2005;

Bosco, Vucchiarelli, Vara 2006; Лосева 2006; Голев, Ким 2007; Keysar 2007; Сморгонская 2008; Вечкина 2010; Korolev 2010; Кузнецова 2010; Verdonik 2010; Шпомер 2011; Бугрова 2012; Киселева 2012; Полякова 2012; Русецкая 2012; Вайсфельд 2013; Пушина 2015; Мухина, Матвеева 2017 и др.],

8) теории устной речи [Kainz 1965; Степанов 1966; Соколов 1968; Лурия 1975 (2013); Зимняя 1976; Бузаров 1988; Бубнова 1991, 2001; Винокур 1993; Михайлов 1994; Pinker 1994; Вохрышева 2001, 2005; Краузе 2002; Фесенко 2002; Чеманова 2005; Федорова 2005; Hasegawa-Johnson 2007; Амосова 2008; Бабаян 2008; Борисова 2009; Буланова 2009; Универсальюк 2009; Поликарпов 2013; Dell 2014; Васильева, Коньков 2015 и др.],

9) теории устного перевода [Shackman 1984; Wadensjö 1998; Gile 2001; Wadensjö 2001; Hale 2003; Angelelli 2004; Пшёнкина 2005; Алексеева 2006; Сдобников 2007, 2009, 2015б; Valero-Garcés, Martin 2008; Аликина 2010; Хромов 2010; Поликарпов 2011, 2017; Kainz, Prunc, Schögler 2011; Мушнина 2012; Hale, Napier 2013; Сухарева, Черникова 2014; Власенко 2015; Inghilleri 2015; Seeber 2015; Мощанская 2016; Englund Dimitrova, Tiselius 2016; Pöchhacker 2016; Skaaden 2019 и др.],

10) теории устного судебного перевода [Morris 1995; Hewitt 1995; Hale 2004; Mikkelsen 2008; Angermeyer 2009; Martinsen, Dubslaff 2010; Shlesinger 2010; Driesen, Drummond 2011; Stern 2012; Giamb Bruno 2014; Mason 2015; Dingfelder Stone 2018; Licorpe, Veugier 2020; Винников 2012; Сдобников 2015; Исолахти 2014; Обидина 2016, 2017; Мушнина 2012],

11) изучению деятельности устного судебного переводчика в России и Швеции [Wadensjö 1998; Софийчук 2005; Муратова 2006; Головинская 2006; Кузнецов 2006; Киц 2008; Обидин 2009; Ларин 2011; Винников 2012; Рекош 2014; Зеленский, Швец 2014; Бабанина, Живаева 2015; Сдобников 2015; Гуськова 2016; Дриц 2016; Обидина 2016, 2017; Поздняков 2016; Almqvist 2016; Axelsson, Bурman, Skoglund, Stevenson-Ågren 2016; Carstensen 2017; Кашуба, Хван 2018].

Материалом исследования послужили аутентичные цифровые аудиозаписи судебных заседаний, проходивших в девяти судах первой инстанции общей

юрисдикции в Швеции (Attunda tingsrätt, Stockholms tingsrätt, Södertörns tingsrätt, Göteborgs tingsrätt, Hässleholms tingsrätt, Lunds tingsrätt, Malmö tingsrätt, Kalmars tingsrätt, Östersunds tingsrätt). Аудиозапись проводилась судом согласно положениям шведского процессуального кодекса и является публичным документом. Общее количество запрошенных в судах архивных аудиозаписей составило 191 аудиозапись (59 судебных процессов). Из них были отобраны 75 аудиозаписей (18 судебных процессов), слушание по которым проводилось на шведском языке с использованием русского в качестве языка перевода. Таким образом, языковой материал представлен 75 цифровыми аудиозаписями допроса процессуальных сторон (истца; ответчика; подсудимого), свидетелей и (или) потерпевшего. Общая продолжительность звучания речи с применением русского языка попеременно в качестве исходного языка и языка перевода на аудиозаписях составила 83 часа 55 минут. Языковой материал был получен из судебных архивов окружных судов в период с 2018 по 2019 гг.

В настоящем исследовании рассмотрены КН, возникшие в ходе судебных разбирательств с участием переводчиков, выполняющих устный синхронный или последовательный перевод со шведского языка на русский и с русского языка на шведский язык.

Аудиозаписи судебных заседаний транскрибированы, а затем проанализированы в соответствии с герменевтическим подходом. В области исследований устного перевода нет единой общепринятой системы транскрибирования устной речи [Hale, Napier 2013: 139-140]. В парадигме системного подхода транскрипты судебных диалогов были выполнены автором исследования в соответствии с методами и согласно целям исследования. Согласно авторской системы в транскриптах фиксируются речь и паузы, короткие паузы передаются с помощью «/», длинные паузы отражаются посредством графического знака «//». Вопросительная интонация передается с помощью «?». Квадратные скобки «[*]» указывают на нечеткое произношение, «[nn]» указывают на одновременную совпадающую речь двух говорящих, либо в случае «[...]» отражают опущение нерелевантных фрагментов диалога автором исследования.

В целях соблюдения положений «Общего регламента защиты персональных данных», действующего на территории Евросоюза [Постановление (Европейский Союз) 2016/679] личные данные в форме имен и фамилий участников судебных заседаний в зафиксированных автором транскриптах представлены в качестве инициальных букв имен. В тех фрагментах дискурса, где имя имеет решающее значение для возникновения коммуникативной неудачи, настоящие имена участников судебного слушания заменены на фиктивные. По этой же причине автором диссертации не указывается никаких других данных, способных по транскрипту идентифицировать ситуацию перевода или участников заседания.

Критериями отбора анализируемого материала послужили следующие факторы: наличие вербальных или паравербальных маркеров коммуникативной неудачи; наличие неточностей или ошибок в переводе.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1) Впервые в рамках интегративной модели процесса перевода рассмотрен устный *судебный* перевод.

2) Впервые в число констант перевода включены нормативно-правовые аспекты деятельности переводчика, изучено их влияние на процесс перевода.

3) Изучены и обобщены характеристики судебного дискурса (устность, спонтанность, институциональность, интердискурсивность, агональность коммуникации и некоторые другие).

4) Впервые КН рассмотрены через призму лингвосемиотических измерений, в плоскости которых они возникают (мономерной или многомерной).

5) Выявлены и типологизированы лингвосемиотические параметры КН в устном судебном переводе посредством сопоставления оригинала и перевода.

6) Лингвосемиотический анализ материала представлен в комплексе с анализом актуального правового контекста судебного заседания.

7) Введено обоснованное разграничение переводческой ошибки и КН в контексте лингвосемиотики устного судебного перевода.

Положения, выносимые на защиту:

1) КН – комплексный феномен, представляющий собой факт сбоя в коммуникации под влиянием внутренних и внешних факторов, и оказывающий негативное влияние на ее эффективность.

2) КН в устном судебном переводе связаны со спецификой устной формы вербальной интеракции, а также институциональными характеристиками судебного дискурса в совокупности с особенностями деятельности переводчика, используемого в рамках слушания судебных дел с участием неносителей государственного языка.

3) Оптимальным в изучении и описании КН в устном судебном переводе, а также к моделированию самого процесса перевода, представляется применение интегративного подхода.

4) КН в устном судебном переводе могут формироваться на разных этапах функционирования языкового знака в контексте интеракции между участниками судебного диалога (в том числе переводчика): как на этапе порождения языкового знака отправителем сообщения, так и восприятия и толкования знака реципиентом высказывания.

5) КН возникают в устном судебном переводе, на всех четырех измерениях семиозиса (перцептики, семантики, синтактики и прагматики), понимаемых в качестве мономерных или многомерных параметров изучаемого семиотического пространства.

6) Лингвoseмиотический аспект рассмотрения КН в устном судебном переводе на материале шведского и русского языков позволяет выявить ряд особенностей возникновения коммуникативных неудач. В перцептическом измерении выполнение перевода под воздействием звуковой формы оригинала приводит к менее заметным несоответствиям, которые дают небольшой эффект отстранения, но, как правило, не приводят к КН на этапе восприятия сообщения получателем. Семантический параметр функционирования знака демонстрирует значимость фактора реципиента в интерпретации КН и важность эквивалентного перевода тематической лексики, в первую очередь юридического характера.

Нарушения синтагматического плана высказывания, рассмотренные в синтаксическом измерении семиозиса, представляют собой ошибочную, неточную или произвольную реализацию ретроспективной или проспективной проекции в ходе развертывания судебного дискурса. Прагматический аспект рассмотрения коммуникативных неудач определяется конфигурацией следующих параметров: «облигаторность / факультативность»; «явность / отсроченность»; «предсказуемость / непредсказуемость»; «отвратимость / неотвратимость» возникновения КН.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут представлять интерес для формулирования и верификации принципов изучения КН в устном переводе звучащего судебного дискурса, установленных в ходе сопоставительного изучения текстов оригинала и перевода с учетом типологического и контрастивного подходов. Полученные результаты могут внести вклад в дальнейшее развитие теории коммуникации в аспекте изучения онтологии коммуникативных неудач и интегративного переводоведения в отношении критериев оценки качества перевода.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использовать полученные научные данные при разработке лекционных курсов и учебных пособий по: общей и частной теории перевода, коммуникативистике, сопоставительному языкознанию, теории текста, дискурсологии, контрастивной лингвистике, практическому курсу перевода (шведский язык), юридическому переводу, процессуальному праву, сравнительному правоведению. Основные положения диссертации могут быть использованы при создании практических рекомендаций по работе через переводчика в суде и для разработки спецкурса по теории устного судебного перевода.

Достоверность исследования подтверждается значительным количеством привлекаемых отечественных и зарубежных теоретических источников, внушительным объемом анализируемого языкового материала со значительной

территориальной репрезентативностью судов, комплексным и системным анализом отобранных случаев КН, непротиворечивостью результатов.

Апробация результатов работы. Основные и промежуточные результаты исследования изложены в виде докладов на 10 конференциях, в том числе 3 международных конференциях с докладом на английском языке:

1) Международная конференция «*In Pursuit of Excellence in the Language Industry*» в рамках деятельности Союза переводческих объединений Скандинавских стран *SLAM!-2018 (Scandinavian Language Associations' Meeting! – 2018)* (Швеция, г.Мальмё, Sankt Gertrud Konferens, 14-15.09.2018);

2) Международная научно-практическая конференция «*The Impact of Interpreters on the Judiciary at National and International Level*» в рамках Генеральной Ассамблеи Европейской ассоциации судебных переводчиков EULITA (Люксембург, г.Люксембург, Суд Европейского союза The Court of Justice of the European Union, 28-29.03.2019);

3) IX Международная научно-практическая конференция «*Interpreting In The Age of AI*» в рамках деятельности Международного союза переводчиков Critical Link International (Япония, г.Токио, Akasaka Campus at International University of Health and Welfare, 14-16.06.2019);

В том числе на 2 международных семинарах:

4) Международный научный семинар «*Архангельский Север и Европа: исторические связи и литературный трансфер*» (г.Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова, 5.10.2018);

5) Межрегиональный научно-практический семинар с международным участием «*Сетевое сотрудничество в области прикладной лингвистики и филологических исследований*» (г.Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова, 06.03.2018);

А также на научных конференциях:

6) VI Региональная научно-практическая конференция молодых учёных «*Язык. Культура. Литература*» в рамках Ломоносовских чтений

(г.Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова, 26.04.2017);

7) Научно-практический семинар *«Швеция и Россия: кросс-культурная коммуникация глазами молодых ученых»* (Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова, 17.11.2017);

8) Отраслевая научно-практическая конференция *Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения в гуманитарной сфере* (г.Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова, 19.04.2018);

9) VII Региональная научно-практическая конференция молодых учёных *«Язык. Культура. Литература»* в рамках Ломоносовских чтений (г.Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова, 26.04.2018);

10) Всероссийская научная конференция *«Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней»* к 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова в рамках Года науки и технологии в России (г.Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова, 18.11.2021).

Основные положения работы изложены в 10 публикациях, в их число входят 3 статьи в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ, 1 статья в издании, включенном в международную систему цитирования Scopus, 2 статьи, входящие в ядро РИНЦ, 1 статья в иностранном рецензируемом издании и 5 статей в сборниках научных трудов, входящих в базу РИНЦ.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и выводов по ним, заключения, списка сокращений, списка литературы, насчитывающего 430 наименований (из них 133 на иностранном языке), списка справочной литературы (19 наименований), списка нормативных документов (24 наименования). Общее количество использованных источников представлено 473 наименованиями. Общий объем работы составляет 199 страниц (248 страниц с библиографией).

Глава 1. Теоретические основы исследования коммуникативных неудач в устном судебном переводе

1.1 Методология исследований устного перевода. Моделирование процесса перевода

Характерным для научного исследования является «систематическое изучение предмета, направленное на увеличение суммы знаний» [Chambers 1989: 845]. В транслятологии концептуальные и эмпирические подходы одинаково важны и взаимозависимы, и, следовательно, в основе любого транслятологического исследования вне зависимости от присутствия эмпирических данных находится теоретическая модель изучаемого объекта [Williams, Chesterman 2002: 79; Hale, Napier 2013: 6]. Итак, непременным условием научного изучения КН как феномена, возникающего в процессе устного судебного перевода, является выбор теории или концепции, в рамках которой это явление будет рассмотрено.

Анализ теоретического материала показал, что важными в переводоведении всегда были и остаются вопросы эквивалентности и инварианта перевода [Бархударов 1975; Швейцер 1988; Комиссаров 1990; Виноградов 2001; Алексеева 2006; Гарбовский 2007; Сдобников 2015 и др.]. Антропоцентрический подход к языку не исключает «системного подхода к языковым явлениям», но позволяет «глубже изучить сам язык» и лучше понять самого человека» [Морозова 2005: 16]. Переосмысление перевода как объекта исследований (перевод как *процесс*) открыло дорогу для изучения особенностей, «связанных с личностью переводчика как вторичной языковой личностью» [Сдобников 2015а: 6], рассмотрением психолингвистических аспектов «посреднической» деятельности переводчика [Залевская 1988; Дашинимаева 2017; Маланов 2020], принадлежности

коммуникантов к разным языковым коллективам и культурам [Корнилов 2003; Тер-Минасова 2007; Бушев 2010; Сдобников 2015а].

Подчеркнем, что теория *устного* перевода – это молодая, зарождающаяся отрасль переводоведения [Röschhacker 2016: 32; Hale, Napier 2013: 118]. С.Хейл и Дж.Напиер указывают на то, что работы в этой области характеризуются эклектизмом – они не только «опираются на множество различных устоявшихся научных методологий, но также имеют тенденцию вводить инновационные методы, характерные для исследований только устного перевода» [Hale, Napier 2013: 118]. Ввиду развития в качестве прикладной отрасли языкознания, в транслятологии наблюдается сближение терминов «теория перевода» и «модель перевода» [Гарбовский 2007: 181]. Отголоски терминологической неопределенности прослеживаются также в современной англоязычной литературе. Д.Виллиамс и Э.Честерман используют термин «модель» в качестве обозначения лингвистических теорий и методов транслятологических исследований [Williams, Chesterman 2002: 80]. Ученые выделяют три вида «моделей перевода», один из которых ориентирован на сам процесс перевода [Там же: 84-86]. В отличие от контрастивных теоретических моделей, имеющих статический характер, моделирование процесса перевода отражает его динамическую природу и сфокусировано на процессах, с помощью которых переводчик достигает решения переводческих проблем. Соответственно, «процессуальная модель» перевода в терминологии Д.Виллиамс и Э.Честермана соответствует методу «моделирования процесса перевода».

Как видим, метод лингвистического моделирования занимает важное место в теоретическом осмыслении переводческой деятельности [Röschhacker 2016: 77], и, тем самым, согласуется с целью данного исследования – систематическое изучение перевода как процесса. Большой вклад в развитие лингвистического моделирования внесли научные труды отечественных и зарубежных авторов [Nida 1964; Рецкер 1974; Каде 1980; Швейцер 1988; Латышев 1988; Комиссаров 1990; Ледерер 1987; Миньяр-Белоручев 1996; Волкова 2010; Поликарпов 2011; Сдобников 2015 и др.]. Выделим несколько основных составляющих дефиниции

термина «модель перевода», которые были учтены при выборе моделирования перевода в качестве методологической базы данного исследования.

В первую очередь, это «гипотетичность» модели. Анализ и описание «ряда мыслительных лингвистических операций» [Комиссаров 1999: 189] переводчика проводится лишь умозрительно. Считается, что «постичь то, что происходит в сознании человека в момент преобразования содержания» с одного языка на другой не представляется возможным [Виноградов 2001: 26]. На современном этапе развития науки, однако, завесу тайны помогают приоткрыть когнитивное моделирование с использованием нейлоролических технологий исследования [см. Alvstad, Hild, Tiselius 2011], или (в некоторой степени) метод «Think Aloud Protocol» [см. TAPs, Bernardini 2002; Chesterman 2002: 99; Tirkkonen-Condit 2006].

Далее – «условность». Описываемые мыслительные операции могут быть более или менее универсальными, т.е. с их помощью переводчик может осуществить перевод всего оригинала или некоторой его части [Комиссаров 1990: 189, Волкова 2010: 6]. Иначе говоря, не все модели обладают системообразующим и системосохраняющим характером, а значит, имеют ограниченную объяснительную силу.

В-третьих, – «поэтапность». Процесс перевода представляется в целом, указывая общее направление движения мысли переводчика и последовательные этапы перехода от оригинала к переводу. Более простые модели перевода по мере развития теории получают разнообразные усложнения [Chesterman 2000; Williams, Chesterman 2002: 80], а единым опорным пунктом для них является наличие «по меньшей мере, двух этапов: уяснения переводчиком содержания оригинала и выбор варианта перевода» [Волкова 2010: 7; Нелюбин 2003: 114]. Номенклатура переводческого моделирования насчитывает большое количество концепций: коммуникативная, денотативно-ситуативная, трансформационная, семантическая, информационная, коммуникативно-функциональная, герменевтическая, функционально-прагматическая (динамическая), дискурсивно-коммуникативная, психолингвистическая, лингвосемиотическая, лингвокогнитивная, синкретическая, деятельностьная, интегративная и другие.

1.2 Видение процесса перевода с позиций интегративного переводоведения

Напомним, что системность должна отыскиваться не только в самом процессе перевода, но и в процессе его изучения. Именно модель процесса перевода задает аналитические рамки исследования и отражает приоритетность факторов, влияющих на процесс и результат перевода. Идея толкования перевода с междисциплинарных позиций сегодня превалирует в работах многих зарубежных авторов, которые «вполне однозначно воспринимают максимы междисциплинарности в транслятологии как очевидную общепринятую константу» [Мишкуроев 2015: 29], «причем интегрируются самые разные аспекты рассмотрения процесса перевода» [Поликарпов 2017а: 11]. Среди представителей мировой лингвистической науки, постулирующих междисциплинарность транслятологических исследований, можно обнаружить М. Снелл–Хорнби, Дж. С. Холмс, Ф. Пеххакер, К. Кайндль, Х. Залевски, И. Мюллер и др. [Snell–Hornby 1988; Holmes 1988; Snell-Hornby, Pöchhacker, Kaindl 1994; Duarte, Asis Rosa, Seruya 2006; Cuellar 2008; Alvstad, Hild, Tiselius 2011; Salevsky, Müller 2011 и др.].

Вслед за «междисциплинарным поворотом» [Поликарпов 2017а: 8] в развитии зарубежного переводоведения, смещение парадигмы в сторону интердисциплинарности произошло также в отечественной науке и представлено в трудах следующих лингвистов – А.М. Поликарпов, Х.Ли Янке, И.В. Убоженко, Н.К.Гарбовский, Э.Н. Мишкуроев, А.Н. Злобин и др. [Поликарпов 2012; Злобин 2012; Ли Янке 2013; Убоженко 2014; Гарбовский 2015; Мишкуроев 2015]. Будучи преимущественно лингвистической дисциплиной в начале своего становления, транслятология на современном этапе превратилась «в междисциплинарную отрасль науки с явно выраженной многомерной структурой» [Цвиллинг 2002: 50].

Как результат интерпретации интердисциплинарности переводоведения возникла *интегративная модель перевода*, разрабатываемая под руководством профессора А.М.Поликарпова. В ее центре стоит изучение переводческой практики «как разновидности когнитивной деятельности переводчика с учетом

креативности его языковой личности, а также целого комплекса факторов, определяющих и сопровождающих переводческий процесс» [Поликарпов 2012: 278]. Такие составляющие переводческого акта называются «константами перевода» [Там же], а целостный подход к изучению устного судебного перевода соблюдается за счет их системообразующего характера [Поликарпов 2017а: 10]. Учет констант ведется не с монистических позиций, а опираясь на невозможность существования этих факторов вне тесной взаимосвязи друг с другом.

Таким образом, в основе интегративного видения процесса перевода лежат представления о: 1) герменевтических началах переводческой деятельности; 2) многоканальности ментально–вербальных мыслительных процессов (когнитивный аспект); 3) первостепенности текста оригинала (текстоцентризм); 4) ориентации на деятельностный аспект перевода (антропоцентризм); 5) значимости ситуативных факторов межкультурного и межъязыкового акта коммуникации (дискурсивный аспект); 6) приоритетности личностных характеристик создателя и получателя текста (языковая личность переводчика); 7) непрерывности взаимодействия и параллельности сознательных и бессознательных компонентов.

Итак, исследование устного судебного перевода с позиций интегративного переводоведения предлагает необходимый комплекс средств описания и представления ментальных процессов и операций, происходящих в мозгу переводчика, позволяющий изучать устный судебный перевод с позиций междисциплинарности научного знания.

1.3 Константы устного судебного перевода

1.3.1 Устность

Многоканальный характер и большая *вариативность условий реализации* устнопорождаемой речи представляют «пограничную область исследования,

интересующую не только лингвистов, но и когнитологов, социологов, психологов, культурологов» [Бубнова, Ратникова 2009: 125].

Во-первых, «устность» (в разной степени) характеризует как ИТ, так и ПТ. В суде действует принцип непосредственности судебного разбирательства [43 кар. 8 § RB; п.6 ст. 6 КАС РФ; ст. 240 УПК РФ; ст. 157 ГПК РФ], поэтому преобладающим в ходе судебного заседания в Швеции является синхронный или последовательный *устно-устный перевод* («перевод с листа» встречается реже). Уместным представляется обзор основных характеристик *звучащего* дискурса с тем, чтобы задать условные рамки плоскости, в которой работает устный судебный переводчик.

В первую очередь, «устнопорождаемая речь и присущий ей семиозис конструктивных элементов характеризуются *одномоментностью* и *необратимостью* во времени» (все выделения курсивом наши – А.Ф.) [Поликарпов 2013: 26]. Невозможность повторного обращения к какому-либо определенному моменту высказывания имеет непосредственное влияние на процесс осуществления перевода – от этапа перцепции сообщения переводчиком до этапа вербализации отрезка речи на ПЯ и пост-переводческого контроля. Отсюда ясно, что особую значимость приобретает концентрация внимания на источнике речепорождения, на безошибочном распознавании звукового кода и учета всех смыслообразующих компонентов высказывания. Невозвратность порожденного дискурса также располагает к бóльшей синтаксической «свободе» спонтанного говорения. Потому говорящий (как отправитель ИТ, так и переводчик) вынужден обращаться к другим средствам для передачи точности заложенного в высказывании смысла: к интонационному выделению, уточнению сообщения, комментированию, повторам [Бубнова, Гарбовский 1991:4-5].

В силу поступательного и линейного характера развертывания речевой цепи говорящий оказывается в положении с довлеющей необходимостью *мыслить и говорить одновременно*. Таким образом, еще одна существенная особенность устного порождения речи – это параллельное протекание планирования и собственно продуцирования речи, поскольку «говорящий <...> лишен

возможности выхода из временного течения речи, из ее процессуальной необратимости, <...> вербальное означивание процесса речевой деятельности становится эксплицитным» [Бубнова 2001: 108]. Необходимость синхронизации процессов мышления и вербализации, обязательность беспрерывно регистрировать ситуативные стимулы и реакции собеседников [Кожевникова 1985: 512] приводит к неравномерному сжатию, неравномерному логическому структурированию сообщаемого содержания [Поликарпов 2013: 27] и отступлению от канонов письменной речи. *Непродуманность* устнопорождаемой речи позволяет говорящему «нарушать первоначально избранную структурную формулу» [Лаптева 1980: 48], ввиду дефицита времени часто «начатые структуры не реализуются в соответствии с ожиданием как самого говорящего, так и слушающего» [Поликарпов 2013: 28]. Возрастает вариативность просодической структуры, особенно в связи с проявлением оценки событий говорящим, и, возможно, ввиду уменьшения контроля над речью [Казанникова 2013:8].

Такая «непредсказуемость» речи имеет большой резонанс в отношении увеличения сложности процесса перевода. Процесс распознавания и структурирования отдельных квантов информации соответственно более крупной смысловой единице усложняется, что требует высокой степени концентрации внимания и активизации ментальных процессов переводчика. Важно осознавать, что переводчик также работает в жестких временных рамках, а такого рода динамические нарушения синтаксических структур в ходе речепроизводства противодействуют механизмам вероятностного прогнозирования переводчика, которые в противном случае до определенной степени помогают автоматизировать его речь на ПЯ и позволяют ему «выиграть время» для тех отрезков дискурса, перевод которых потребует больших затрат.

Спонтанность является одной из ведущих особенностей устнопорождаемой речи. Колебания в структурировании устнопорождаемой речи манифестируются как в указанных выше конструкциях, так и в виде сегментной хезитации, в повторах, самоперебивах, «топтании на месте» и в конечном итоге сводятся к т.н. «деструктурированию» [Поликарпов 2013: 29]. Спонтанность

также рассматривают как противопоставление «интенциональности», то есть уровня осознанности или планируемости коммуникативного действия [Там же]. Придерживаясь точки зрения К.А. Долинина, мы не считаем спонтанность и интенциональность взаимоисключающими понятиями. Поскольку процесс возникновения устнопорождаемой речи предваряется этапом «программирования» (т.е. этапом синтеза внутренней речи), спонтанность следует рассматривать как «практическую одновременность лексико-грамматического развертывания внутренней программы и реализации высказывания в той или иной материальной форме» [Долинин 1987: 244]. Итак, в судебном диалоге спонтанность устнопорождаемой речи может выражаться через: постепенное, ступенчатое формулирование высказывания «по мере осознания того, что сказано, того, что следует сказать, что необходимо еще повторить или сказать по-другому, уточнить» [Бойкова и др. 1988: 63]; необработанную, синтаксически «лоскутную», информативно рыхлую речь [Орлов 1991: 67-68]; незаконченные высказывания, экономные и избыточные структуры [Поликарпов 2013: 72–77].

Наблюдаемый в устнопорождаемой речи критерий «непринужденности» устного диалога [Мощанская, Поликарпов 2017: 12] не применим к устной коммуникации в ходе судебного процесса. Заметим, что непринужденность сознательно не приравнивается к спонтанности устнопорождаемой речи. Непринужденность судебного диалога ограничивается ассиметричным статусом коммуникантов, доминантной позицией представителя института правосудия, регламентом судебного заседания. Приведем пример – когда участника процесса просят изложить обстоятельства дела в свободной форме (в форме рассказа), в его речи проявляется спонтанность, незапланированность, необратимость. В ней могут возникать повторы, самоперебивы, топтание на месте, «неграмматичные конструкции», начатые структуры не реализуются в соответствии с ожиданием и т.д. Чего не скажешь о непринужденности – говорящий вряд ли будет перебивать судью, адвоката или прокурора, задавать риторические вопросы, слишком далеко отклоняться от предмета беседы и т.д., что он мог бы сделать в ситуации

бытового «непринужденного» общения. Непринужденность также неприменима в отношении речи переводчика, поскольку он связан целями и стратегией перевода.

Отметим, однако, что не все ИТ, возникающие в устной форме в процессе судебного дискурса, характеризуются спонтанностью. Случается, что участники слушания прибегают к «озвучиванию» письменных документов, что вынуждает переводчика адаптировать как процессы восприятия сообщения на ИЯ, так и процессы синтеза сообщения на ПЯ в соответствии со стилем и жанром письменной кодифицированной речи. В связи с этим, сделаем оговорку – в данном исследовании мы различим понятия «устнопорождаемая речь» и «устная речь», поскольку последнее может также применяться в отношении вербализации письменной речи, и в этом случае не обладает рассмотренными характеристиками.

Облигаторным элементом любой устной коммуникации является *целенаправленность* вербального поведения коммуникатора – «говорящий обязан учитывать реакцию слушающего и стремиться привлечь его внимание, вызвать интерес к сообщению» [Бубнова, Гарбовский 1991: 4]. Целевая установка говорящего формируется на основе общих механизмов анализа КС, и завершается этапом «предвосхищения сообщаемого (коммуникативной интенцией)» [Поликарпов 2013: 30]. Таким образом, коммуникативное целеполагание является естественным компонентом речевого общения, «определяющим моментом, импульсом для возникновения и поддержания устнопорождаемой речи» [Там же, см. также Иванов 2017: 38].

Многоканальность каналов связи между коммуникаторами включает в себя не только непосредственный акустический контакт говорящего со слушающим (как переводчиком, так и остальными реципиентами сообщения), но и возможность «обратной связи» посредством словесного реагирования, а также прямого визуального и возможного тактильного контакта. Известно, что в устной речи значительная часть информации передается по визуальному каналу, который включает мимику, жесты, характер взгляда, пространственное положение говорящего и слушающего, характер их перемещения друг от друга [Бойкова, Коньков, Попова 1988: 22]. Таким образом, спонтанная устная интеракция должна

учитывать *модальные уровни коммуникации*, «к которым относятся, помимо вербальности, и просодия, и кинесика, и проксемика» [Петрова 2009: 53], которые «способны заменять вербальную коммуникацию в конкретном речевом событии без ущерба для последнего и выступать одновременно полноправным каналом связи в речевом воздействии» [Там же]. Такая *непосредственная двусторонняя связь* между участниками коммуникации, включая переводчика, являет собой еще одну особенность внеязыковой ситуации, связанной с устной формой общения.

Временная и пространственная определенность (конкретный хронотоп), смена функций отправителя и получателя речи [Девкин 1965: 10; Гойхман, Надеина 2003: 131] также являются непреложными характеристиками устнопорождаемой речи.

Итак, адаптируя определение А.М. Поликарпова, под устнопорождаемой речью в данном исследовании понимаем «естественную, устную, спонтанную, неподготовленную, <отчасти> (прим. наше – *А.Ф.*) непринужденную речь, характеризующуюся целенаправленностью вербального поведения, персональностью коммуникации (наличием непосредственной взаимосвязи между говорящим и слушающим и их активным взаимодействием), а также многоканальностью общения и чаще диалогичностью, что приводит в итоге к параллельному протеканию планирования, собственно продуцирования речи со стороны говорящего и соответствующего восприятия и интерпретации со стороны реципиента при наличии механизма обратной связи» [Поликарпов 2013: 27].

1.3.2 Когнитивная составляющая

«Не надо ничего понимать, Вы просто переводите!» – это требование нередко звучит в залах суда в адрес переводчиков, которые обращаются к источнику высказывания с целью уточнить содержание высказывания. Такое поведение представителей института правосудия связано с обывательским

пониманием сущности процесса перевода [Berk-Seligson 1990; Morris 1990; Wadensjö 1998; Carstensen, Dahlberg 2018:55].

Отправной точкой исследования является представление языка как неотъемлемой части познавательных способностей человека и упорядочивание его организации в соответствии с принципами, которые управляют этой деятельностью [Буланова 2009: 119]. О неотделимости когнитивной деятельности переводчика (в т.ч. понимания, извлечения смысла, вычленения значения, интерпретации высказывания) от результата перевода свидетельствуют многочисленные исследования лингвистов [см. Alvstad, Hild, Tiselius 2011; а также Lindner 1981; Ольховиков 1999; Краузе 2002; Фесенко 2002; Кубрякова 2004; Ворожбитова 2005; Нестерова 2005; Ивин 2006; Караулов, Чулкина 2008; Трофимова 2011; Усачева 2011; Поликарпов 2012; Локтионова URL; Азаренко 2015; Мишкурин 2015; Дашинимаева 2017] и сложные лабораторные исследования в области нейрофизиологии и психофизиологии головного мозга, которые указали на вовлеченность в процесс устного синхронного перевода обоих полушарий – не только участков символьных систем, но и зон, отвечающих за мыслительное планирование и контроль [Hervais-Adelman, Moser–Mercer, Miche, Golestani 2014].

Перевод связан с общими познавательными функциями: памятью, скоростью мышления, концентрацией внимания и системой контроля за распределением ресурсов для их функционирования [Röchhacker 2014]. Они находятся в основе профессиональной компетенции переводчика и «позволяют ему в режиме реального времени применять усвоенные лингвокультурные знания, коммуникативные навыки и трансформационные приемы» [Савчук 2018]. Качество выполняемого устного перевода, который включает в себя процессы понимания, переформулирования и вторичного речепорождения, зависит от индивидуальных показателей общих когнитивных функций [Linck, Osthus 2014].

В герменевтических традициях «понимание» трактуется как переводческое видение авторского замысла, его осмысление, интерпретация исходного текста

[Ольховиков 1999: 104]. В этом ключе важными считаем освещение дискуссионных понятий «авторский замысел», «смысл» и «интерпретация».

Вслед за П.П. Дашинимaeвой мы понимаем «смысл», заложенный в текст отправителем, в качестве *информативного сужения* личной значимости [Дашинимaeва 2017: 13]. Автор поясняет, что «человек сначала мысленно переживает некоторую значимость (также и в ситуации восприятия речи), затем вербализует во внешней речи определенную *часть помысленного*» [Там же: 10]. Ключевым аспектом в преломлении к процессу перевода является то, что не все помысленное для себя вербализуется для других, т.е. смысл – это малая часть значимости (авторского замысла).

Смысл также можно рассматривать в качестве «многослойного ментального образования, характеризующегося многоликостью и гетерогенностью» [Поликарпов 2014а: 291], который охватывает «обязательные элементы, по-разному расположенные в смысловом континууме», которые могут менять свой объём и положение, доминировать или уходить на периферию [Трофимова 2011: 274]. Такая «смысловая плазма» состоит из нескольких слоев: поверхностный слой смыслов (пропозициональный смысл), т.е. потенции, «которые непосредственно закодированы в языковом знаке», и многие другие слои, «которые могут быть актуализированы при дополнительных условиях, соответствующих особенностям субъективной действительности» [Трофимова 1997: 4], например интенциональный смысл (позволяющий эксплицировать интенциональные состояния коммуниканта), оценочный смысл (показывающий отношение коммуниканта к окружающей действительности), эмоциональный смысл (свидетельствующий об эмоциональном отношении говорящего), окказиональный смысл (создаваемый отдельными элементами дискурса).

Таким образом, «значимость» (или «смысловая плазма»), как исходная мыслительная сущность семиозиса отправителя сообщения, отличается от «значения» (того, что указано в словаре), и обладает семантикой многогранности, процессности, динамичности [Дашинимaeва 2017: 10]. Она «идеоматична, единична, лично ориентирована, неполностью определена, свободна от

языкового знака, хотя нацелена на акт / результат (коммуникативный)» [Там же: 11]. Именно цель коммуникации превращает сформированный из значимости смысл в «означиваемое» – то, что будет озвучено [Там же: 13]. Следовательно, первым шагом на пути проникновения переводчика в систему смыслов текста должно быть установление повода, причин, обстоятельств и мотивов порождения исходного текста [Мишкурлов 2013: 78]. Перевод предполагает «взаимодействие когнитивных и языковых структур индивида (переводчика) в самом широком контексте его психосемиотической характерологии» [Фесенко 2002: 66].

Подчеркнем, что переводчик должен проникнуть не только в (вербализованный) смысл текста, но и в *замысел автора* [Ольховиков 1999: 104; Локтионова URL: 5; Ворожбитова 2005: 130; Ивин 2006: 325], его значимость (или смысловую плазму). Отсюда следует, что невозможно раз и навсегда постигнуть истинный смысл текста.

В силу своей многомерной структуры, текст оригинала может стать источником множества интерпретаций [Shi 2009], что лежит в основе поливариативности переводов одного и того же текста [Мишкурлов 2013: 79]. А значит, понимание всегда ситуативно обусловлено и связано с *интерпретатором* – субъектом понимания. Оно подразумевает знание «характеристик личности автора, его жизненной позиции в обществе и т.д. с учётом <...> дистанции между автором текста и интерпретатором, которая связана с различием культур, исторических эпох, языков» [Мишкурлов 2013: 78] и много другого. Межкультурная коммуникация может быть охарактеризована как «ориентирующее взаимодействие (культурных) идентичностей», и требовать учета языковой личности (ЯЛ) и картины мира как отправителя, так и получателя текста [Сдобников 2009: 24; Казыдуб 2018: 176].

К создателям текста также относят самого переводчика [Hale, Napier 2013: 119; Абаева 2019: 114 и др.]. Однако ЯЛ переводчика – это вторичная ЯЛ, поскольку его речевое поведение подчинено характеру переводческой деятельности [Караулов, Чулкина 2008: 8; Минченков 2008: 9]. Другими словами, его способности на мотивационном уровне направлены на «восприятие речевого

произведения с целью последующей передачи его смысла на другом языке» [Караулов, Чулкина 2008: 8] и «преодоление чуждости сообщения» [Артамонова 2007: 205]. ЯЛ переводчика в процессе перевода формируется из: «1) ценностных, мировоззренческих компонентов воспитания; 2) этнокультурологического компонента; 3) личностного компонента; 4) социальной интеракции и ряда других» [Поликарпов 2012: 279]. Немаловажным является самоопределение ЯЛ переводчика, его *идентичности* с поликультурным полотном судебного диалога.

Таким образом, «асимметрия показателей, восходящих к различным моделям мировосприятия и мироощущения, требует управленческих решений в плане преодоления когнитивного диссонанса посредством согласования концептуальных структур и интерпретационных схем» [Казыдуб 2018: 176].

Человеческий мозг наделен «незаурядным потенциалом синхронизации мыслительных потоков» [Франтова 2012: 281], а когнитивно-вербальную деятельность переводчика можно связывать с «полифонизацией сознания» (способностью человеческого мозга решать большое количество задач одновременно) [Там же]. Таким образом, философско-герменевтическая проблематика прослеживается в контексте *многослойности мышления переводчика* во время осуществления перевода, т.н. «многоканальности» профессионального мышления переводчика – сознательных ментальных действий и бессознательных операций [Поликарпов 2018: 238].

Итак, важным в преломлении к процессу перевода считаем положения о том, что: 1) не все помысленное для себя вербализуется для других; 2) невозможно раз и навсегда постигнуть истинный смысл текста; 3) понимание всегда связано с интерпретатором, т.е. индивидуально и ситуативно обусловлено; 4) мыслительные процессы переводчика многоканальны.

Вопреки мнению представителей юридических профессий, герменевтика может смело выступать в качестве основной философии перевода [Гарбовский 2002; Кузнецов 2002; Нестерова 2005: 145; Поликарпов 2014а: 280], поскольку «именно своим герменевтическим аспектом перевод наиболее тесно связан с философской проблемой понимания» [Копылов 2008: 7].

1.3.3 Судебный дискурс

Рассмотрим подробнее один из начальных ситуативных факторов коммуникации в ходе судебного заседания – «судебный дискурс».

В научном мире понятие «дискурс» получает разное истолкование [Кириллова 2007; Кибрик 2009; Дубровская 2009; Власенко 2015] и используется то в более широком, то в более узком смысле, несмотря на то, что оно является одним из центральных в современных исследованиях устного перевода [Hale, Napier 2013: 117] и лежит в основе популярного метода дискурс-анализа [Berk-Selingson 1990; Davidson 2000; Roy 2000; Wadensjö 2001]. Попробуем разобраться в том, что представляет собой «дискурс» для ученых-лингвистов, и, в частности, что означает понятие «судебный дискурс» для данного исследования.

«Дискурс» часто определяют через контрастивное ему понятие «текста» [Миловидов 2000; Александров 2003; Johnstone 2009; Вах 2011; Hale, Napier 2013: 118; Чернявская 2009: 135; Симатова 2018: 80]. Представим конфигурации определений «текста» и «дискурса» относительно друг друга, исходя из одного или нескольких дифференциальных признаков:

1) *форма представления языка* – «текст» как письменный язык, в то время как «дискурс» описывает устный [Hale, Napier 2013: 118];

2) *экстралингвистическая информация* – анализ «дискурса» характеризует «внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса» [Чернявская 2009: 135]; «дискурс» представляется как «использование языка в речи и в контексте», в противовес искусственно созданным предложениям «текста» [Hale 2007; Hale, Napier 2013: 118]; «дискурс» – это речь, «погруженная в жизнь», текст в совокупности с экстралингвистическими факторами [Арутюнова 1990: 136-137], дискурс как средство выражения, экспликации контекста [van Dijk 2008];

3) *коммуникативная направленность* – «дискурс» описывается как коммуникация, реализация языка в конкретном коммуникативном событии [Hale

2007; Johnstone 2009; Gee, Handford 2012], как модус бытия текста [Александров 2003: 6, 12], отождествляется с диалогом [Чернявская 2009:136];

4) *уровень языка* – «дискурс» обычно представляет собой надтекстовый уровень [Симатова 2018], который может характеризоваться связностью, аутентичностью [Вах 2011], единой тематикой [Чернявская 2009: 144];

5) *структура* – «текст» воспринимается как статичный объект, в то время как «дискурс» представляет *«движение и структурирование* смыслов в сознании исследователя (и, в значительной степени, гипотезируемое, в сознании автора), но, главным образом, 1) смысловые предпосылки и 2) смысловые последствия работы 3) лингвистических механизмов текста, причем *в синтезе и динамике* всех трех составляющих дискурса как *процесса* текстопостроения и рецепции текста» [Миловидов 2000: 6].

Такое противопоставление понятий не всегда последовательно. В рамках структурно-динамической парадигмы текст, несмотря на свою конечность, также обладает динамичностью и «ощущается только в процессе производства» [Симатова 2018: 80]. В то же время, широкое понимание языка как потока предикаций [Курдюмов 1999] ликвидирует понятие «экстралингвистической составляющей». «Дискурс» определяется как *«бесконечный* глобальный процесс генерирования текстов, объединенных общим топином», который поддерживает связь между текстами и «выступает как важный структурный компонент для базовых идей всех этих текстов» [Симатова 2018: 80].

Суть «дискурса» также можно понимать как общую концепцию, выходящую за рамки отдельных высказываний говорящих, как способ восприятия и интерпретации действительности вокруг нас и организации порядка наших мыслей и речи. С.Хейл и Дж.Напиер пишут в связи с этим следующее: «Когда мы говорим, мы создаем или ненароком разоблачаем наш «дискурс» – нашу систему ценностей, идеологических убеждений» [Hale, Napier 2013:118]. Обобщая различные подходы к определению этого понятия, отметим, что дискурс следует понимать не только как тексты и их «экзистенциальное окружение» [Там же] в коммуникативной среде, а как отражение фактов социальной реальности.

Вслед за В.Е. Чернявской, будем трактовать дискурс как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2009: 144] в рамках конкретного коммуникативного события, фиксируемого в устной речи и осуществляемого в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве. Дискурс – это не «статический лоскут экзистенциального пространства языкового коллектива, а скорее – в известном смысле «живая прецедентность» любой коммуникации, постоянно меняющаяся под воздействием огромного количества независимых переменных» [Радченко 2009: 61].

Ведущим типом дискурса, реализуемого в ходе судебного заседания, является юридический дискурс. В настоящем исследовании исходим из того, что юридический дискурс представляет собой отдельный вид дискурса и понимается как совокупность текстов, объединенных общей тематикой и имеющих единую концептуальную основу – закон, право, правовые отношения [Карасик 2000]. В целях данного исследования судебный дискурс рассматривается как вербальная реализация юридического дискурса в контексте конкретного судебного заседания.

С позиций теории коммуникации дискурс можно определить через рамки заданных статусно-ролевых отношений участников общения, в которых статусно-ориентированный (или институциональный) тип дискурса противопоставляется личностно-ориентированному. Таким образом, судебный дискурс находится в гиперо-гипонимических отношениях с юридическим дискурсом, представляет собой его разновидность и обладает характеристиками, присущими институциональной коммуникации. Отметим, что «изучение институциональных дискурсов позволяет представить характеристики не отдельного человека, а групп людей определенного этноса, объединенных *профессиональными функциями*» [Казарина, Исаева 2012: 2].

Отсюда следует, что в рамках интегративной модели процесса перевода особого внимания заслуживают институциональные качества юридического дискурса и их влияние на устный судебный перевод, а именно: 1) хронотоп (зал судебных заседаний в регламентированное время); 2) цель (разрешение правового конфликта в соответствии с действующим законом); 3) ценности, выраженные в

основных концептах судебного дискурса (закон, право, справедливость, правда); 4) стратегии (разъяснение, регулирование, контроль, предписание) [Устинова 2011]. Дополним данный список, как нам представляется, значимыми для процесса перевода устнопорождаемой речи особенностями, выделенными М.Коултхардом и соавтором учебника «Введение в юрислингвистику» Э.Джонсон: 5) широкое использование косвенных речевых актов; 6) управление дискурсом и коммуникативными целями в руках представителя института правосудия; 7) доминантная позиция представителей института правосудия в отношении лексических средств выражения; 8) несовпадение пресуппозиций говорящего и слушающего в отношении т.н. «общего знания» в момент общения [Coulthard, Johnson 2007: 14-16].

Анализируя представленные положения, подчеркнем, что они отражают статусно неравноправные роли и асимметричные правила поведения разных участников заседания. Добавим, что статусная неравноправность дискурса заранее определена нормами института правосудия [ван Дейк 2014]. В последующем изложении раскроем каждое свойство, характеризующее судебный дискурс в преломлении к регламенту судебных процессов в Швеции.

Начнем с *хромотона* судебного дискурса. Как известно, выступления в суде строго регламентированы, «судебный процесс разворачивается во времени и протекает в определенных *ритуальных фазах*, к которым относятся завязка (вступительное слово судьи), нарастание (рассмотрение материалов дела), кульминация (прения сторон), развязка (вынесение приговора)» [Казакова 2018: 52]. Заметим, что наблюдаемый в устнопорождаемой речи критерий «непринужденности» устного диалога [Мощанская, Поликарпов 2017: 12] не применим к устной коммуникации в ходе судебного процесса. Не следует, однако, делать вывод о том, что без «непринужденности» не будет и «спонтанности» диалогической речи (см. раздел 1.3.1). Несмотря на «протокольность» судебного слушания, оно не исключает возникновения «незапрограммированных» компонентов [Тютюнова 2012: 122]. В устном судебном дискурсе также присутствует экспромтность и непродуманность речи, но обусловлена она не

формальным статусом партнеров по коммуникации, а отсутствием времени на продумывание и планирование. Функциональная ориентированность устного диалога диктует отбор разных языковых средств [Ламухина 2006].

Далее охарактеризуем *цель* дискурса. Урегулирование гражданских дел и рассмотрение уголовного обвинения в законном порядке как в России, так и в Швеции происходит согласно принципу состязательности сторон. Первостепенным свойством реализации принципа является «спор сторон в судебном заседании» [Тарасов 2010: 291]. Понятие «спор» включает в себя «словесное состязание, борьбу мнений, полемику, наличие разногласий» [Павлова 1991: 5], а в рамках устного судопроизводства рассматривается как «форма отстаивания каждой стороной спора <...> своей позиции» [Тарасов 2010: 291].

Агональный характер общения между коммуникантами в суде проявляется в несовместимости позиций противоборствующих сторон судебного процесса: «их коммуникативные цели зачастую противоположны друг другу и связаны с намерением каждой из сторон одержать победу в споре» [Казакова 2018: 51]. Для того, чтобы понять условия формирования судебной речи, обратимся к свойствам судебного спора в уголовном процессе, выделенным И.С. Тарасовым.

На первый план выходит четкая формулировка предмета спора, от которой зависит его успешность, т.е. судебному дискурсу свойственна аргументативность. Вторым свойством спора считается его очность (непосредственность), в основе которой лежит «человеческий (личный) фактор: стороны сходятся в процессе лицом к лицу, а не присылают вместо себя письменные документы» [Тарасов 2010: 292]. Иначе говоря, судебный спор предполагает встречу лицом к лицу с миром собеседника. В-третьих, неотъемлемым элементом судебного спора является его устный характер [Там же]. Он соотносится с хронотопом судебного перевода, т.е. обуславливает общение между конкретными лицами в рамках установленных ограничений во времени и пространстве и означает, что участники заседания должны адаптировать свою речь в соответствии с этими установками. Еще одним важным свойством судебного спора является его гласность [Там же]. Открытость судебного процесса означает, что «любой совершеннолетний

гражданин, а также представители государственных и негосударственных средств массовой информации имеют возможность присутствовать в зале суда, наблюдать и фиксировать всё происходящее в нём, сообщать о процессе неограниченно широкому кругу лиц» [Безлепкин 2017]. Следовательно, участник судебного заседания встречается не только с миром процессуального противника, но и с мирами слушателей, которые своим присутствием воздействуют на спорящих. Агональная риторическая коммуникация «имеет форму полилога с лучевой прагматической расщепленностью, ориентированного, с одной стороны, на непосредственных участников судебной речевой коммуникации (защитника / обвинителя / судью / истца / свидетеля), а с другой – на присутствующих наблюдателей (публика, присяжные заседатели, слушатели аудиозаписи допроса)» [Казакова 2018: 52]. Коммуниканты «обязательно учитывают присутствующих, их реакцию, тщательно отбирают необходимые аргументы, чаще проявляют упорство во мнениях, порою излишнюю горячность» [Павлова 1991: 9].

Обратим внимание на *ценностную* составляющую институциональности судебного дискурса. Заметим, что «судебная логика при том, что она рациональна, еще эмоциональна, экспрессивна и ‘пристрастна’» [Канафьева 2009: 32]. Таким образом, процесс информирования в суде неизбежно становится процессом «информативного воздействия» [Недашковская 2004: 159]. Речевое воздействие можно определить как «одну из форм речевого общения, предполагающую использование разнообразных вербальных и невербальных средств говорящим <...> с целью достижения поставленных целей коммуникации» [Чернышов 2016: 201]. В силу специфичности жанра судебной речи характер информационного воздействия многослоен и неоднороден, поскольку воздействие рассчитано на четыре группы адресатов: «состав суда, процессуальный противник, подсудимый и граждане, присутствующие в зале» [Недашковская 2004: 159]. Н.К. Пригарина указывает на то, что «судебная практика, как никакая другая, нуждается в оценках (как объективных, так и субъективных), поэтому употребление оценок является обязательным и всеобщим требованием к аргументации судебной защитительной речи» [Пригарина 2010:

15], и служит «основой для создания ценностных аргументов, являясь эффективным средством воздействия» [Там же: 16].

Далее кратко коснемся воздействия на сознание реципиента в устном судебном дискурсе посредством применения широкого ряда речевых *тактик*. Судебный диалог можно определить в качестве агональной коммуникативной ситуации [Казакова 2018: 51]: «речевое общение в зале суда представляет собой персуазивный процесс, общая цель которого состоит в осуществлении воздействия посредством коммуникативно-речевых стратегий убеждения на публику, и достижении тем самым вербального превосходства над оппонентом» [Там же: 52]. Убеждение является формой прямого, открытого воздействия на слушателя, т.к. оно «соотносится с прямым кодированием: цель сообщения указывается напрямую; сообщение формулируется предельно четко и допускает лишь одно толкование; языковые единицы точно реферируют к речевой ситуации» [Недашковская 2004: 162]. Убеждение обычно распадается на четыре основных вида тактик: информирование, разъяснение, доказательство и опровержение [Шейнов 2000: 97]. При убеждении «мы не сообщаем реципиенту ничего, чего бы он уже не знал, но то, что он знает, представляем для него в ином свете» [Леонтьев 1999: 275]. Другими словами, новизну информации адресаты извлекают из той оценки дела, которую представляет их вниманию говорящий, то есть «в интерпретации уже известных фактов с точки зрения позиции, занимаемой оратором» [Недашковская 2004: 159]. При этом существует ряд тактик, целью которых является оказание скрытого воздействия. К таковым относятся различные виды манипуляции, в том числе суггестия, которая «предполагает косвенное кодирование сообщения, [...] т.е. автор использует в речи конструкции, которые позволяют ему передать свои мысли не в прямой, а в завуалированной форме» [Там же: 162], и рефрейминг, как «прием коррекции отдельных фрагментов модели мира адресата» [Иссерс 2013: 218]. Манипулирование представляет собой вид скрытого воздействия на адресата [Чернявская 2000: 16; Van Dijk 2006], «воздействие в отсутствие кооперации» [Корнаухова 2011: 92], или «специфический способ управления <...>, характеризующийся

неблаговидностью действий и намерений манипулятора (инициатора влияния), противоречащих воле адресата и приносящих ему вред (ущерб)» [Таирова 2011: 9]. Важной для переводчика является возможность проникнуть в замысел говорящего, чтобы распознать характер воздействия, инициированного высказыванием, а, следовательно, и операции, необходимые для сохранения характера использованной тактики судебной речи при переводе.

В отношении *широкого применения косвенных речевых актов* следует заметить, что иллокутивная сила зачастую отличается от предполагаемого локутивного оформления, например, локуция в форме вопроса может отвечать, как фактическому запросу о предоставлении новой информации, так и запросам подтвердить установленные заведомо обстоятельства дела или даже исполнить какое-либо указание. В связи с этим переводчику необходимо обращать особое внимание на прагматику высказывания, пытаясь одновременно сохранить план выражения оригинала.

Напомним, что ассиметричные отношения между говорящими в зале суда проявляются также в *неравных возможностях управления коммуникацией*. В таком случае общение строится согласно транзакционной модели коммуникации, где бóльшую значимость получает обмен информацией в ущерб достижения социальных или фатических целей. К тому же, зачастую подсудимый, потерпевший или свидетель находятся в позиции «защиты» по отношению к прокурору или судьям в рамках коммуникативных целей, которые задаются представителями институциональной стороны дискурса. Статусные роли участников коммуникативной ситуации «предписывают общению в рамках суда официальную стилевую тональность, то есть использование институционально закреплённых формул обращения к суду», а «нарушение участниками ритуальных правил вызывает понижение их статуса в коммуникативном событии» [Казакова 2018: 52]. Речевое общение судьи и свидетеля происходит «в вопросно-ответной форме общения с сопутствующими ей синтаксическими свойствами диалога (эллиптичность высказываний, синтаксический параллелизм и др.) [Там же]. Это в корне меняет привычные для повседневного общения «правила вежливости» и

означает, что прерывание партнера по коммуникации или реплики, заключающие в себе отказ от кооперации, менее частотны и являются отступлением от «конверсационных максим», а потому несут в себе особую маркированность, и должны быть адекватно переданы в переводе.

Далее, раскроем значение *«лексического неравноправия»*. Статусная асимметричность в виду институциональности судебного дискурса выражается не только посредством неравного распределения «власти» над дискурсом, но и посредством принадлежности коммуниканта к одной из дискурсивных групп – профессионалам-юристам (субъект-юрист) или непрофессионалам (субъект-неюрист). Лексика, синтаксис и прагматика юридического языка требует четкости мышления и обоснованности логических выводов. Как показывают исследования письменного юрисдискурса, «тексты юридических документов обладают определенными языковыми и стилистическими особенностями. Опытные работники прокуратуры, следственного комитета, адвокаты хорошо представляют себе, «что можно и чего нельзя» в юридическом тексте: как строить предложения, какие слова следует употреблять, а какие неуместны» [Гумеров 2009: 31]. По данным эмпирического анализа лингвистического материала, как правило, выбор является интуитивным [Там же]. В связи с вышеизложенным, можно предположить, что этот навык обусловлен тем багажом юрислингвистических знаний, который субъект-юрист приобрёл благодаря специальному профессиональному образованию, а также в ходе своей профессиональной деятельности. Отличительной характеристикой терминов следует признать системность и тесную связь с другими терминами в одной терминологии. Использование терминов в рамках профессиональной деятельности влияет на ее эффективность [Головин, Кобрин 1987:5]. Благодаря высокой терминологичности юридического дискурса преимущество субъектов-юристов заключается не в том, что они знакомы с единичными терминами, а в том, что они обладают знанием о юридических терминосистемах. В то время как появление терминологии носит стихийный характер, терминосистемы чаще всего конструируются с целью упорядочивания терминологии [Даниленко 1977; Кобрин 1987; Лейчик 2009]. В

результате юристы-профессионалы обретают тактическое преимущество и возможность «манипулировать» ходом разговора. В исследовании представлен ряд примеров, где наглядно показана разница между толкованием изолированных юридических терминов и терминов как элементов терминосистемы (раздел 2.2.2).

И, наконец, *отсутствие доступа к имплицитной информации* у одной из сторон слушания приводит к разночтениям в толковании сообщения. Таким образом, переводчику необходимо предугадывать возможные «неправильные» истолкования плана содержания высказывания реципиентом, заранее «просчитывать» альтернативные варианты перевода и выбирать стратегии и тактики перевода в соответствии с этими установками.

Обобщим ключевые характеристики устного судебного перевода: 1) одномоментность и необратимость во времени сообщения ИТ и ПТ; 2) невозможность повторного обращения к актуализированному ранее высказыванию; 3) высокая значимость процессов восприятия и распознавания устнопорождаемой речи; 4) многоканальность ментально-лингвальных процессов – от восприятия сообщения, его осмысления и толкования до вербализации перевода и автокоррекции; 5) учет бóльшей синтаксической свободы, меньшей каноничности речи; 6) облигаторный характер учета реакции слушателя; 7) целенаправленность вербального поведения коммуниканта; 8) довлеющая над участниками коммуникации (в т.ч. переводчиком) необходимость синхронного выполнения процессов мышления, осмысления, толкования и вербализации; 9) условия «динамичности» диалогического общения; 10) непродуманность устнопорождаемой речи, вызывающая «колебания в ее структурировании»; 11) имплицитный семантический фон в виду расширенного по сравнению с письменным переводом комплекса средств выражения, доступного коммуникантам: лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические средств выражения (интонация, мимика, жесты, ситуативная обусловленность и др.); 12) агональный характер аргументации (высокая степень состязательности ораторов); 13) двусторонняя «обратная связь» в режиме живого времени; 14) неравноправные возможности коммуникантов управлять коммуникацией.

1.3.4 Нормативные аспекты устного судебного перевода в Швеции

Несомненно, понимание тонкостей нормативно-правовой системы разных государств необходимо переводчику для осуществления адекватного перевода. Особенности юридического языка естественным образом вытекают из особенностей самого права, ведь «язык права является не только семиотической системой, но и неотделимой частью правовой системы с ее традициями, особенностями логики и функциями» [Мушнина 2004: 22]. Однако при рассмотрении нормативных аспектов устного перевода необходимо выйти за рамки сугубо лингвистического подхода. Требуется учет нормативно-правовой базы, существующей вне самого процесса перевода.

Ученые в сфере теории и практики подготовки переводчиков, а именно Н.Н.Гавриленко, Е.И. Ершов, А.В. Садиков, Т.С. Серова, В.В. Сдобников, К. Норд, Г.В. Чернов, Е.Ю. Мощанская и многие другие, подчеркивают важность знакомства с ситуативным контекстом перевода [Садиков 1981; Nord 1988; Чернов 1987; Ершов 2005; Серова 2006; Гавриленко 2008; Сдобников 2015; Мощанская 2016]. В лингвистической литературе ситуацию рассматривают в трех аспектах: «1) как предметную ситуацию и ее отражение в речи; 2) как речевую ситуацию, оказывающую влияние на выбор вербальных и невербальных средств общения; 3) как часть коммуникативного контекста, играющего значительную роль в раскрытии смысла сообщения» [Мощанская 2016: 119]. Динамически развивающееся национальное и сверхнациональное законодательство оказывает влияние на практическую сторону профессии судебного переводчика в Швеции, начиная от его роли и функций и заканчивая формами осуществления перевода, выбором между «буквальностью» и достижением коммуникативного эффекта в рамках конкретного коммуникативного события. Нормативно-правовые аспекты переводческой деятельности имеют непосредственное отношение к речевой ситуации перевода. Остановимся подробнее на «симбиозе» языка и права.

Возникновение института устного судебного перевода связано, в первую очередь, с проведением Нюрнбергского процесса [Gaiba 1998]. Принцип

мультилингвизма становится краеугольным камнем организации работы в Суде Европейского союза [Рекош 2014; Rättegångsrelger URL: p.8-11; Language arrangements: URL], а также Международного уголовного суда (о принципах работы с переводчиками – см. Stern 2012). Таким образом, нормативно-правовая основа новой отрасли специального перевода закладывается благодаря развитию международного права (в том числе образованию Европейского Союза), а также укреплению института прав человека [art.6 ECHR; art.14.3 ICCPR; art. 47-48 CFR].

Стремительно меняющаяся геополитическая обстановка в мире и высокий уровень притока мигрантов в страны Европы во второй половине XX-го века вызывают потребность в обслуживании населения, не владеющего языком страны пребывания. Вопросы перевода и обеспечения эффективной коммуникации играют все большую роль в жизни общества [Tolkkunskap 2009: 11; Reflection Forum 2009: 7; Dingfelder Stone 2018]. Во многих странах возникает совершенно новая отрасль устного перевода [Wadensjö 1998: 49], которая в англоязычных публикациях называется *public service interpreting* (досл. «перевод в системе государственных служб») или *community interpreting* (досл. «перевод для населения») [Shackman 1984; Valero Garcés, Martin 2008; Kainz, Prunc, Schögler 2011]. В Швеции такой перевод получил название *samhällstolkning* (досл. «общественный перевод»). Он стал настолько привычен и распространен, что именно его имеют в виду при употреблении гиперонима *tolkning* (досл. «устный перевод»). По форме исполнения он относится к типу *kontakttolkning* (досл. «контактный перевод») или, как его еще называют, *dialogtolkning* (досл. «диалоговый перевод») и противопоставляется *konferenstolkning* (досл. «конференц-перевод»). Среди возможных обозначений на русском языке можно обнаружить «перевод в социальной сфере» [Раренко 2011: 119; Сдобников 2018], «социальный перевод» [Сухарева, Черникова 2014: 115; Бабанина, Живаева 2015: 17; Власенко 2015; Сдобников 2018, 2019], «коммунальный перевод» [Алексеева 2006: 20; Нагель, Сулейманова 2018: 171-173], а в Интернет-пространстве его называют также «общественным переводом», «гражданским переводом», «переводом в сфере социальной работы». Опираясь на определения И.С.

Алексеевой [Алексеева 2006: 20–21] и Л.Ю. Василенко [Василенко 2013: 315], наиболее точным обозначением данной переводческой практики на русском языке является терминологическое словосочетание «перевод в системе государственных и муниципальных служб и учреждений», поскольку заказчиками перевода выступают не только органы муниципального самоуправления или социальные службы, но и другие ведомства или службы на государственном уровне.

Несмотря на это в течение долгого времени перевод «на службе общественных интересов» не рассматривается как вид профессиональной деятельности. Исследования в данной области выявили, что зачастую перевод осуществляется непрофессионалами в лице детей или родственников потребителей перевода, с помощью привлечения случайных людей «со стороны» или силами сотрудников госучреждений, в какой-либо степени владеющих двумя языками [Wadensjö 1998: 49; Roberts 2002: 75; Ozolins 2010: 195]. Ни среди заказчиков, ни среди потребителей перевода нет однозначного понимания того, что такой перевод требует специальной подготовки и приобретения специфических навыков. Переоценка статуса и расширение поля деятельности переводчиков происходят благодаря проблематизации вопросов, связанных с качеством предоставляемого перевода. Только в конце двадцатого века перевод в ситуациях взаимодействия представителей государственных институтов и частных лиц получает относительное признание в качестве профессии, требующей особой квалификации [Wadensjö, Englund Dimitrova, Nilsson 2007; Ozolins 2010: 195; Giambruno 2014; LIT Search 2016: 47; Skaaden 2019], становится объектом повышенного интереса и предметом лингвистических и транслятологических исследований [Wadensjö 1998; Hale 2004; Valero Garcés 2008; Shlesinger, Pöchhacker 2010; Driesen, Drummond 2011 и др.].

В свете процессов глобализации *устный судебный перевод* как разновидность социального перевода получает все большее значение и распространение в странах, где на первый план выходит правовая защищенность жителей государства. В заключительном докладе Европейской комиссии о работе

Форума по обсуждению проблем многоязычия и повышения профессиональной подготовки отмечается, что «в государствах-членах ЕС существует основополагающая обязанность защищать права граждан и, следовательно, гарантировать справедливое судебное разбирательство вне зависимости от языка судопроизводства» (перевод наш – *А.Ф.*) [Reflection Forum 2009: 7]. В целях закрепления данной обязанности и правовой гармонизации в странах ЕС в части предоставления услуг юридического перевода в 2010 году принимается Директива «О праве на устный и письменный перевод в ходе уголовного судопроизводства» (далее - Директива) [Directive 2010/64/EU].

Напомним, что законодательные акты ЕС имеют верховенство по отношению к национальному праву, а прерогатива истолкования содержания этого права принадлежит Суду ЕС. Другими словами, закрепленные в Директиве права имеют высокую юридическую силу, и в случае неисполнения ведут к санкциям в отношении страны-члена ЕС. Отметим, что законотворчество посредством директивы вместо постановления означает также, что результат имплементации искомых прав и обязанностей в странах ЕС будет неоднороден. Такое положение вещей породило немало дискуссий и исследований на тему «упущенных возможностей» и «герметизации» языкового неравноправия при сравнении систем обеспечения перевода в разных странах [Kotzurek 2021]. Однако в Швеции, во многом благодаря прочному фундаменту института судебных переводчиков, результаты имплементации Директивы можно считать успешными. За изданием Директивы последовал ряд редакционных изменений в процессуальном законодательстве Швеции, суть которых сводится к укреплению существующих на протяжении десятилетий прав населения на услуги переводчика в контактах с властными органами [50 § FPL; 5 kap. 6 § 2 st.RB] и расширению ответственности суда за соблюдение данных прав. Также устанавливается первоочередность привлечения аттестованных переводчиков к исполнению перевода в ходе гражданского и уголовного судопроизводства [5 kap. 6 § 2 st. RB]. Это правило действует также на стадии проведения предварительного следствия или во время досудебной подготовки акта [23 kap. 16

§ RB]. Бланк обвинительного заключения прокурора предусматривает отдельную строку, в которой, при необходимости, указывается язык перевода.

Обеспечение должного качества перевода достигается посредством созданного и регулируемого на государственном уровне института квалифицированных, так называемых аттестованных устных переводчиков (*auktoriserad tolk*) с возможностью их дальнейшей специализации в области судебного перевода [§§ 1, 6, 16a Förordning (1985:613); 9 § KAMFS 2021:2; LIT Search: 47]. Государственная аттестация устных и письменных переводчиков была введена в Швеции еще в 1976 году [Tolkanvändning 2017:16]. В качестве ведомства, уполномоченного проводить аттестацию и осуществлять контроль за деятельностью аттестованных переводчиков, назначено Государственное управление по вопросам юридических, финансовых и административных услуг Швеции – Камер-коллегия (*Kammarkollegiet*) [1 §, 10 § Förordning (1985:613)]. В сотрудничестве с лингвистами, социологами, юристами и врачами ведомство также занимается разработкой экзаменационного материала для проверки предметных знаний, специальной терминологии, техники перевода, а также уровня владения языками перевода и знания переводческой этики соискателей аттестации. Ведомство отвечает за организацию публичного реестра аттестованных переводчиков с функцией поиска [12 § Förordning (1985:613)].

Ввиду суверенности шведских судов [11 кап. 3 § RF] правила работы с переводчиками и предпосылки для выполнения качественного перевода могут отличаться в зависимости от суда. Среди передовых инстанций в Швеции следует отметить суд первой инстанции *Södertörns tingsrätt*, первым учредивший специальную политику работы с переводчиками [Tolkpolicy Södertörn 2012; 2020], окружной суд г. Стокгольма *Solna tingsrätt* [Tolkpolicy Solna 2015], суд второй инстанции *Hovrätten för Västra Sverige* [Tolkpolicy 2014], Государственное судебное управление *Domstolsverket* [Domstolsverkets Tolkprojekt 2017; Riktlinjer för tolkanvändning 2017], Союз аттестованных судебных переводчиков Швеции *Rättstolkarna* [Hur använder man ... 2014; Rekommendationer vid medhörning ... 2020; Rekommendationer för tolkbokning ... 2020; Tolkars rätt att ... 2021].

Каким же образом все эти нормативно-правовые предпосылки связаны с самим переводом? Напомним, что переводчик анализирует высказывание и вырабатывает стратегию перевода с учетом специфики переводимого текста и *всех известных факторов профессиональной ситуации* [Гавриленко 2008], к которым, несомненно, должны относиться правила и законы, распространяющиеся на деятельность переводчика. Начнем рассмотрение нормативных ситуационных факторов с *психологических аспектов*.

Предельная ответственность за обеспечение качественного перевода возлагается на суд. В одном из недавних прецедентов Суд ЕС установил, что страны-члены ЕС должны предпринять особые меры для того, чтобы национальные суды имели возможность удостовериться в достаточном качестве перевода для соблюдения права на справедливое судебное разбирательство, например, посредством создания публичных реестров квалифицированных переводчиков. Во-вторых, суд разъяснил, что недостаточное качество перевода является процессуальным препятствием, и что именно национальные суды ответственны за проверку качества перевода [Court of Justice of the European Union, judgement in Case C-564/19].

С одной стороны, это предопределяет высокие требования судов к переводчику и является психологически-довлеющим фактором, который корреспондирует с обязанностью переводчика проводить оценку собственной профпригодности как до начала каждого перевода, так и во время него [17 § KAMFS 2021:2, God tolksed]. С другой стороны, Суд Евросоюза подчеркивает, что термины «качество», «правовая защищенность», «справедливое судебное разбирательство» не могут характеризовать весь процесс судопроизводства в целом, если они не характеризуют устный перевод. Иными словами, суды не могут закрывать глаза на плохое качество перевода.

В Швеции действует принцип гласности судебных заседаний [2 kap. 11 § RF; 5 kap. 1 § RB; 16 § FPL], т.е. кроме непосредственных участников процесса в зале суда могут находиться совершенно посторонние люди, которые выступают в качестве молчащих «наблюдателей» [см. Бабаян 2008; Тарасов 2010] и

естественным образом входят в речевую ситуацию. Фотографирование и видеозапись в шведском суде запрещены, но разрешена аудиозапись судебного заседания [5 kap. 9 § 2 st. RB]. В целях эффективизации судопроизводства в высших инстанциях [35 kap. 13 § RB] суд первой инстанции обязан вести аудиозапись свидетельских показаний, а также показаний сторон процесса [5 kap. 9с § RB], которые являются публичными документами и по запросу доступны любому представителю общественности [2 kap. 1 § TF]. В совокупности эти обстоятельства, указывающие на неограниченное количество реальных и потенциальных потребителей перевода, могут оказывать дополнительную психологическую нагрузку на переводчика.

Влияние на переводчика может оказывать целый ряд *технических аспектов*. Перевод выполняется преимущественно синхронно с языка судопроизводства, т.е. со шведского языка, на ИЯ посредством шумотажа или с помощью портативного устройства, позволяющего переводчику расположиться в любой части зала. Лицоненоситель шведского языка получает перевод с помощью наушников. На практике это применяется, когда в рассмотрении дела участвует несколько потребителей перевода (например, подсудимых или потерпевших). Когда требуется перевод на шведский язык, используется устный последовательный перевод, и переводчик говорит в микрофон, который подключен к динамику. В отличие от синхронного перевода, который предназначен только для неносителя языка, последовательный перевод слышим для всех присутствующих в зале суда.

Современные технологии позволяют проводить *дистанционный устный перевод* с помощью специально разработанной платформы для синхронного перевода и системы координации между судами (*simultantolkningssystemet*). Так, перевод с использованием компетентного переводчика возможен, даже если тот находится в столице страны – Стокгольме, а запрос пришел из суда, находящегося на севере страны. Благодаря централизованной системе, разработанной и апробированной под эгидой Государственного судебного управления Швеции (*Domstolsverket*), синхронный перевод выполняется посредством видеоконференции [Riktlinjer för tolkanvändning, 2017, s.12; Tolkpolicy Södertörn,

2020, s.8]. Ряд судов функционирует как база для проведения видеоконференции (*värddomstol*), куда приходит переводчик и осуществляет перевод из специально оборудованной комнаты. Программное обеспечение позволяет переводчику видеть зал суда, в котором проходит слушание, а также посредством нажатия кнопки сигнализировать о необходимости паузы, снижения темпа разговора или необходимости задать уточняющий вопрос. Переводчик может отключать микрофон во время пауз, выбирать между режимами направления перевода в наушники потребителя (при переводе со шведского языка) или на динамик в зале суда (при переводе на шведский язык). Работа с техническими средствами обеспечения перевода является составляющей переводческой компетенции и протекает параллельно с процессом перевода в ходе заседания суда.

Обратимся к *формам работы* переводчика. В арсенале устного переводчика должны присутствовать не только техники синхронного и последовательного перевода устной речи, но и умение работать со *зрительно-устным переводом документации* (переводить с листа). Во-первых, благодаря имплементации Директивы, заказчик может заменить письменный перевод документов по делу на устный, если это не противоречит реализации права на защиту обвиняемого. Во-вторых, в ходе заседания зрительно-устному переводу подвергаются заключения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, выдержки из текстов законов, заключения экспертных органов и комиссий, криминалистических экспертиз (трасологической, баллистической, графологической, биологической, искусствоведческой и т.д.), технические заключения и инструкции, выписки из актов гражданского состояния, справки, договора и др. Нередко эти документы в значимых частях зачитываются. Без возможности предварительного ознакомления с текстом и подготовки к специфической тематике, определяющими для качественного перевода становятся широкий спектр навыков переводчика, богатый лексический запас, в том числе в сфере судопроизводства, умение тонко чувствовать стилистические нюансы оформления текста на основе различных отраслей знаний, а также, как отмечает И.С.Алексеева, опыт работы с юридической терминологией разных уровней

«понятности», – общезначимой, специально-юридической и специально-технической [Алексеева 2006: 217].

В «Руководстве по работе через переводчика в зале суда» (под ред. Государственного судебного управления Швеции *Domstolsverket*) при переводе процессов продолжительностью более трех часов рекомендуется назначать двух переводчиков для *работы в тандеме* [Riktlinjer för tolkanvändning 2017: 14; Tolkpolicy Södertörn 2020: 4]. В работе переводчиков применяется принцип коллегиальности, другими словами – тандем переводчиков работает как единое целое, ставя точность и правильность перевода во главу угла (см. тандемный перевод в примере 40; о работе в тандеме см. Driesen, Drummond 2011, Stern 2012). Таким образом, если один из переводчиков совершает неточность в процессе перевода или попадает в затруднительное положение, то напарник стремится ему помочь – исправить неточность, подсказать забытый термин и т.д. Результативной работа с напарником становится только в том случае, если оба переводчика как минимум имеют статус аттестованного переводчика. В противном случае один из них окажется в ситуации, когда ему придется компенсировать нехватку знаний, опыта, внимания и выносливости коллеги за счет того времени, которое рассчитано для восстановления его собственных сил. В «Руководстве <...>» отмечается, что для выполнения перевода в ходе заседания в первую очередь следует назначать переводчика со специальной судебной компетенцией (*auktoriserad rättstolk*) [Riktlinjer för tolkanvändning 2017: 12].

Как правовые нормы влияют на *стратегии и тактики перевода*? Положение Камер-Коллегии «О статусе устного переводчика» предписывает аттестованному переводчику «передачу всей информации настолько точно, насколько это возможно» [19 § KAMFS 2021:2] и запрещает «выражение собственного мнения и ценностей» или способствование тому, чтобы «они каким-либо другим образом влияли на перевод» [20 § KAMFS 2021:2]. Таким образом, переводчик не имеет право делать опущения, добавления или изменения в переводе, даже если они помогут достичь желаемый коммуникативный эффект. Переводчик также не в праве делать фактические изменения в плане содержания

сообщения, даже если он понимает, что говорящий совершил очевидную «оговорку», например, назвал неверную дату или имя. Аналогично этому, переводчик не может делать культурологические комментарии для пояснения содержания сообщения, даже если он предполагает, что реципиенту не хватает фоновых знаний для интерпретации всех его смысловых компонентов. Поскольку дискуссия на данную тему может быть обширной, постараемся ограничиться здесь несколькими основными аргументами.

Вопреки расхожему мнению, потребителем перевода в зале суда является не только лицо, не владеющее шведским языком. В действительности, в переводе нуждаются все участники судебного слушания, в особенности судьи и присяжные заседатели. Согласно Директиве, качественный перевод призван обеспечить эффективность коммуникации в судебной-правовой сфере, поскольку отправление правосудия всецело зависит от того, насколько хорошо представителям судебной инстанции удастся понять суть и обстоятельства рассматриваемого дела.

Во-первых, шведское процессуальное право не предусматривает «недопустимости» доказательств, поэтому центральное значение получает оценка доказательной силы фактов предмета доказывания (*bevisvärdering*) [35 kap. 7 § RB; 35 kap. 1 § RB]. В отношении устных показаний это выражается посредством предельного внимания к деталям и фокуса судьи и присяжных на двух аспектах – достоверность показаний (*tillförlitlighet*) и убедительность свидетеля (*trovärdighet*) [Ekelöf 2020 IV: 175-176]. Юрислингвистические исследования подтверждают, что речь участников процесса может быть заявлена в качестве доказательного факта и стать объектом юридической оценки [Durant, Leung 2016: vii]. Так, любые действия переводчика, направленные на «адаптацию» как плана содержания, так и плана выражения сообщения на ИЯ (включая опущение произвольных повторов говорящего), могут изменить предпосылки для оценки доказательной силы высказывания [Hale 1999; Zambrano-Paff 2011; Mason 2015: 188].

Во-вторых, инициатива рассмотрения дела принадлежит суду. Именно суд несет ответственность за выявление несоответствий и выяснение неточностей в показаниях, независимо от того, что их вызвало [8 § 1-2 st. FPL; 35 kap. 1 § RB].

Другими словами, если какие-то культурно-социальные действия или понятия суду не понятны, он по собственной инициативе должен в них разобраться. Если переводчик «сгладит» непонимание посредством опущения неких культурных феноменов или даст собственный комментарий за ширмой «культурных различий», суд рискует пропустить необходимые для оценки дела обстоятельства. В отличие от письменного перевода диалогический характер устного судебного перевода предоставляет реципиенту сообщения средства восполнить «информационные пробелы». Наивно полагать, что перевод возможно выполнять «буквально» [Раренко 2010: 22], но красота и правильность речи переводчика в судебном переводе уступает точности передачи содержания. Нормативно-правовые аспекты деятельности переводчика тесно связаны со взглядами на роль переводчика в ходе судопроизводства (см. далее в разделе 1.3.5).

1.3.5 Нормативные аспекты устного судебного перевода в России

В то время как в Швеции устный судебный перевод имеет статус автономной профессии, требующей прохождения государственной аттестации [Förordning (1985:615); KAMFS 2021:2; LIT Search: 47], переводческая деятельность в России получает аналогичное развитие благодаря разработке проекта, направленного на создание института судебных (присяжных) переводчиков [Проект Положения 2015]. Силами инициативной группы в составе В. В. Сдобникова, А.А. Ларина, Л. Б. Обидиной при поддержке Союза переводчиков России на сегодняшний день ведется активная работа по подготовке необходимой документации и внедрения разработанного проекта «Положения о судебном переводчике» [Ларин 2011; Проект Положения 2015], учреждение которого видится в качестве «важного условия развития, модернизации и демократизации судебной системы страны» [Дриц 2016: 61].

В России «принцип национального языка судопроизводства» закреплён на самом высшем уровне законодательства, т.е. конституционно, а также на

федеральном уровне [ч.3 ст.10 ФЗК от 31 дек. 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»]. Цель обеспечения гарантии правосудия существует еще со времен союзного и республиканского уголовного законодательства в период СССР [ср. Джафаркулиев 1989: 38] и остается актуальной по сей день в условиях действия новых федеральных законов и международных актов как ЕКПЧ (о чем мы уже писали ранее). Деятельность переводчиков в системе судебных переводов (как письменных, так и устных) регулируется определенными положениями закона, а ее недобросовестное исполнение означает, что при совершении заведомо ложного перевода переводчик несет уголовную ответственность [ст.37 УК РФ].

Российская нормативно-правовая система устанавливает обязательный характер участия переводчика на этапе судебного разбирательства, когда для кого-либо из участвующих в деле лиц язык судопроизводства не является родным или они не владеют им в необходимой степени. Однако эти нормы не учитывают качество выполняемого перевода при выборе т.н. «судебного переводчика». Как отмечают многие исследователи, затронувшие в своих работах вопросы устного и письменного перевода для судебных инстанций [Муратова 2006; Головинская 2006; Кузнецов 2006; Киц 2008; Обидин 2009; Ларин 2011; Зеленский, Швец, 2014; Бабанина, Живаева 2015; Гуськова 2016, 2018; Сдобников 2015; Дриц 2016; Обидина 2016, 2017 и др.], текст закона не выдвигает строгих требований к квалификации переводчика. В связи с отсутствием специальной аттестационной системы переводческих кадров, статус судебного переводчика связывается с его определением в тексте закона в качестве участника судебного процесса, свободно владеющего языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, на котором один из участников процесса дает показание. Такой низкий порог компетентности в области перевода и владения языком справедливо и обоснованно подвергается повсеместной критике [Там же].

Представители противоположной точки зрения считают, что создание института судебных переводчиков с опорой на зарубежный опыт безосновательно придаст «этой деятельности черты эксклюзивности», постулируя, что «лицензированные судебные переводчики становятся препятствием для

рационального взаимодействия государства и судебно-переводческих организаций» [Винников 2013: 101–102]. По мнению автора, «институт присяжных переводчиков превратился в «пережиток прошлого» [Винников: URL], а статус «сертифицированного переводчика» в корыстных целях используется в качестве ширмы заинтересованными лицами и профессиональными объединениями, оставшимися не у дел [Винников 2013: 101]. Такая позиция объясняется взглядом на профессию переводчика как на «массовую и универсальную профессию», где в отношении судебного или любого иного перевода не предполагается совершенства, ведь «человек *просто* должен понимать, что происходит, как если бы это было на его родном языке» [Кашуба, Хван 2018: 63]. Таким образом, в основе компетенции переводчика достаточно знания «двух языков и предмета перевода, причем необязательно на уровне специалиста в юриспруденции, так как переводчик – это в основном лингвист, а не юрист» [Там же].

Позволим себе не согласиться с доводами авторов. В основе выполнения качественного перевода лежит наличие необходимых компетенций, в т.ч. юридических познаний (см. пример 39) а сертификация (аттестация / аккредитация / дипломирование) специалистов призвана облегчить процедуру соотнесения выдвинутых судом требований к качеству перевода с предполагаемым исполнителем перевода (вспомним о выводах в решении Суда Евросоюза по делу С-564/19). Устранение «компетентностной нормы» в отношении судебного перевода – это не решение проблемы доступа к достаточному количеству квалифицированных переводчиков. Именно отсутствие требований к качеству перевода приводят к дефициту компетентных кадров в долгосрочной перспективе – эта тема глубоко и полно освещается в отчете Камер-коллегии [Tolkanvändning 2017].

В связи с этим необходимо отметить, что обеспечение качества переводческих услуг в большинстве стран мира сопровождается разработкой стандартов качества. Первые из них были созданы как сопутствующие стандарты обеспечения качества промышленного производства с тем, чтобы затем перейти к

разработке специализированных стандартов качества для переводческих услуг. Наиболее распространенными ныне являются итальянский стандарт UNI 10574, немецкий DIN 2345, австрийский Önorm D 1200 и Önorm D 1201, а также европейский стандарт EN 15038 [«Альба»: URL]. Одним из последних в этой сфере был принят специализированный стандарт качества переводческой деятельности в области устного судебного перевода – ISO 20228:2019 под названием «Interpreting services – Legal interpreting – Requirements». Однако следует упомянуть, что имплементация данных стандартов в рабочие процессы поставщика услуг носит факультативный характер.

Не подвергается сомнению факт крайней важности переводчика для любого судебного процесса, включающего межъязыковую коммуникацию, будь то в Швеции, других странах Европы, в Австралии, Канаде, Китае или в России [ср. научные труды С.Wadesjö; G.Carstensen, L.Dahlberg; U.Ozolins, M.Taibi; J.Lee; M.Zambrano-Paff; S.B.Hale; R.Morris; E.Ng; M.Galdia; M.Mason; F.Pöchhacker; M.Shlesinger; В.В.Сдобников; Н.Б.Исолахти; Г.В.Томсон; Л.Ю.Василенко, М.М.Мушнина, О.Ю.Кузнецов, К.В.Дриц и др.], и все же интерпретация его роли и функций может отличаться в зависимости от того, в какой переводческой традиции происходит их исполнение [Lee 2009: 38-39; Сдобников 2019]. В научной среде неоднозначна и сама трактовка понятия «роль переводчика» [Skaaden 2019: 706].

В исследовании мы рассматриваем толкование роли судебного переводчика в трех ипостасях. Первый аспект – роль переводчика *во время выполнения перевода*. В то время как в зарубежном научном сообществе давно дебатруется статус переводчика как исключительно «языкового» (т.е. не юридического) посредника [ср. В. Davidson; S.B.Hale; С. Angelelli; P.S. Angermeyer; G.Carstensen; R.Morris; M.Zambrano-Paff, Н. Skaaden, С. Licoppe, С.-А.Veyrier и др.], в неоднозначных ситуациях, вызывающих этические дилеммы, среди переводчиков-практиков и представителей института правосудия мнения могут расходиться. Так, в Швеции большинство представителей судейского корпуса, а также некоторые переводчики-практики отождествляют перевод в суде

исключительно с некоего рода «буквализмом» или переводом «слово-в-слово» (word-for-word), не требующим от исполнителя перевода вникания в смысл сообщения, его «понимания» [Carstensen, Dahlberg 2017: 54–55]. Однако большинство *профессиональных переводчиков* считают «понимание» основной предпосылкой осуществления перевода [Там же]. Шведский лингвист и специалист в области устного перевода Сесилия Ваденшё утверждает, что, несмотря на предписываемые кодексом этики нормы «несубъектности» переводчика в ситуации институциональной коммуникации, другими словами его статус в качестве «неучастника коммуникации», существует ряд характеристик процесса перевода, исключая абсолютное распространение этого правила на ситуации устного контактного перевода [Wadensjö 1998: 66]. Иными словами, даже несмотря на существование совершенно определенного задания переводчика заниматься исключительно переводом, неизбежно проявление других его ролей [Wadensjö 1998; Davidson 2000; Roy 2000; Поршнева 2002; Niska 2002; Пшёнкина 2005; Leanza 2007; Angelelli 2008; Corsellis 2008; Hale 2008; Mikkelsen 2008; Ortega, Rubio 2008; Katan 2009; Аликина 2010; Martinsen, Dubsloff 2010; Goodman-Delahunty, Martschuk 2018 и др.] в той или иной степени.

В России внимание исследователей также привлекает определение роли переводчика в рамках его *участия в судебном процессе*. Тогда как в некоторых научных работах обнаруживаются осторожные формулировки в отношении функций переводчика в ходе судебного процесса, например: переводчик «помогает установить истину по делу» [Гумеров 2009: 33], встречаются и более категоричные заявления, налагающие на переводчика роль некоего «гаранта» соблюдения прав участников процесса, например: «судебный переводчик является средством межкультурной коммуникации, так как он <...> *отвечает* за то, чтобы коммуникативный акт *успешно* состоялся» [Сибиричева 2006:186], «именно переводчик является гарантом реализации принципа языка уголовного судопроизводства» [Бунова 2013: 4], «основная функция судебного переводчика состоит в том, чтобы *обеспечить* <...> *понимание*» [Мушнина 2012: 60] и «переводчик призван *исключать недопонимание*, возникающее на основе

культурных различий» [Там же], «переводчик является дополнительной *гарантией защиты прав, свобод человека и гражданина в процессе судопроизводства, гарантией всестороннего и полного исследования обстоятельств уголовного дела*» [Имамутдинова 2011: 4]. На наш взгляд, переводчик не может являться «*гарантом*» обеспечения или исполнения каких-либо прав или свобод участников судопроизводства. Таким гарантом должен выступать не переводчик, а суд (см. решение Суда Евросоюза по делу С-564/19). Согласимся, однако, с тем, что наличие коммуникационного канала и общего кода общения следует считать *первостепенным условием* для реализации гарантии прав человека. П.П.Дашинимава обращает наше внимание на то, что «мы часто говорим о тождестве концептуально-семантических систем носителей одной культуры, их ментальностей и способов мышления, однако на уровне психонейрофизиологической системы отдельно взятого конкретного индивидуума все этапы речемыслительного процесса уникальны» [Дашинимаева 2017: 11]. Таким образом, переводчик не может выступать *гарантом* процесса «понимания», происходящего в голове у другого человека, поскольку ввиду индивидуальности этого процесса такое задание невыполнимо.

И, наконец, третий аспект касается более *широкого контекста работы переводчика*. Часть исследователей придерживается мнения, что поскольку переводчик – единственный человек, который обладает доступом к первичному восприятию невербальных характеристик речевого отрезка (органичности интонации, наличия диалектальных особенностей, иностранного акцента и т.д.), его компетенция должна также быть использована в других областях. Например, перевод должен быть определен не только как средство обеспечения конституционного права гражданина знать, в чем его обвиняют, но также как средство получения доказательств [Софийчук 2005: 21; Винников 2012; Поздняков 2016: 146]. Запросы практического характера (подтвердить или опровергнуть достоверность заявленного места проживания в соотношении с диалектом говорящего, дать оценку качеству перевода другого переводчика, дать оценку качеству владения языком - на уровне родного или иностранного и т.д.)

могут также поступать от представителей правоохранительных органов. Понимая первопричину таких взглядов на сущность работы переводчика, не следует забывать, что он выполняет перевод в системе государственных и муниципальных органов, и потому должен следовать правилам профессиональной этики, в первую очередь называющих в качестве краеугольных принципов деятельности нейтральность и беспристрастность [21 § KAMFS 2021:2]. Именно нейтральность и беспристрастность лежат в основе правила российского процессуального права о запрете для присяжных исследовать данные, характеризующие личность подсудимого [ч. 6 ст. 446 УПК]. Считается, что исследование личности подсудимого «может вызывать предубеждение присяжных и привести к принятию ими решения, основанного не столько на фактах, сколько на эмоциях» [Лазарева, Шестакова 2018:130]. Конечно, переводчик не выносит решение по делу. Однако, участвуя в процессе получения доказательств, он примеряет на себя роль стороны обвинения, фокусируется на задании отыскать доказательства вины подозреваемого и утрачивает статус беспристрастного языкового посредника.

Таким образом, недопустимым является наложение на переводчика каких-либо других обязательств, кроме сугубо лингвистического посредничества между коммуникантами согласно определенным профессиональным правилам [см. Кодекс профессиональной этики устного переводчика *God Tolksed*; 21 § KAMFS 2021:2] и в соответствии с предельно достижимым уровнем качества. Уточним, что «уровень качества» не является величиной абсолютной. Точность и адекватность перевода каждого коммуникативного события зависит от многих факторов. Обязательство, возлагаемое на переводчика, носит относительный характер и означает, что перевод должен быть выполнен «в меру знаний» переводчика [5 кап. 7 § RB].

Рассматривая перевод как «ряд лингвально-ментальных проекций, обусловленных психосемиотическими характеристиками переводчика в совокупности с его сознательными целевыми установками» [Фесенко 2002: 67], подчеркнем, что переводческое мышление не находится в изолированном состоянии, оно может быть постигнуто только через выявление взаимосвязей

между сознанием, физическим телом человека и окружающими его артефактами, а также взаимоотношений с другими индивидуумами [Поликарпов 2018: 240].

Из сказанного ранее вытекает, что нормативно-правовые предпосылки работы устного переводчика в суде влияют на принимаемые переводчиком решения во время выполнения конкретного перевода. Требование о высоком качестве судебного перевода вынуждает переводчика в течение всего переводческого процесса отслеживать, насколько хорошо он понял сообщение на ИЯ. Требование о точности перевода налагает обязательство делать выбор, скорее, в пользу «подстрочного» нежели идиоматического перевода. Требование о нейтральности и беспристрастности предопределяет тенденцию перевода в ущерб достижения коммуникативных целей в том случае, если говорящий выбирает менее оптимальный план выражения на ИЯ.

1.4 Коммуникативная неудача в ситуации перевода

КН находится на пересечении интересов двух областей знания – теории коммуникации и лингвистической семиотики, которые также формируют основу данного исследования. Изучение аспектов устного судебного перевода через призму бинарной оппозиции «успешности / неуспешности» коммуникации оправдано его практической реализацией. Для потребителей перевода как в Швеции [Carstensen, Dahlberg 2017: 53-54], так и в России [Сибиричева 2004, 2006; Мушнина 2012] отсутствие непонимания является, зачастую, единственным индикатором верности перевода и высокого мастерства и профессионализма отдельно взятого переводчика. Возникновение КН связывается, напротив, с его недостаточной квалификацией или компетенцией. Несомненно, это не всегда отражает действительное положение вещей. Тем не менее, указанный критерий на практике занимает ведущую роль в том, как будет оценена работа переводчика и реализовано право на справедливое судопроизводство.

В первую очередь отметим предпосылки *успешной* коммуникации. Достижение эффективного коммуникативного взаимодействия в плоскости устнопорождаемой речи опирается на «причинную зависимость действий партнеров, когда поведение одного выступает одновременно и стимулом, и реакцией на поведение другого (других)» [Поликарпов 2013: 18]. На связь успешности общения с *интеракционной* структурой диалога указывает ряд отечественных ученых [Девкин 1981; Бузаров 1988; Михайлов 1994; Алферов 2001, 2011; Винокур 1993; Вохрышева 2001; Егорова 2001; Чеманова 2005; Федорова 2005; Арутюнова 2007; Бабаян 2008; Борисова 2009; Универсалюк 2009]. В русле этого подхода взаимодействие субъектов включает в себя рассмотрение реплик и элементов диалога не в качестве отдельных, независимых сущностей, а в качестве *динамико-образующих компонентов*, учитывающего возникающие в процессе диалогического общения взаимообусловленные оценки, эмоции и смыслы. Усилия слушателя постигнуть коммуникативный замысел сообщения состоят в «реконструкции замысла говорящего, переосмыслении ранее сказанного и понятого» [Лазуткина 1998: 62], то в процессе активной интерпретации речевого потока. Говорящий выстраивает свою речь «с ориентацией на мир знаний адресата, приспособляя форму подачи информации к возможностям ее интерпретации» [Полякова 2012: 84].

Благоприятным условием для возникновения и поддержания диалога является наличие некоторого «разрыва в знаниях» коммуникантов [Гойхман, Надеина 2003: 132]. Информационность диалогического общения достигается за счет наличия смысла, который заключен в сообщении. Основываясь на таком видении информационного обмена между собеседниками, можно различать два класса диалогов: *собственно информационный*, в котором в начале общения между коммуникантами имеется несоответствие в уровне знаний, а также *интерпретационный*, в котором «знания у партнеров примерно равны, но получают разную интерпретацию» [Там же].

Сделаем ремарку о характере речи в рамках судебного слушания. По линии способа организации высказываний часто рассматривают дихотомию «диалог-

монолог». Диалог и монолог должны отличаться «не количеством субъектов вербальной коммуникации», а «сущностью – развитием, процессуальностью и интенциональностью на обмен смыслами» [Универсалуок 2009: 198]. Случаи, когда участникам слушания в соответствии с регламентом заседания предоставляется возможность рассказать об обстоятельствах дела в свободной форме, можно было бы назвать монологическим говорением коммуниканта. Однако, поскольку такой нарратив ориентирован на слушателей [см. диалог с самим собой Лазарева, Шестакова 2018: 39], обладает развитием, процессуальностью и может в любой момент быть прерван вопросом, уточнением, комментарием со стороны других коммуникантов, т.е. проявляет адаптивность к реакции реципиента, в нашем исследовании монологоподобные реплики рассматриваются как особые формы судебного диалога.

В науке о коммуникации разработан ряд принципов успешной коммуникации. Среди них можно отметить: принцип релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсона [Шпербер, Уилсон 1988], принцип кооперации Г.Грайса [Грайс 1985], принцип вежливости Р. Лакофф [Лакофф 1973], принцип вежливости Дж.Лича и др [см. Викулова 2008: 116-129]. К необходимым для успешного протекания коммуникации условиям относятся: 1) коммуникативная заинтересованность собеседников; 2) близость мировосприятия говорящего и слушающего; 3) умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел говорящего; 4) способность говорящего варьировать способ языкового представления того или иного реального события; 5) благоприятные внешние обстоятельства; 6) знание норм этикетного речевого общения; 7) соответствие планов и схем речевого поведения собеседников [Лазуткина 1998].

1.4.1 Неуспешная коммуникация

Неуспешную коммуникацию в лингвистике и коммуникативистике обычно связывают с наличием КН [Базылев 2005; Городецкий 1985; Киселева 1987; Лукьянова 2002; Потемкин 1994; Сморгонская 2008; Ringle 1982; Дридзе 2009] В

связи с возросшим интересом к функциональным аспектам «неуспешного» речевого общения в научной литературе встречается ряд подходов к его изучению, а также многочисленные дефиниции КН. Аналитический обзор теоретической базы исследования показал, что описанию типологических характеристик КН традиционно связано с изучением ее причин [Ringle 1982; Городецкий 1985; Киселева 1987; Гудман 1989; Ермакова, Земская 1993; Потемкин 1994; Linell 1995; Лазуткина 1998; Теплякова 1998; Формановская 1998; Кънева 1999; Мартынова 2000; Славова 2000; Tzanne 2000; Лукьянова 2002; Воронина 2003; Смирнова 2003; Базылев 2005; Bosco, Bucciarelli, Vara 2006; Лосева 2006; Голев, Ким 2007; Keysar 2007; Сморгонская 2008; Вечкина 2010; Королев 2010; Кузнецова 2010; Verdonik 2010; Шпомер 2011; Бугрова 2012; Полякова 2012; Русецкая 2012; Mustajoki 2012, 2013; Вайсфельд 2013; Пушина 2015; Мухина, Матвеева 2017].

В монографиях и диссертационных исследованиях представлен ряд авторских типологий КН и многочисленные определения коммуникативной неуспешности: «коммуникативная неудача», «коммуникативный сбой», «коммуникативная ошибка», «коммуникативная помеха», «коммуникативный провал», «коммуникативный нонсенс», «коммуникативный неуспех», «коммуникативный конфликт», эффект «смысловых ножниц» [Ringle 1982; Городецкий 1985; Киселева 1987; Потемкин 1994; Лукьянова 2002; Базылев 2005; Сморгонская 2008; Дридзе 2009]. Трактовки этих терминов не тождественны друг другу, поскольку в основу их появления положены разные параметры. Отметим лишь основные возможные характеристики КН.

В целом типологии КН в диалогическом общении строятся по следующим параметрам: 1) последствия (явная – скрытая); 2) источники (в аспекте вербализации); 3) особенности коммуникативной ситуации; 4) структурирование коммуникации [Агапова 2004: 53-54].

Спонтанная устная интеракция «представляет собой сложный процесс обмена информацией, который выражается в том, что отдельные ее кванты или пучки (в терминах А.А.Карасика) способны передаваться разными средствами, –

и лингвистическими, и нелингвистическими» [Петрова 2009: 53]. Отсюда следует, что информация, передаваемая по разным каналам, «определенным образом воздействует на реципиента, закладывая основы адекватной интерпретации полученного сообщения и формируя реакцию на это сообщение» [Иванов 2001: 29]. К речевому неуспеху приводит целый комплекс причин [Городецкий 1989; Лазуткина 1998: 52; Виноградов 2006], среди которых присутствуют *экстралингвистические* факторы: 1) ситуация общения; 2) внешний контекст коммуникации; 3) условия места и времени коммуникации; 4) психологические причины; 5) продуктивные и рецептивные факторы; 6) ритуализация живого речевого общения, препятствующая реализации коммуникативных замыслов коммуникантов; 7) различия картин мира; 8) различия в фоновых знаниях коммуникантов (пресуппозиция); 9) разница в ментальных моделях фрагментов действительности; 10) этические нормы; 11) недоговоренность; 12) этические компоненты общения; 13) социальное «неравноправие» коммуникантов; 14) перескакивание с одной темы на другую; 15) специфика неподготовленной коммуникации; 16) психический процесс «внимание» и др. [Ермакова, Земская 1993; Лазуткина 1998: 53-54; Смирнова 2003; Вечкина 2010; Полякова 2012: 90].

В зале суда особое внимание необходимо уделить предпосылкам возникновения КН лингвистического характера – именно они находятся в сфере деятельности и компетентности судебного переводчика. Источниками КН относятся такие *языковые факторы*, как: 1) нарушение языковых норм; 2) употребление окказионализмов; 3) употребление узкоспециальных слов; 4) употребление жаргонизмов; 5) неточное указание на денотативную соотнесенность; 6) неточное знание семантики слова; 7) использование в речи многозначных средств; 8) отсутствие референциальной определенности и др.

Среди КН, возникающих в виду лингвистических факторов, выделяют: «сбои, обусловленные ошибками кодирования и неверным выбором кода передачи сообщения», «сбои, обусловленные характером акта референции» [Смирнова 2003]. Также КН: «порождаемые устройством языка или порождаемые прагматическими факторами» [Ермакова, Земская 1993]; «вызванные нарушением

правил организации речевого взаимодействия, организации дискурса, организации информационного обмена, учета статусных ролей» [Кънева 1999]; КН ввиду «неодинакового характера намерений и тактических приемов их реализации у говорящего и способностей их адекватной интерпретации слушающим» [Полякова 2012: 90].

Фокус многих исследований КН находится в области прагматики речепорождения, оценивая насколько «определенные речевые произведения не выполняют своего *предназначения*, а их элементы не реализуются как инструкции по преобразованию окружения» [Агапова 2004: 53]. Ученые вводят градацию коммуникативной неуспешности: «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. *неосуществление* или *неполное осуществление коммуникативного намерения* говорящего» [Земская 2004: 602], иногда разделяя полную и неполную успешность по линии интенциональности на коммуникативный сбой и коммуникативную задержку [Бугрова 2012; Городецкий 1985]. КН может определяться как «полное неосуществление коммуникативных намерений партнеров по общению, манифестируемое нулевой степенью эффективности, то есть отсутствие ожидаемого перлокутивного эффекта, и зачастую сопровождаемое отличной от прогнозируемой эмоциональной реакцией, препятствующей дальнейшему развертыванию коммуникативной интеракции» [Бугрова 2012: 23]. «Отступления» при нарушении условий эффективного общения в ряде случаев корректируются коммуникантами «автоматически» (коммуникативная задержка), однако при осуществлении только одного из коммуникативных намерений они могут перерасти в коммуникативный сбой и КН [Бугрова 2012]. В коммуникативном сбое проявляется «частичное или неполное осуществление коммуникативного целеполагания», а при коммуникативной задержке реализуется «моментарное, а потому зачастую неявное для партнеров по коммуникации явление, которое «автоматически корректируется в речи, не оказывая влияние на общий процесс коммуникации и последующее развертывание диалогического взаимодействия» [Там же: 24].

Другие типологии также обнаруживают частные (частичные) и глобальные КН [Городецкий 1985: 69; Кънева 1999].

Мнения ученых расходятся в вопросе параметра «запланированности» КН [Теплякова 1998]. Критики концепции постулируют, что «КН могут считаться только те случаи, которые происходят *непреднамеренно* и воспринимаются как проблема» участниками коммуникации [Полякова 2012: 87].

В данном исследовании рассмотрение феномена КН ведется с лингвосемиотических позиций. В качестве сферы возникновения КН учитывается не только прагматическое измерение семиозиса, но также ряд других семиотических параметров. Центральным для исследования становится не интенция отправителя сообщения, а *результат* коммуникативного акта.

Другими словами – вопрос о «преднамеренности / непреднамеренности» возникновения КН отступает на второй план, поскольку в межъязыковой судебной коммуникации с участием переводчика говорящие нередко преследуют цель уклониться от прямого ответа на вопрос или запутать показания, и тем самым намеренно создают условия для возникновения непонимания. Ключевыми аспектами изучения КН с позиций настоящего исследования является *реакция реципиента и его восприятие результата коммуникации*, поскольку именно его ответный взгляд на исход коммуникативного акта предопределяет дальнейшее развитие диалога и влияет на формирование мнения о компетенции переводчика.

Под КН мы понимаем такое преднамеренное или непреднамеренное *нарушение коммуникации, вследствие которого реципиент сообщения испытывает (или потенциально может испытывать) затруднения в интерпретации* какой-либо информации, в адекватном распознавании интенций отправителя сообщения или в осуществлении коммуникации по заданной схеме реализации высказывания, под влиянием лингвосемиотических характеристик дискурса, а также экстралингвистических факторов, в результате чего страдает качество коммуникативной деятельности.

Далеко не во всех измерениях лингвосемиотики эти факторы в одинаковой мере соотнесены с опытом и знаниями переводчика (это касается, например,

разнице в фоновых знаниях, а значит и в процессе референции у коммуникантов). В ситуации отсутствия тех или иных слов в когнитивном багаже говорящих, незнания юридических терминов или употребления «агнонимов», т.е. «совокупности лексических и фразеологических единиц родного языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям» [Морковкин 1997: 86], адресанту сложно предвидеть намечающуюся КН, поскольку привычные для него языковые средства оказываются «непонятными для того, на кого направлен коммуникационный акт» [Вайсфельд 2013: 7]. Судебный переводчик в такой ситуации лишен возможности предотвратить КН даже в случае, если он может предположить ее возникновение – правила профессиональной этики обязывают его передавать сообщение в форме, «наиболее близкой к оригиналу» [God Tolksed 2019: 4; 19 § KAMFS 2021:2], т.е. не внося каких-либо изменений, в том числе в целях предупреждения КН.

В целом КН можно рассматривать как отсутствие ожидаемой или появление негативной реакции со стороны адресата, неверную интерпретацию информации собеседником или непонимание между коммуникантами. Ее КН негативно влияет на успешность коммуникации, но вместе с тем оно не является фактором, полностью прекращающим или разрушающим коммуникацию [Вечкина 2010]. КН является сигналом к тому, чтобы участники судебного диалога вовремя предприняли действия (тактики) с целью устранить возникшее непонимание или преодолеть коммуникативный конфликт.

1.4.2 Маркеры коммуникативных неудач

Средства выражения отсутствия коммуникативной успешности будем называть *маркерами коммуникативных неудач*. Сигналом КН является «ответная реакция одного из коммуникантов» [Вечкина 2010: 5]. При наличии нескольких каналов восприятия информации, реакция участника судебной интеракции на возникновение КН может носить как вербальный, так и невербальный характер.

Поскольку настоящее диссертационное исследование проводится на материале аудиозаписей диалогов судебного допроса, выявление маркеров КН ограничивается рамками фонетически различимых сигналов.

Сопоставительный анализ материала показал, что в качестве вербальных маркеров КН в судебном дискурсе могут выступать реплики, напрямую или в косвенной форме выражающие непонимание. В арсенал вербальных тактик устранения недопонимания могут входить приемы переспроса, уточнения, объяснения, констатация непонимания и т.п.

В группе вербальных маркеров, в прямой форме указывающих на наличие КН, выделить следующие подгруппы: 1) полносоставные утвердительные высказывания; 2) полносоставные высказывания в форме общего вопроса; 3) краткие структуры в форме общего вопроса; 4) полносоставные или эллиптические конструкции в форме специального вопроса.

Приведем несколько примеров. К подгруппе полносоставных утвердительных высказываний можно отнести реплики участников судебного разбирательства: шве. *nu förstår jag inte, så du menar <...>, nu hänger jag inte med, <...>*, рус. *я не понимаю вопроса, я растерялась*. Типичным является использование отрицания и лексических единиц, содержащих сему *понимать*.

Использование вопросительных конструкций, например (1) рус. *vad sa du ni?* (рус. *что ты сейчас сказал?*), сигнализирует о необходимости повторить коммуникативную единицу, которая вызвала затруднения в понимании:

- (1) *Прокурор:* hur långt ifrån den här bilen / stannade du ?
 Свидетель: **vad sa du nu?**
 Прокурор: du stannade / när du upptäckte bilen // ja / hur långt ifrån var
 du då ?

Вопросы могут быть адресованы не отправителю сообщения, а принимать форму, скорее, метатекстовых комментариев как рус. *что имеет в виду он ?*, выражающих растерянность партнера по коммуникации (2):

- (2) *Адвокат отв:* sen var det en händelse till / som du polisanmälde

Переводчик: и / потом было / еще / одно случай / за который вы
сделали полицейский / заявление

Истица: ээ / это вот / то что // **что имеет в виду он?**

Кроме полносоставных вопросительных конструкций, в устном судебном дискурсе встречаются краткие структуры с использованием вопросительных местоимений шве. *vad?* (рус. *что?*), шве. *vem?* (рус. *кто?*), шве. *var?* (рус. *где?*) и др. или лексических единиц с семой *повторить*, например, шве. *en gång till?* (рус. *ещё один раз*). Маркер КН может указывать на сложность в понимании высказывания, как в силу лингвистических факторов, так и ввиду экстралингвистических параметров, например, по причине плохой дикции отправителя сообщения, недостаточно громкого говорения, посторонних шумов, потери концентрации внимания и т.д.

Маркерами КН, связанных с актом референции, могут выступать специальные вопросы с целью уточнения смысла коммуникативной единицы, вызвавшей КН. В примере (3) мы наблюдаем, как нечеткое произношение лексемы шве. *b*ställningar* вызывает у адресата непонимание и влечет за собой просьбу повторить все высказывание целиком шве. *en gång till?* (досл. рус. *еще один раз*). Затем адресат задает вопрос только в отношении того элемента, который остался недостаточно ясным и требует уточнения шве. *vadå för ställningar?* (досл. *какие 'ställningar' ?*; ср. *beställningar – byggställningar*):

(3) *Прокурор:* känner du / företag // som heter Genat / AB?

Свидетель: ja / det stämmer

Прокурор: på vilket sätt då ?

Свидетель: vi fick / **b*ställningar** från dem

Прокурор: **en gång till ?**

Свидетель: vi fick **beställningar** från dem

Прокурор: **vadå för ställningar?**

Свидетель: **bygg–** // ställningar

В судебном дискурсе мы обнаруживаем структуры, косвенно указывающие на КН. Они могут иметь как вербальное, так и невербальное воплощение, вместе с

тем они фонетически различимы. В этой группе маркеров можно выделить «невербальные хезитации» и вербальные маркеры, где к числу последних относятся: 1) косвенный вопрос; 2) повтор высказывания и запрос подтверждения; 3) вербальные хезитации. В какой-то степени темп речи говорящего или переводчика также является показателем успешности общения в том смысле, что при успешной коммуникации ментальные процессы в голове коммуниканта протекают быстрее, чем в ситуации «информационного конфликта» в ходе общения, однако данный параметр имеет достаточно слабое основание для выделения в качестве самостоятельного маркера КН.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что просьба повторить сказанное ранее может быть выражена косвенно (4). С этой целью используются маркеры с вводным словом шве. *förlåt* (рус. *простите*):

(4) *Свидетель*: aldrig

Прокурор: **förlåt?**

Свидетель: jag har aldrig besökt / deras kontor

Рассмотрим другой пример. В приводимой ниже коммуникативной ситуации (5) адресат вынуждает адресанта выразить свою мысль еще раз. Другими словами – коммуникант посредством утвердительного предложения, предлагающего свою интерпретацию смысла сказанного, посылает запрос подтвердить или опровергнуть постулируемый порядок вещей или предоставить дополнительную информацию для устранения непонимания. Сигналом о необходимости устранения возникшей КН является не сама повествовательная форма реплики прокурора, а ее коммуникативная интенция, выраженная с помощью завершающей усеченной вопросительной конструкции шве. *eller?* (досл. рус. *или?*) со значением рус. *не так ли?*:

(5) *Свидетель*: jag har aldrig träffat de på arbetsplatser // jag var aldrig där / så det är därför

Прокурор: jaha // så du kontrollerade aldrig deras jobb / **eller ?**

Свидетель: det är våra arbetsledare / som kontrollerar allt / på arbetsplatser

Аналогичную функцию выполняют маркеры, открыто указывающие на факт повторной формулировки первоначального высказывания (6), например, шве. *om jag frågar såhär då* (досл. рус. *если я спрошу вот так тогда*):

(6) *Прокурор:* så du känner inte / den här mannen / som sitter bakom mig ?

Свидетель: nej

Прокурор: ok // men **om jag frågar såhär då** // kommer du ihåg / något namn ?

В примере представлен (6) косвенный сигнал о том, что предшествующая формулировка вопроса не вызвала осуществления коммуникативной цели отправителя сообщения, т.е. прокурор не получил удовлетворяющий ответ на свой вопрос и потому вынужден был задать его в другой форме.

Под «хезитацией» понимают «речевое колебание, связанное со спонтанностью речи» [Гуманитарный словарь 2002], «внутренний перебив в процессе речепорождения, связанный с тем, что говорящий в силу каких-либо причин оказывается не способным продолжать говорение» [Яковлев 1998: 176], «нарушения в организации речевого континуума, связанные с речевыми затруднениями, не относящимися к патологии речи» [Яковлева 2016: 41]. Мы относим хезитацию к маркерам КН на основании того, что хезитация – это «промежуток времени, в течение которого планируется проспективная речевая программа или происходит её неудачная реализация с последующей коррекцией» [Там же]. «Хезитационный период» понимается как «временный интервал или цикл, периодически возникающего в определенных синтаксических позициях спонтанного высказывания, необходимого для кодирования говорящим ближайшей речевой программы и декодирования слушающим речевого замысла партнера» [Там же].

К хезитативам и паузам колебания мы относим: 1) затяжку звуков; 2) звуковые заполнители, вокализация (э-э-э, *эм*); 3) десемантизированные слова, слова-паразиты (значит, как бы, этот); 4) метатекстовые комментарии (понимаете, видите ли, дескать); 5) непреднамеренные полные или частичные повторы слова, словосочетания, конструкций; 6) плеоназмы (более интереснее); 7) стереотипы,

штампы; 8) невербальные паузы колебания (вздохи, смех, покашливание); 9) самопрерванные конструкции (фальстарты, незаконченные высказывания)» [Александрова, Иваницкий 2003; Сапунова 2009: 11-13; Метлова 2013].

Сделаем две оговорки. Паузация, темпоральные задержки реплик, наличие определенного коммуникативного дискомфорта, некой «напряженности» или неприветливого тона общения не является безусловным сигналом о наличии КН. Со стороны участников межъязыковой интеракции такое поведение может быть связано с особенностями судебного дискурса и обусловлено тем, что они оказались в непривычной для себя коммуникативной среде, столкнулись с необходимостью взвешенно аргументировать, отстаивая свои интересы, и с большей осторожностью вникать в юридическую терминологию. Сам факт участия в судебном процессе обладает негативной коннотацией [Тютюнова 2012:123].

КН и их маркеры могут иметь отсроченное проявление. Согласно регламенту судебного заседания, показания свидетеля или стороны процесса излагаются в свободной форме. Вследствие отсутствия естественного и спонтанного диалога КН может проявиться только в той части заседания, когда слово будет предоставлено прокурору или противной стороне процесса.

В контексте данного диссертационного исследования мы различаем явные (эксплицитно выраженные) и скрытые (указывающие на возникновение КН в косвенной форме) маркеры. Вместе с тем на характер проявления маркеров КН могут влиять институциональные свойства судебного дискурса – ввиду ограничений, накладываемых на «непринужденность» и диалогичность речи регламентом заседания, КН может возникать при отсутствии какого-либо фонетически различимого маркера.

Таким образом, рассмотрение признаков хезитации в данном диссертационном исследовании носит условный характер.

Особенности судебного дискурса возлагают на переводчика обязанность увеличения объемов оперативной памяти с тем, чтобы иметь возможность отследить и определить источник КН, произошедшей на более раннем этапе.

1.5 Лингвосемиотика коммуникативных неудач в переводе

Возникновение КН происходит непосредственно в ситуации общения и может быть связано не только с коммуникативно определенными параметрами, но и с теми аспектами, которые присущи речевой реализации языка как *особой знаковой системы*. Выделим положения лингвосемиотики, принятые в качестве отправного пункта в данном диссертационном исследовании [см. Asutin1962; Степанов 1971; Якобсон 1975; Соссюр 1977; Berger 1984; Барт 1989; Eco 1976; Пирс 2000; Моррис 2001; Худяков 2000; Агеев 2002; Почепцов 2002; Johansen, Larsen 2002; Уфимцева 2011; Гринев-Гриневич 2012 и др.].

Во-первых, возвращаясь к вопросу философской герменевтики – наличие *интерпретирующих существ*, способных к научению [Кравченко 2001: 52]. Во-вторых, – возникновение «динамического процесса интерпретации» [Нёт 2001: 11] на основе знаменитого триадического отношения сторон знака «Репрезентамен» – «Объект» – «Интерпретанта» [Пирс 2000: 228]. В-третьих, *широкое толкование* обозначаемого объекта, которое абстрагируется от материальности окружающего мира и указывает не на конкретные существующие в нем предметы, а на менее определенные абстрактные концепты, «идеи». Соответственно, с учетом «уровневой и аспектной организации языка» [Худяков 2000: 76], в качестве знака может выступать любой объект при условии его соотносительности в сознании человека с определенными явлениями [Кравченко 2001: 55]. Отсюда следует, что коммуникативная функция языка в лингвосемиотике неотделима от его знаковой природы [Поликарпов 2013: 9]. Четвертой составляющей знака, выделенной Ч.Моррисом, выступает «*интерпретатор*», поскольку «знак указывает на что-то для кого-то» [Моррис 2001: 47]. Другой хрестоматийной особенностью понимания сущности знака является его *билатеральность* [Соссюр 1999; Исаченко 1961; Худяков 2000; Поликарпов 2013 и др.].

Вслед за А.М.Поликарповым, принимаем за основу языкового знака расширенный перечень его основополагающих свойств: «1) двусторонность

(неразрывное единство материальной и идеальной сторон: звуковой оболочки, означающего (формы), характеризующейся линейностью, и того, что она обозначает, – означаемого, содержания); 2) относительная произвольность, или арбитрарность (любое понятие может быть связано с любым другим сочетанием звуков и вместе с тем иногда возможна мотивированность установленной связи); 3) системность (способность существовать в качестве элемента знаковой системы во взаимосвязи и противопоставлении с другими знаками языка); 4) коммуникативная направленность (предназначенность для коммуникации); 5) перцептивность (доступность восприятию со стороны адресата); 6) различимость (возможность идентификации в конкретном коммуникативном акте и дифференциации от других знаков в линейной последовательности); 7) информативность (способность нести смысловую информацию об объекте); 8) значимость (совокупность реляционных (соотносительных) признаков, которая выявляется только в системе при сравнении языкового знака с другими знаками); 9) комбинационность (способность комбинироваться с другими знаками, в том числе и неязыковыми); 10) конвенциональность, или социальность (традиционность его употребления каким-либо коллективом – социумом); 11) вариантность (способность подвергаться вариантности); 12) изменяемость (способность видоизменения)» [Поликарпов 2013: 12-13].

Интеракции между коммуникантами способствует возникновение трех разделов функционирования языковых знаков в процессе семиозиса: 1) семантика, изучающая отношения знаков к их объектам; 2) прагматика, рассматривающая отношения знаков к их интерпретаторам; 3) синтаксис, описывающий «отношения знаков друг к другу (в рамках одной знаковой системы)» [Сусов 2009: 21].

Пересечение процесса понимания и основных измерений лингвосемиотики прослеживается в трудах В.Г. Кузнецова: 1) выявление синтаксической формы текста (умение отличить грамматически правильные элементы от неправильных, узнавание в представляемых знаковых структурах образований данного языка, выявление смысла логических констант и их употребление в связи с

общепринятыми нормами логики); 2) выявление семантически значимых смысловых структурных единиц и их общего семантического значения; 3) обнаружение знания о значении структурных единиц; 4) учёт языкового и внеязыкового контекста; 5) учёт прагматически значимых критериев, от которых зависит употребление исходного выражения [Кузнецов 2002].

В контексте понимания и интерпретации смысла, заключенного в устном дискурсе, однако, не достаточно учета традиционных «измерений» семиозиса. Немногие семиологи обращают внимание на такие знаковые отношения, которые задаются связью между материальным телом знака и его психическим прообразом [Kainz 1965; Сыроваткин 1978; Краузе 2002]. Вслед за С.Н.Сыроваткиным мы считаем необходимым дополнить классическую триаду «семантика – синтактика – прагматика» перцептивным измерением семиозиса, поскольку в контексте актуального для настоящего исследования перевода устнопорождаемой речи «признак перцептируемости» есть абсолютно необходимое условие актуализации знака как знака.

1.5.1 Перцептика

Эта область лингвосемиотики тесно связана с изучением работы головного мозга и пользуется экспериментальными данными нейропсихологии, нейрофизиологии и когнитивной лингвистики. Рассматривая понимание как многофазовый процесс, в качестве первой ступени выделяется акустико-перцептивная фаза [Kainz 1965: 52]. Согласимся с тем, что «перцептивный код воздействует на все остальные измерения семического акта, придавая им свойство ингерентной неоднозначности» [Сыроваткин 1978: 57]. Таким образом, в первую очередь КН в связи с переводом *устного* судебного дискурса необходимо рассматривать через призму «законов» перцептики.

Современные исследования функционирования головного мозга выявили области коры головного мозга, отвечающие за обработку языковой информации и

процессы восприятия и производства речи. Исследователи полагают, что «фонемы должны быть фиксированы где-то в мозгу» [Буланова 2009: 122], то есть иметь какой-то акустический прообраз. В поддержку данного утверждения говорит несколько фактов. Во-первых, люди с легкостью различают сходные по звучанию фонемы, несмотря на множественность их индивидуальных реализаций в речи говорящих. Тогда как идентичные им звуки на другом языке распознаются и классифицируются как новые фонологические вариации (т.е. иные конфигурации пучков дистинктивных признаков) в соответствии с фонематической системой другого языка, и воспринимаются не как отдельные единицы фонетического яруса языка, а как аллофоны одной и той же фонемы [Pinker 1994; Pinker 1997]. Во-вторых, когда воспроизведение слова представляет затруднение, создается ощущение, будто «слово крутится на языке» [Буланова 2009: 122]. «Следы» такой лексемы в форме одной или нескольких составляющих слово фонем могут *срабатывать* в качестве *пускового механизма* для извлечения всего слова из памяти говорящего [Там же]. В-третьих, известно, что у людей, страдающих афазией, могут возникнуть трудности с использованием отдельных фонем, которые в речи замещаются на им подобные. Здесь присутствует нарушение фонематического восприятия, т.е. *невозможность идентификации* определенных акустико-моторных представлений, или воспроизведения элементов речи (при сенсорной или моторной афазии соответственно) [см. Уфимцева 2011: 48-49]. Изучение акустико-мнестической афазии показало, что в мозгу хранится информация не только об акустико-моторных представлениях на фонемном уровне, но и «о слоговом делении слова, моделях словесного ударения и интонационных структурах, подчиненных синтаксису» [Буланова 2009: 122].

Речевой аппарат взрослого человека состоит из нескольких центров и является сложнейшей структурой, которая благодаря нервным связям функционирует как единое целое [Буланова 2009]. При аудировании задействованы оба полушария, и левое полушарие следит за быстрыми изменениями, как изменение форманты или фонемы, а правое отслеживает медленные изменения, связанные с просодией [Nickok, Poeppel 2004].

Наблюдается «постоянная реинтерпретация и перекодировка интонационных признаков в процессе речепроизводства и речевосприятия» [Хромов 2010: 82].

О некой системе ментальных репрезентаций дистинктивных признаков, т.е. акустико-моторных образов, свидетельствует целый ряд экспериментов. Современные технологии позволили ученым проследить путь нервных импульсов при воспроизведении слов. Чтобы начать произносить название предмета, изображенного на картинке, человеку нужно 600 миллисекунд, в упрощенном виде стадии этого процесса представлены так: «1) выбор концепта, который нужно назвать; 2) выемка из памяти соответствующей лексической единицы и необходимой синтаксической информации о ней (часть речи, грамматический род и т.п.); 3) определение фонологической формы слова; 4) соединение фонем слова воедино и соотнесение с моделью ударения и слоговой структурой слова; 5) фонетическая расшифровка абстрактного фонологического образа в последовательность движений, необходимых для произнесения слова» [Буланова 2009: 125]. Нарушение процесса воспроизведения (5) вызывает афферентную моторную афазия, т.е. отсутствие возможности обнаружить необходимую артикуляционную позицию губ, языка и речевых лицевых мышц для правильного произнесения слова. Некоторые ученые полагают, что различные стадии этого процесса могут взаимодействовать друг с другом или накладываться друг на друга [Hasegawa-Johnson 2007; Dell 2014]. Для нас важными аспектами этого процесса является выделение стадий 3, 4 и 5.

Таким образом, нейрофизиологическая сущность перцептивного измерения заключается в «соотнесении определенных сегментов физического события с нейрофизиологическими данностями» [Сыроваткин 1978: 57]. Отношение между экспонентом знака (т.е. его материальной, в нашем случае – звучащей формой) и понятийным содержанием в актуальном знаке устанавливаются через нейрофизиологические образования, представляющие собой акустико-моторные прообразы – *перцептемы*.

Двигаясь от источника речи, который преобразует перцептивный код (акустико-моторное представление в мозгу отправителя речи) в физический

сигнал (материальный экспонент) и передает его дальше по цепочке коммуникации, сообщение воспринимается адресатом и предполагает обратную трансформацию отправленного физического события в нейрофизиологическую комбинацию в мозгу реципиента. В процессе генерации речи мозг говорящего не отдает отдельной команды на позвучное произнесение текста, а напротив, «идет от семантических дистинктивных признаков к акустико-моторным признакам слова, последние перекодируются в слоговые единицы, которые далее развертываются в последовательности звуков речи» [Там же], т.е. иерархически-упорядоченное направление речепорождения: от слова (через слог) – к звуку. О том, что человек сразу артикулирует последовательность (цепочку звуков) свидетельствует влияние звуков друг на друга в процессе речи. Казалось бы, процессы в слушающем должны быть зеркально противоположны – от звука к слогу и затем к акустико-моторному представлению слова. Однако экспериментально доказано, что существует две стратегии восприятия и понимания устной речи: не только «сверху вниз», т.е. в зависимости от контекста и ситуации, но и «снизу-вверх», т.е. на основе вероятностных моделей, опирающихся на восприятие очень специфической фонетической информации [Gandour, Ponglorpisit, Khunadorn 1992]. Мы поддерживаем выводы исследователей, которые учитывают наличие движения, как по нисходящей, так и по восходящей линии [см. подробнее Краузе 2002:169]. Поскольку восприятие речи снизу-вверх доказано посредством изучения *лексических тонов* в тайском языке, считаем, что при восприятии речи на русском и шведском языках *доминирующую* роль играет слово (или даже сочетание слов), тогда как звук получает пофонемную интерпретацию в зависимости от признаков, извлекаемых из слогового и словесного контекста [Степанов 1966: 203-204].

Важно понимать, что «каждой нейропсихологической единице соответствует единственная единица звучания (невозможно произнести нечто и в этот же самый момент нечто иное), однако ничего подобного нельзя утверждать относительно множества перцептем, множества экспонентов и множества отношений репрезентации, так как в процессе идентификации физических

событий каждое из них имеет ряд нейрофизических соответствий – симультанных и сукцессивных» [Сыроваткин 1978: 57].

Отсюда – важный вывод: воспринимаемый реципиентом физический сигнал не имеет однозначного соответствия, а может быть трансформирован в некоторое неопределенное множество звуковых прообразов в сознании слушателя. Перцептивное декодирование представляет собой "многомерную деятельность по выделению, соотнесению, интегрированию полезных, информативных признаков речевого сигнала" [Зимняя 1976:10]. Проведем параллель между процессом понимания текста и процессом восприятия акустико-моторных образований.

С потоком поступающей информации, как только начинает проявляться какой-то смысл, реципиент «делает предварительный набросок смысла всего текста в целом» [Гадамер 1988: 318], тем самым, понимание начинается с разработки «чернового варианта», который затем по мере углубления в текст подвергается постоянному пересмотру и модификации. Определенную ступенчатость формирования смысла можно описать через некие «импульсы», которые единицы сообщения посылают в сознание реципиента, где затем моделируется действительность и актуализируются соответствующие образу предметы и ситуации и в итоге индуцируются смыслы различного уровня. «При этом возникающие новые смыслы не ‘гасят’ предыдущие, а какое-то время существуют как бы одновременно...» [Новиков 2000: 171]. Процесс понимания текста состоит из многократного «набрасывания» смысла, т.е. взаимонаправленного проецирования сознания на текст и текст на сознание. На основе этого взаимодействия формируется сложная ментальная презентация, условно именуемая «смысловым комплексом», который в дальнейшем служит базой для формирования замысла текста перевода [Нестерова 2005: 223].

В перцептике – при встрече с раздражителем, т.е. звуковой формой знака, первичной ступенью становится разделение стимулов на знакомые и незнакомые [Краузе 2002:16]. В ходе этого процесса в сознании реципиента «просыпается» не только непосредственно искомая лексема, но и сходные с ней по звучанию слова, а также ассоциативные связи (категорийные синтактико-семантические и

лексико-семантические поля)[Сыроваткин 1978: 58]. Получается некий «черновой вариант» возможного значения знака. Подчеркнем, что «часть из этих ассоциаций осознается, другая часть присутствует в виде фона» [Там же]. В памяти хранятся все когда-либо услышанные варианты каждой лексической единицы, быстрее и легче извлекаются из памяти более частотные из них [Буланова 2009: 123].

Наибольшую актуальность для исследования представляет изучение предпосылок возникновения КН и сценариев их реализации ввиду восприятия информации по акустическому каналу связи, а также ее толкование в процессе одновременного процесса слушания или речепроизводства (переводчика).

1.5.2 Семантика

Описав первостепенное в нашем понимании измерение семиозиса речи, перейдем к планомерному рассмотрению традиционных аспектов знакоупотребления. Задачей переводчика является полная и точная передача содержания устнопорождаемых в ходе судебного заседания речевых высказываний при помощи средств другого языка.

Процесс перевода неотделим от систематического ментального анализа того, что в науке о знаковых системах называется «двусторонним характером знака», а именно – планом выражения (формой) и планом содержания (значением). Поскольку КН – это коммуникативное явление, то его появление может быть связано со сложностью интерпретации языковых знаков разного уровня. Не ставя перед собой цели дать аналитический обзор всех существующих случаев КН, ограничимся указанием на наиболее принципиальные аспекты.

В роли единицы перевода может выступать как слово, так и словосочетание, синтагма, целое предложение или отрезок речи. Благодаря экспериментальным исследованиям с целью выяснения механизмов, действующих в процессе восприятия и осмысления информации [Степанов 1966; Lenneberg 1967; Baddeley, Buchanan 1975; Hasegawa-Johnson 2007; Gisselgård, Udden, Ingvar 2007; Reis,

Faísca, Mendonça, 2007; Petersson, Gisselgård, Gretzer, Ingvar 2007; Udden, Araújo, Forkstam 2008; Forkstam, Jansson 2009 и др.], исследованиям особенностей внутренней речи [Соколов 1968], удалось установить, что на первичном этапе «приема» текста оригинала (на родном или иностранном языке) «доминирующую роль играет слово или даже сочетание слов» [Степанов 1966: 203-204].

Поскольку фонема не имеет самостоятельного лексического или грамматического значения, то рассмотрение семантически обусловленных КН на фонологическом уровне языка не представляется возможным. Сложности в процессе перевода устной речи могут быть связаны с уровнем функционирования фонем, однако такие КН мы склонны расценивать как возникающие вследствие ошибочного соотнесения экспонента знака (фонетической оболочкой знака в виде слова, слога или звука) с его акустико-моторным представлением в сознании переводчика, и относить к другой области лингвосемиотики, которая была рассмотрена нами ранее – перцептике (см. раздел 1.5.1 и 2.1).

Таким образом, опираясь на специфику и тематику исследуемого дискурса, при переводе центральное внимание следует отводить лексическим составляющим высказывания. Слово в его двойном модусе бытия – как абстрактной единицы лексикона и как актуального элемента речевой цепи, является необходимым компонентом интерпретации смысла высказывания и процесса создания нового языкового знака на ПЯ. Как показывает сопоставительный анализ языкового материала, лексика судебного дискурса не однородна по своему составу, ее можно условно разделить на три группы: 1) общеупотребительная лексика; 2) юридическая терминология; 3) терминология специальных областей знаний (экономика, медицина и т.д.).

Как отмечает С.С.Алексеев «юридическая терминология необходима <...> потому, что во многих случаях без нее невозможно с необходимой точностью выразить мысль законодателя» [Алексеев 1993: 157]. Создание юридического текста предполагает информационную определенность, подразумевающую однозначность толкования. Заметим, что к функциям юридической терминологии можно отнести не только точное и корректное название государственного

аппарата страны, но и в целом коммуникативное обеспечение поддержания правопорядка в обществе на конкретном этапе его развития [Ильин 2004; Баринава 2012]. Среди большого количества определений терминов, в качестве опорных элементов выделим, что термины – это «однозначные слова, лишенные экспрессивности» [Реформатский 1961: 46], которые «являются средством логического определения» [Виноградов 2001: 7]. Исходим из того, что «каждый термин имеет определённую дефиницию, которая отличает его от общеупотребительного слова» [Шарафутдинова 2016: 169]. Главная функция термина состоит в том, чтобы «точно, кратко и однозначно определять понятие в данной отрасли науки, техники, искусства» [Рецкер 2006: 52].

Системность есть основа постоянства значения термина в рамках той или иной терминосистемы [Сахаров 2018: 85-86], которую можно рассматривать как динамическую совокупность терминов, где каждый элемент и обозначаемое им устройство связаны с другим элементом в процессе её функционирования [Шарафутдинова 2016: 170]. Соответственно, термину в терминосистеме характерен ряд свойств: системность, точность, однозначность и стилистическая нейтральность, наличие одной теории или концепции, которая отражает связь всех понятий определённой области знания [Лейчик 2009: 37]; а также взаимовлияние, включенность в работу, определенное расположение элементов в системе [Шарафутдинова 2016: 170].

В переводческом аспекте юридическая терминология представляет интерес, и одновременно проблему ввиду существования терминологических единиц, не имеющих переводческих эквивалентов, а также ввиду вариативности значения одной и той же терминологической единицы в зависимости от той терминосистемы, в которую она входит в том или ином правовом контексте.

В настоящее время предлагается выделяется пять видов терминов в юридическом тексте: 1) общеупотребительные (*свидетель, дело*); 2) общеупотребительные со специальным значением (*экспертиза, кодекс*); 3) специальные (из различных областей знаний); 4) специальные юридические (*исковая давность, суд первой инстанции*); 5) термины, выражающие оценочные

понятия (объективация социальных и ценностных ориентаций, жизненного опыта, профессиональных установок) [Волкова 2010: 90]. На основе структурно-семантической характеристики принята следующая классификация правовой терминологии: 1) однокомпонентные термины; 2) сложные двухкомпонентные термины; 3) терминологические сочетания [Ткачёва 1987].

Ограничиваясь рамками данного исследования, остановимся на ключевых особенностях, характеризующих функционирование юридической терминологии в ходе устного судебного перевода и ее взаимосвязь с возникновением КН.

Прежде всего, публичный юридический дискурс в рамках судебного слушания соединяет в себе две разные по линии субъектного состава формы общения. Рассмотрение дискурсивной практики с позиций участвующих в ней членов «дискурсивных сообществ», объединенных «общностью коммуникативных целей, терминологией, общим уровнем компетентности в определенной сфере деятельности, знаниями особенностей жанровой организации информации и механизмов ее обмена, а также особым институционализированным типом мышления» [Крапивкина 2016: 138-139], было предложено в работах как зарубежных, так и отечественных лингвистов [Swales 1990; Bhatia 1993; Каплуненко 2007; Кузнецова 2007; Крапивкина 2011, 2016]. В концепции А.М. Каплуненко «дискурс экспертного сообщества» можно определить в качестве особого речевого жанра «носителей специального знания», в котором «образуется, развивается и модифицируется термин» [Каплуненко 2007: 119]. Юриста метафорически описывают, как человека, «надевшего «маску», изменившего язык-стиль общения» [Крапивкина 2016: 139]. Ученые акцентируют внимание на том, что в коммуникативном поведении представителя юридической системы отражается целый комплекс профессиональных знаний, которыми не обладает лицо, находящееся за пределами дискурсивного сообщества: «в отдельных случаях юридические термины являются гораздо более совершенными, нежели филологические толкования общеупотребительных слов или наивные представления о тех или иных понятиях» [Волкова 2010: 90]. Таким образом, следует дифференцировать лексику субъектов-юристов, обладающих

специальным правовым знанием для порождения и толкования терминологии и отражающейся в ней понятийной сферы юриспруденции от лексики субъектов-неюристов, передающей их представления, знания и стереотипы, основанные на их повседневном опыте, в виду того, что они не имеют общего с субъектом-юристом контекста интерпретации для правильного раскрытия содержания специальной терминологии [Крапивкина 2016: 139].

Коммуникация в правовой сфере характеризуется ритуальностью, информативностью, детальностью, стремлением к непротиворечивости, связностью, логической структурой текста [Волкова 2010: 88-90] и информационной определенностью [Барабаш 2013: 155]. Говоря о юридической терминологии, нельзя не отметить ее тенденцию к однозначности толкования, взаимообусловленности, завершенности семантических связей [Волкова 2010: 90]. Отсюда следует, что вариативность интерпретации семантики лексических единиц и синтаксических конструкций, а также расхождения в системах правосудия и государственной организации разных стран, выражающиеся в отсутствии полного совпадения понятийного аппарата в правовой сфере на ИЯ и ПЯ, представляют большую сложность для перевода и могут стать источником КН.

В контексте разнотематности участников дискурса необходимо учитывать такое свойство устной судебной коммуникации как *«интердискурсивность»*. Отталкиваясь от многочисленных работ, посвященных определению статуса понятия *«интердискурсивность»* [Чернявская 2009, 2013; Данилова 2015; Иерусалимская 2016 и др.], отметим наличие *«полевой структуры»* дискурса, т.е. ядерных и периферийных компонентов [Чернявская 2009: 37; Чернявская 2003; 2013]. Определим *«интердискурсивность»* как *«интеграцию, пересечение нескольких различных областей человеческого знания»* [Чернявская 2004: 107], которое в судебном диалоге реализуется посредством актуализации неядерных жанров, присутствия в нем элементов (лексики, синтаксиса, моделей построения дискурса и т.д.), характерных для периферийных элементов поля. По аналогии с *«текстовой гетерогенностью»* [Чернявская 2013], проявление

«интердискурсивности» можно определить как «дискурсивную гетерогенность», неоднородность дискурса [Колосовская 2012: 306].

«Каждая из разновидностей переводимого материала отличается своими специфическими чертами, которые ставят особые требования к переводу» [Федоров 2002: 272]. В практической главе исследования мы подробно остановимся на каждом из представленных в юридическом дискурсе пластов лексики (см. раздел 2.2), а также представим анализ нескольких микроконтекстов судебного перевода, включающего техническую, медицинскую и экономическую терминологию.

1.5.3 Синтактика

Каждый языковой знак включает в себя или предполагает наличие нескольких типов отношений. Французский семиолог Р.Барт выделяет «внутреннее отношение, соединяющее означающее с означаемым» и два внешних отношения, которые служат для присоединения «знака к другим знакам высказывания, предшествующим ему или следующим за ним в речевой цепи» [Барт 1989: 180]. Эти отношения носят актуальный характер, т.е. способствуют реализации потенциала знака в коммуникативной и смысловой структуре высказывания. В основе первого из них лежат различия на уровне минимальных значимых частей слова, необходимые и достаточные для изменения смысла (морфем), которые образуют систему согласования знаков между собой, такой тип отношений ученый называет *парадигматическим*. Знаки согласовываются со своими «соседями», т.е. с «ближайшим окружением лексемы».

В качестве второго типа внутренних отношений Р.Барт выделяет «реализацию знаков в синтагме», т.е. переход из «виртуальной» в актуальную плоскость функционирования знаков в речевой цепи. Отношения связи между знаками, возникающее в процессе их сочетаемости друг с другом, ученый называет, соответственно, *синтагматическими* [Кронгауз 2005: 22].

В зале суда важна эффективность коммуникативного взаимодействия, что объясняет тенденцию говорящего «следить за реакцией слушающего и строить прогнозы относительно того, как партнер по коммуникации будет интерпретировать его высказывание» [Поликарпов 2013: 18] с целью оптимизировать используемые средства выражения, отбирая их на основе опыта прошлых дискурсов. Это касается не только выбора лексем, но и грамматических конструкций. В то время как отбор лексических средств происходит сознательно, применение грамматических знаний протекает подсознательно [Там же].

Г.Г.Почепцов отмечает, что «неграмматичность может иметь не только разную степень <...>, но и отличаться своей сущностью» [Почепцов 2013: 135], и может быть сведена к двум основным типам. Первый тип определяется как «различные отклонения от присущей синтаксису данного языка согласованности <...> между компонентами синтаксической конструкции» [Там же], причем степень допустимого структурно-семантического несоответствия может быть значительной. Неграмматичность, таким образом, рассматривается в ключе «отклонения» от канонов формы, а не содержания. То есть совершенно неожиданные в структурно-семантическом смысле построения в определённых ситуативных и контекстуальных обстоятельствах могут оказаться приемлемыми и соответствующими целям говорящего [Там же], или иначе – вполне «грамматичными». Так, первый тип неграмматичных синтаксических построений входит в сферу действия парадигматических отношений между знаками речи и может быть рассмотрен в русле бартовских «внешних отношений» на уровне минимальных значимых частей слова.

Второй тип неграмматичных конструкций «связан со структурной неполнотой конструкции» [Там же: 136], и относится, скорее, ко второму уровню внешних отношений между знаками, то есть к их синтагматической реализации (в терминологии Р.Барта). Соответственно, неграмматичность синтаксических конструкций может быть выражена как на уровне парадигматических знаковых отношений (посредством отклонений от синтаксической согласованности,

закрепленной в определенном языке), так и на уровне синтагматических связей между знаками речи (использование «неполных синтаксических конструкций»).

Развитая система синтаксических отношений является неперенным условием функционирования знака (одноплановых единиц) в устнопорождаемом дискурсе [Сыроваткин 1978: 61], т.к. «натуральные языки содержат элементы, которые не имеют семантических образов и потому могут быть адекватно определены только в рамках синтаксического измерения семиозиса» [Там же]. К топологическим характеристикам шведского языка относится передача некоторых элементов содержания посредством синтаксических отношений между субстанциальными элементами речи (например, различение субъекта и объекта, выраженное порядком слов – прямой порядок слов или инверсия). Таким образом, субстанциональные элементы связаны друг с другом не непосредственно, а через сетку синтаксических отношений – парадигматических и синтагматических.

Основными критериями дискурса, «отличающими его от бессвязного набора фраз, является структурная (когезия) и содержательная (когерентность) связность» [Казаченко 2009: 89]. Когерентность в науке о знаковых системах описывает связность дискурса и определяется как смысловая «непрерывность мира текста», т.е. непрерывность тех смысловых отношений, которые лежат в его основе [Филиппов 2003: 119]; как «целостность сознания» и «взаимный доступ (взаимосвязь) и релевантность в конфигурации понятий и связей» [Beaugrande, Dressler 1996]. По мнению ученых, несмотря на то, что создаваемая в дискурсе предметная ситуация может не соответствовать реальному миру, именно цельность и логическая связность между идеями этой «дискурсивной» реальности позволяет слушателю воспринять и воспроизвести ее в своем сознании. Е. И. Шендельс считает, что когерентность укрепляет «текстовую память» [Шендельс 1987: 10], создавая у слушателя ассоциативную связь между знаками, которые могут находиться в различных частях дискурса. Когерентность судебного дискурса реализуется во взаимосвязи его внутренних и внешних факторов.

Когда интерпретация одного элемента текста зависит от интерпретации другого, связность дискурса, т.е. его когерентность, достигается посредством

внутренней лексико-грамматической связности текста, т.е. когезии. Когезия служит целям организации дискурса в единое семантическое целое, его структурированию, обеспечению континуума, т.е. логической последовательности и взаимозависимости (темпоральной и пространственной) отдельных сообщений, фактов, действий [Гальперин 1981] и представляет собой «видимое» сцепление единиц текста с помощью средств разных языковых уровней [Величко 2016: 40]. Другими словами – использование лингвистических инструментов, так называемых «средств когезии» наблюдается тогда, когда один элемент дискурса находится в пресуппозиции по отношению к другому и не может быть эффективно декодирован реципиентом сообщения без предварительного обращения к значению другого элемента. Средства когезии представляют собой инструментарий для реализации ретроспективной или проспективной проекции (формы отсылки одних знаков к другим) в ходе развертывания судебного дискурса [Брик 2018].

Обратимся к ставшей уже классической типологии средств когезии [Хэллидей, Гасан 1979], т.е. тех аспектов языковых отношений, которые определяют формально-грамматическую связность дискурса: 1) указательная, личная и сравнительная референция; 2) субституция имени, глагола и предикативной группы; 3) эллипсис имени, глагола и предикативной группы; 4) конъюнкция (союзы, союзные слова, слова-связки и другие коннекторы); 5) лексическая когезия – повтор лексических единиц в смежных предложениях: одного и того же слова или лексического эквивалента исходного слова, повтор родового понятия, коллокация; механизмы кореференции и кросс-референции, анафоры и прономинализации [Величко 2016: 41].

Актуальным в русле данного исследования представляется рассмотрение синтагматического функционирования знаков в устном судебном дискурсе в преломлении к использованным в дискурсе средствам когезии с учетом ретроспективной и проспективной проекций.

1.5.4 Прагматика

Прагматическое измерение семиозиса в научной литературе трактуется как актуализация знака в соотнесенности с его пользователем (интерпретатором) [Моррис 2001; Сыроваткин 1978: 74; Сусов 2009: 10 и др.].

В прагматике учитывается роль коммуникативной ситуации [Падучева 1996: 221; Бабаян 2008: 56, 59; Сдобников 2015б: 48]. В классической схеме одноязычного коммуникативного акта в качестве несущих элементов определяются: адресант, адресат, сообщение, контекст, код, контакт [Якобсон 1975: 198]. В то время как А.Д.Швейцер выделяет разные коммуникативные ситуации для каждого из говорящих ($КС_1$ и $КС_2$) [Швейцер 1988], более обоснованным в контексте прямого устного диалога в суде представляется либо наложение таких «индивидуально переживаемых» синхронных КС друг на друга, либо рассмотрение «общей» КС для всех участников, имеющей неодинаковые, «индивидуальные» степень и характер влияния на коммуникантов. Вслед за В.В.Сдобниковым определяем перевод как «некое событие» [Сдобников 2015 б: 48], т.е. составляющую КС, важными свойствами которого считаем: 1) наличие определенной структуры, детерминированной характером переводческой деятельности; 2) назначение и роль перевода в обеспечении коммуникации между разноязычными коммуникантами [Там же].

В контексте «контактного» (очного) общения коммуникантов в устном судебном диалоге, участники (в виду институциональности ситуации общения) должны: «перед вступлением в коммуникативное взаимодействие <...> идентифицировать предстоящую коммуникативную ситуацию и самоидентифицироваться в ней, т.е. уяснить свою роль, социальную позицию, цели, ожидания партнера по коммуникации его психологическое состояние, возможные установки в общении» [Сидоров 2009: 67]. Таким образом, ситуация судебного диалогового общения асимметричные коммуникативные интенции коммуникантов, основанные на их роли в ходе заседания, что должно быть учтено переводчиком в процессе предпонимания ИТ и конструирования ПТ.

На первый план выходит также *«человеческий фактор»*, трактующийся в исследовательских трудах по прагматике как учет «целей, практических результатов и ценностей» [Сыроваткин 1978: 75], ЯЛ коммуниканта [Карасик 2000; Караулов, Чулкина 2008; Бушев 2010; Поликарпов 2012; Кошарная 2014], «особенностей личности адресата сообщения и особенностей его деятельности» [Сдобников 2015 б: 49], «прошлого опыта отправителя или получателя, <...> их нынешнего положения, <...> состояния их мыслей и <...> всех других обстоятельств, имеющих отношение к ним как индивидам» [Ляпон 1986: 7], «прагматического эффекта высказывания, степени достижения цели говорящего, социальной истории коммуниканта» [Бабаян 2008: 56-57], качественных характеристик получателя как «определенные возрастные, профессиональные, половые (гендерные)» [Там же: 59], «принадлежности коммуникантов к разным языковым коллективам и культурам» [Сдобников 2015 а: 6], «субъективного сознательного начала» пользователя знака [Даниленко 1977: 58], «пресуппозиционного компонента, <...> существующего в сознании реципиента» [Пешкова 2006: 58], «преинформации» [Латышев 2001: 24], «позиции, точки зрения» пользователя знака на какие-либо факты [Недашковская 2004: 160], «исходных допущений, намерений, мнений, эмоций и проч.» [Падучева 1996: 223], «концентрации внимания» [Недашковская 2004: 163].

Среди дополнительных характеристик, влияющих на развитие диалогического общения, выделяем: 1) коммуникативную интенцию (т.е. ту цель, с которой коммуникант сверяет коммуникативный эффект, производимый на адресата); 2) коммуникативный опыт; 3) коммуникативный эффект, производимый речевым сообщением; 4) «когнитивный опыт» коммуникантов (т.е. совокупность представлений о мире, включая эмоционально-оценочное отношение к миру, определяемые социальной принадлежностью и индивидуальным, личностным опытом) [Сдобников 2015 б: 50].

Прагматика высказывания имеет тесную связь с когнитивными процессами речепорождения как отправителей сообщения, так и переводчика (см. 1.3.2). В Когнитивный опыт коммуникантов (экстралингвистические знания) состоит из:

1) «когнитивного багаж» – это «концептосфера человека, отражающая общую культуру человека, знания, накопленные им в процессе жизни» [Поликарпов 2011: 172]

2) «когнитивного контекста» – это «знания, полученные при чтении (или прослушивании) исходного текста, которые девербализуются, но присутствуют в памяти во внешневербальной форме, помогают переводчику понимать продолжение текста и добавляются к его когнитивному багажу» [Бодрова-Гоженмос 2002: 13]

3) «когнитивных дополнений» – это знания для понимания смыслового содержания текста, их переводчик «черпает из когнитивного контекста и/или когнитивного багажа» [Там же].

КС перевода в суде подразумевает наличие не только: 1) акта общения между отправителем ИТ и переводчиком; 2) акт общения между переводчиком и получателем ПТ, но также *облигаторный учет переводчиком* 3) акта общения между отправителем ИТ и его получателем. В нем (3) между пользователями разных языков в качестве коммуникативных сигналов могут выступать интонация, мимика, жесты, тон, темп, громкость речи, паузация [Васильева, Коньков 2015: 11-13], гезитативы и т.д. Общение по невербальному или паравербальному каналу связи проходит напрямую, *параллельно* вербализованным семическим актам через переводчика и служит цели передачи дополнительной информации, в одинаковой степени влияющей на восприятие сообщения и формирующей диалогическую «реакцию» реципиента.

Подытожим сказанное. Соотнесенность с пользователем выражается через два вида констант: 1) ситуативные компоненты, оказывающие действие на пользователей знаков, т.е. характеристики КС, и 2) индивидуальные личностные характеристики пользователя знака, например: 1) несовпадение коммуникативных установок; 2) несовпадение картины мира, видения окружающей действительности, несовпадения мировоззрения в виду различий между ЯЛ и др.; 3) гендерные, возрастные, социальные отличия между коммуникантами и др.

Перейдем от общего – к частному. В практической главе данного исследования мы рассмотрим рефрейминг как пример влияния КС на

возникновение КН, а также несколько примеров, когда картина мира и различие пресуппозиций коммуникантов вызывают КН.

В лингвистике под *картиной мира* понимают «порожденную человеком упрощенную замену реального мира придуманной схемой мира или образом мира» [Корнилов 2003: 5-6], «фактуальную сторону культуры» [Иванов 2017: 24], «то мировидение, которое язык своей внутренней формой навязывает мышлению» [Песина 2013: 32] или «отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека <...> образ мира, преломленный в сознании человека, т. е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [Тер-Минасова 2007: 22]. Под языковой картиной мира Ю. Д. Апресян понимает «отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 39; см. подробнее о русской языковой картине мира – Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012]. ЯЛ является носителем «языкового сознания», т.е. «языковой картины мира», как вербального воплощения концептуальной картины мира, «в совокупности со степенью овладения коммуниканта культурой функциональных разновидностей языка, <...> творческим процессом создания текста, проявлением языковой индивидуальности» [Бушев 2010:8]. Расхождения, сопряженные с уровнем ЯЛ связаны с такими компонентами «психической и языковой способности, как перевыражение, моделирование, контроль, оценка, суждение, умозаключение, содержательное обобщение, проблема целеполагания, цель и мотив речевой деятельности, активность субъекта в речетворческом процессе, рефлексия, развитие мысли [Там же:12].

Итак, *отличительной чертой* прагматического параметра КН является разнородность компонентов, вступающих во взаимодействие с триадой «значение – знак – пользователь». Типология КН может строиться исходя из внутренней структуры, т.е. факторов, воздействующих на актуализацию знаков в семическом

акте (причины возникновения): КС или личностные характеристики коммуниканта. Она также может отражать внешнюю манифестацию КН: 1) явность / неявность (потенциальная отсроченность); 2) облигаторность / факультативность появления; 3) предсказуемость / непредсказуемость [Бугрова 2012: 24]; 4) отвратимость / неотвратимость. Отсроченность КН в устном судебном переводе может быть вызвана регламентом судебного заседания и привести к реализации КН на каком-то более позднем этапе коммуникации. Признаком явной КН служит прямая или косвенная просьба о коррекции речевого поведения собеседника (повторить или уточнить непонятый компонент сообщения), поскольку в ней содержится осознание и сигнал коммуниканта о недостаточно ясном, логичном, точном характере высказывания.

Успешность коммуникации нередко связывается с коммуникативным образом адресата [Сдобников 2015 б: 94], однако адаптация переводчика «под адресата» ограничена правовыми нормами, которые предписывают запрет «что-либо изменять, опускать или добавлять» по отношению к оригинальному сообщению и его составляющим [God Tolksed 2019: 3; 21 § KAMFS 2021:2]. В связи с этим вводим параметр (4), чтобы различать ситуации перевода, в которых реализуется «предсказуемость КН» и параллельно действует ограничение возможностей переводчика ее предотвратить согласно требованиям соблюдения точности (здесь, скорее «буквальности» и «дословности») судебного перевода.

Выводы по главе 1

Исследование выявило, что характерным для теории устного судебного перевода как относительно молодой отрасли переводческой науки является многоплановость исследовательских методов, комплексность подхода к изучению деятельности устного судебного переводчика, а также выбор методологического аппарата, исходя из нужд и целей исследования.

Принцип *интегативности* выбран в качестве оптимального приема изучения устного судебного перевода, так как он нацелен на обеспечение комплексного рассмотрения основных закономерностей и функций перевода как системной целенаправленной деятельности. В центре интегративной модели устного судебного перевода находится когнитивная деятельность переводчика в совокупности с другими системообразующими константами перевода: многоканальностью мышления переводчика (пониманием, толкованием, извлечением смыслов, интерпретацией, вербализацией), устностью порождаемых ИТ и ПТ, институциональностью и интердискурсивностью судебного дискурса, нормативно-правовым регулированием деятельности переводчика.

Теоретическая база по изучению *устнопорождаемой речи* дает исчерпывающее представление о ее характеристиках: синхронизации процессов мышления и вербализации, спонтанности, непродуманности и ограниченной непринужденности речи, неравномерном сжатии и скачкообразном логическом структурировании сообщаемого содержания, большей степени «свободы» синтаксических конструкций, нередкой реализацией начатых структур вопреки вероятностному прогнозированию реципиента, превалирующем речепроизводстве на уровне синтагмы, невозвратности в устнопорождаемом дискурсе, непрерывной регистрации ситуативных стимулов и реакций собеседников и др.

Когнитивный фактор влияет на переводческую деятельность через призму комплексности процессов понимания, интерпретации смысла высказывания и многоканальности переводческого мышления. Для устного судебного перевода характерна одномоментность и скоординированность процессов восприятия, осмысления, толкования, синтеза, вербализации и автокоррекции. Создание устного перевода в режиме реального времени требует большой ресурсности оперативной памяти. Важным аспектом устного судебного перевода является фоновый мониторинг перевода, т.е. сопоставление текущего перевода с уже осуществленным в целях контроля и корректировки. Публичность процесса перевода – дополнительный психологический фактор, влияющий на его исполнителя. Для понимания устнопорождаемого текста в суде необходимо

рассматривать участников процесса перевода в качестве субъектов социальной деятельности, учитывать их установки и интенции, потребности и национально-культурные особенности. Переводчик является создателем дискурса наряду с отправителем и получателем текста. Он оперирует через призму дискурсивной самоидентичности, ЯЛ и картины мира самого переводчика, опираясь на заданные цели и выбранные стратегии и тактики перевода.

Судебный дискурс определяется в диссертации как вербальная реализация юридического дискурса в контексте конкретного судебного заседания. Анализ микроконтекстов устного судебного перевода подтверждает наличие в судебном дискурсе интердискурсивности, полевой структуры и неоднородности жанров и стилей в судебном дискурсе. Идентифицированы его основополагающие признаки, находящие явное отражение в лексике и синтаксисе. Институциональные особенности переводимого судебного дискурса включают: 1) хронотоп; 2) цель (разрешение правового конфликта); 3) ценности, выраженные в основных концептах судебного дискурса; 4) стратегии и тактики; 5) частое употребление косвенных речевых актов; 6) управление дискурсом со стороны представителей правосудия; 7) доминантную позицию представителей института правосудия в отношении лексических средств выражения, знание терминосистем; 8) несовпадение пресуппозиций говорящего и слушающего в отношении так называемого «общего знания». Диалогичность и агональность дискурса находят отражение в характерном для прагматического измерения языковых знаков целеполагании коммуникантов, состязательности аргументации, использовании явных и скрытых техник убеждения, связи картины мира и ЯЛ коммуникантов с развертыванием дискурса. Влияние на перевод оказывает также непосредственная двусторонность общения в режиме живого времени (параллельный доступ коммуникантов к информации по вербальным и невербальным каналам связи).

Устный судебный перевод в Швеции (как подвид социального перевода) является утвердившейся и признанной среди представителей других специальностей профессиональной деятельностью, а история существования института устных судебных переводчиков насчитывает несколько десятков лет.

Деятельность устных судебных переводчиков регулируется целым рядом нормативно-правовых актов. Разработаны также документы рекомендательного характера, предназначенные для широкого круга читателей: от представителей судебной системы до простых граждан Швеции. В России профессия «судебного переводчика» проходит этап своего становления в качестве независимой сферы деятельности. Силами инициативной группы в составе В.В. Сдобникова, А.А. Ларина, Л.Б. Обидиной и др. в рамках деятельности Союза переводчиков России ведется работа по внедрению проекта «Положение о судебном переводчике».

Переводческая стратегия в устном судебном переводе вырабатывается с учетом специфики переводимого текста и всех известных факторов профессиональной ситуации. Проведенное исследование научной и специальной литературы показало, что к таким факторам необходимо причислять *нормативно-правовое регулирование* деятельности переводчика. Ориентирами для практического осуществления устного судебного перевода служат правовые акты, определяющие статус, права и обязанности переводчика. В нормативно-правовом отношении частично или полностью регулируются следующие аспекты переводческой деятельности:

1) *психологические аспекты*: ответственность за качество перевода; публичная доступность перевода; потенциально: а) неограниченная аудитория, б) неограниченное время существования перевода (архивирование аудиозаписи), в) широкое медийное освещение процесса с концентрацией внимания на переводчике и переводе, г) опасная близость к преступнику, страх за собственную жизнь и здоровье.

2) *технические аспекты*: владение портативными устройствами для перевода; работа в системе удаленного синхронного видео-перевода.

3) *многообразные формы работы переводчика* – устно-устный перевод при комбинированном использовании техники синхронного перевода, устного последовательного перевода, шушутажа и работы в тандеме.

4) *выбор стратегии и тактики перевода* под воздействием: предписания точной и полной передачи информации, запрета на выражение собственного

мнения и ценностей, запрета на добавление, опущение или иное изменение содержания ИТ, регламентируемое нормами работы устных переводчиков и Кодексом этики устных переводчиков. На практике это означает, что переводчик не имеет права делать изменения в переводе, даже если они помогут достичь желаемый коммуникативный эффект. Он также не вправе вносить фактические изменения в содержание сообщения, даже если говорящий совершил очевидную «оговорку», например, назвал неверную дату или имя. Аналогично этому, переводчик не может делать культурологические комментарии для пояснения содержания сообщения, даже если он предполагает, что реципиенту не хватает фоновых знаний для интерпретации всех его смысловых компонентов. Таким образом, наличие нормативных предписаний ограничивает медиативную роль переводчика в ситуации судебного перевода.

В первой главе исследования дается рабочее определение *КН*, представляется ряд выводов о характере явления *КН*, выявляются маркеры и рассматриваются лингвосемиотические параметры *КН* в контексте устного перевода звучащего судебного дискурса. Предлагается создать типологию причин *КН* с опорой на лингвосемиотический подход, т.е. в соответствии с измерениями семиотики речи, в которых они образуются (семантикой, синтактикой, прагматикой). В качестве еще одного параметра, занимающего особо важную позицию в функционировании языкового знака в устном общении, выделяется перцептика (восприятие знака). Таким образом, *КН* представляет собой комплексный феномен, проявляющийся в нарушении коммуникации под влиянием ее внутренних и внешних факторов и оказывающий негативное влияние на ее эффективность и результативность. Выделенные параметры реализации языковых знаков в речи послужат вектором детального изучения причин возникновения *КН* в устном судебном переводе, представленного в следующей, второй главе настоящего исследования.

Глава 2. Лингвосемиотическая типология причин коммуникативных неудач в устном судебном переводе

2.1 Перцептивные параметры коммуникативных неудач

С психологической точки зрения процесс слухового восприятия включает три уровня: сенсорный (непосредственный прием сенсорной информации), перцептивный и смысловой (осмысление) [Краузе 2002:15]. В данном разделе остановим внимание на перцептивном декодировании (подробнее об осмыслении см. раздел 1.3.2). Напомним, что при встрече с раздражителем, т.е. звуковой формой знака, в сознании реципиента «просыпается» не только непосредственно искомая лексема, но и сходные с ней по звучанию слова, а также ассоциативные связи, сопровождающие ту или иную лексему в ментальном пространстве участника коммуникации. Подчеркнем, что «часть из этих ассоциаций осознается, другая часть присутствует в виде фона» [Сыроваткин 1978: 58], а также, что мозг хранит большое количество фонетических подробностей произношения слов, и чем выше частотность их предъявления, тем доступнее они при восприятии.

2.1.1 Гетеронемия

В контексте возникновения КН особый интерес эти процессы представляют для нас в случаях, когда происходит генерализация возбуждения в пределах совокупности следов отдельных лексем, частей или комбинаций лексем, *сходных по звучанию*. Схематично этот эффект можно представить следующим образом:

значение₁ → перцептема₁ → перцептема₂ → значение₂

Сопоставительный анализ языкового материала показывает, что разнообразие конкретных фактов, попадающих под эту схему, чрезвычайно велико. В представленных ниже примерах (7, 8, 9) мы наблюдаем проявление гетеронимии, которую можно истолковывать как межъязыковую паронимию, т.е. звуковое сходство слов разных языков, при этом их конкретный смысл не идентичен, но во многих случаях возможна общность одной или более сем, обеспечивающая некоторую семантическую близость. Рассмотрим пример (7):

(7) *Прокурор:* menar du // att det inte är ditt badrum då / eller ? //

Переводчик: вы имеете в виду / что / это не ваша ? (ванная, о которой говорилось ранее в диалоге – примечание наше А.Ф.)

Прокурор: på sidan // 23 / så / ser vi ett **draperi** / där

Переводчик: на 23 странице / там видно / **драпировку**

Транскрипт допроса подсудимого (7) о фотографии, на которой изображена ванная комната, указывает на то, что совпадение фонологически дистинктивных признаков шве. *draperi* обусловило активизацию следов лексем, схожих по звучанию с лексемой рус. *драпировка*. Здесь уместно обратиться к результатам, полученным экспериментальным путем при изучении связи слов по данным сосудистых реакций, и сделанным учеными выводам: «Вокруг каждой лексической единицы <...> создается многомерная связь сетей, причем в норме преобладающую роль играют смысловые связи (семантическое поле), тормозящие звуковое сходство, а в патологических или тормозных состояниях заторможенные примитивные (звуковые) связи растормаживаются и уравниваются по своему значению со смысловыми связями» [Лурия 1975: 36].

Как видим, пример (7) демонстрирует, что «растормаживанию» примитивных сугубо звуковых связей способствует немедленная семантизация, вторичное осмысление этих связей. КН на стадии акустического восприятия высказывания переводчиком проявляется в данном случае в том, что посредством актуализации акустико-моторного представления лексемы шве. *draperi* (*перцептма₁*), в сознании переводчика растормаживается также и другая схожая по звучанию лексема рус. *драпировка* (*перцептма₂*), несмотря на то, что она

принадлежит лексической системе другого языка. При этом значения *перцептемы*₁ и *перцептемы*₂ не идентичны, но характеризуются совпадением некоторых сем. Таким образом, неполное совпадение звуковой структуры слов (фонематические «следы») и некоторая общность их семантики срабатывают в качестве пускового механизма для того, чтобы вместо использования семантических эквивалентов рус. *занавеска* или *штора*, ошибочно перевести лексический компонент высказывания шве. *draperi* как рус. *драпировка*. Тем временем, на стадии перцептирования перевода такая ошибка в выборе лексического эквивалента не приводит к ошибке в предметной соотнесенности, т.е. подсудимый думает о том же предмете, который актуализирован в отрезке речи прокурора – *штора в ванной*. Пример показывает, что КН на стадии перцептирования, повлекшая за собой ошибочный выбор лексемы на ПЯ, не приводит к КН на стадии восприятия перевода реципиентом. Пример (7) иллюстрирует, как межъязыковая паронимия активизирует парадигматические связи и тем самым определяет извлечение слова на ПЯ из тезауруса переводчика только на основании близости звуковой формы с лексемой на ИЯ. Тем самым, мы наблюдаем резкое превалирование парадигматических связей над синтагматическими, то есть *давление звуковой формы* является фактором, *тормозящим поиск* нужного слова по семантически дистинктивным признакам.

Рассмотрим еще два транскрипта переводов с участием разных переводчиков при слушании двух несвязанных друг с другом судебных дел. Оба примера (8, 9) отражают явление гетеронимии и развиваются в переводе по описанной в первом случае модели.

(8) *Прокурор:* mm / ok // ää / och // ää / så förstår jag / att det blir nån / nån konflikt / med anledning av att // att / Sh. sett någon **film** / ää / med dig och nån kvinna ?

Переводчик: и я так поняла что конфликт / после того как / Ш. увидела какой-то **фильм** / с вами / и с женщиной / какой-то

Поскольку слово шве. *film* кроме основного значения рус. *фильм* имеет еще ряд значений, например, рус. *фотопленка, кино, видео, изображение* утрата

ситуативного компонента, т.е. семантических связей при перцептировании этого слова, приводит к исчезновению окказионального смысла. В связи с тем, что лексема шве. *film* и рус. *фильм* в примере (8) занимают неравнозначное положение внутри соответствующих семантических полей в сопоставляемых языках, то использованная при переводе на русский язык лексема рус. *фильм*, скорее, указывает на другой сигнификат, а именно – на рус. *художественный фильм*, который был просмотрен в обществе какой-то женщины, нежели на рус. *видео, снятое на мобильный телефон*, в котором фигурирует подсудимый совместно с другой женщиной.

В примере (9) та же лексема шве. *film* используется для обозначения рус. *изображения с камеры видеонаблюдения* из магазина, в котором была совершена кража, и аналогичный выбор соответствия на рус. *фильм* (вместо рус. *видеозапись / запись с камеры видеонаблюдения*) представляет собой погрешность в отношении акта сигнификации:

(9) *Прокурор:* du har ju sett **filmerna** // var ni län- / hur länge var ni i butiken?

Переводчик: **фильмы** вы смотрели? / вот эти / сколько вы по времени находились? / в этом магазине

Подсудимый: ну // ну / где-то // где / щас скажу точно /

Переводчик: jag måste tänka

[...30 сек]

Прокурор: tog V. något mer / är vad man ser på / **filmen**?

Переводчик: а В. еще что-то украл? / кроме того что / видно **на фильмах**

Подсудимый: // ну я особо не видел / ну как бы я не это вот я же увидел / **по фильму**? / и когда его забирали / это вот / это я так не видел / особо / шо он там / шо-то брал / или еще что-то / мы в принципе / рассматривали это все вместе

Переводчик: jag kan inte precisera / för att såg inte / särskilt mycket av det /

som han gjorde / det fick jag se först **på film** / och / eeh // när han greps

Известно, что диапазон искажения смысла оригинального текста в переводном под давлением звуковых сходств может быть весьма широк. Однако аттестованные судебные переводчики обладают достаточной компетенцией и профессиональными навыками перевода, чтобы предотвратить безграмотную подстановку «ложных друзей» переводчика. Как показывает анализ материала, в тех случаях, когда «парадигматические связи под воздействием звуковой формы оригинала все же перевешивают синтагматические» [Сыроваткин 1978: 58], это приводит к несоответствиям, которые дают небольшой эффект отстранения, но не приводят к КН.

2.1.2 Перекрестность звуковой формы знака и акустико-моторного прообраза

Анализ представленных выше ситуаций перевода свидетельствуют о том, что первоочередным шагом перцепции текста является обнаружение некоего, пусть даже не идентичного по всем семантическим признакам, акустико-моторного прообраза в ментальном хранилище переводчика, сопоставимого с той звуковой репрезентацией знака, которую он воспринимает извне. Остановимся подробнее на случаях, в которых *акустико-моторный образ в сознании переводчика существует*, но переводчику не удается бесприпятственно установить связь между образом и звуковой формой устнопорождаемого знака отправителя при первичном перцептировании сообщения на ИЯ. Это обусловлено использованием заимствований в речи говорящего, т.е. акустико-моторный образ в сознании переводчика привязан к ПЯ, а не к ИЯ. Следовательно, такая «перекрестность» ментальных хранилищ требует дополнительных усилий для идентификации и извлечения искомого знака речи. Основываясь на умозрительных заключениях, мы можем выделить следующие тактики, к которым последовательно прибегает переводчик: 1) обращение к «банку перцептем» на

ПЯ; 2) повторное обращение к оригинальному сообщению путем невербализованных ментальных операций; 3) повторное обращение к источнику сообщения (посредством уточняющего вопроса).

Приведем несколько примеров. В первую очередь перцептивный код воздействует на акустико-моторные образы в сознании переводчика, которые соответствуют языку оригинального сообщения (за исключением случаев межъязыковой паронимии, в том числе проанализированных выше). Как показывает транскрипт перевода одной из реплик истицы (10), речь переводчика начинается с более продолжительной паузы, междометия –*ää*–, в ней присутствует достаточно большое количество коротких пауз – все это относится к признакам интенсивности ментальных процессов в сознании переводчика. Вместе с тем, это свидетельствует о некоторой неуверенности по поводу одного или нескольких компонентов высказывания, и, возможно, что источником такого непродолжительного замешательства явилась лексема *ху́збиль*:

(10) *Истица:* аэ / она сказала что / она начала плакать и сказала что / что //
ее отец / обидел / и // что он ее / выкин- / выбросил из
ху́збиля

Переводчик: //ää / och då sa hon / att hon började gråta / och så sa hon / att
pappa hade gjort henne / ledsen därför att / han / slängt ut henne /
ur / **husbilen**

При перцептировании потока русскоязычной речи у переводчика в первую очередь активизируется «банк перцептем» на языке оригинала. В этом банке переводчик не находит соответствия перцептеме рус. *ху́збиль* и потому вынужден перейти к следующему этапу распознавания речи – поиску в банке перцептем на ПЯ. Дополнительную сложность в процессе идентификации перцептемы представляет несоответствующее шведскому просодическое оформление лексемы *ху́збиль*, использующее ударение на первом слоге и озвончение глухой согласной -с- (на шве. *хюсбиль*), что обуславливает необходимость вспомогательных ментальных операций по выявлению искомой перцептемы шве. *husbil* (досл. рус. *автомоб.*). В таком случае переводчик может опираться на ситуативный контекст,

однако в рассматриваемом дискурсе конситуация, в центре которой находится лексема рус. *хүзбиль*, еще не упоминалась и возникает только в материалах заявлений в полицию, обсуждение которых будет проведено далее в ходе судебного слушания. Это позволяет сделать вывод, что отсутствие перцептемы в банке ИЯ (т.е. на рус.яз.), дополнительные ментальные операции по изоляции следов искомой лексемы на ПЯ и отсутствие вспомогательных конситуативных сведений обуславливают возникновение КН на этапе восприятия речи переводчиком, выраженное появлением хезитативных пауз и междометий. Несмотря на это, хезитативные паузы предоставляют переводчику дополнительное время на обработку *перцептемы*₁ и позволяют выполнить эквивалентный перевод на ПЯ.

По-другому обстоит дело, когда использование иноязычного слова в речи говорящего полностью отвечает словообразовательной и словоизменительной модели, а также произношению этого языка (11). Например, когда в русском языке это слово используется в позиции, где необходима форма именительного или винительного падежа:

(11) *Истица*: эм / мы были / э / в ка- / Л. была в капе / последний день / там э / в понедельник

Переводчик: eh / L. var / i / kap / heter det kap / [kapp] ?

Истица: [да]

Переводчик: på / kapp / sista dagen / mhm

Истица: там ей сказали что // завтра будет **авслютнинг**

Переводчик: och / där fick hon veta / att det skulle bli en / **avslutning** dan därpå

Как видно, речь переводчика не обременена элементами, указывающими на дополнительные операции по декодированию перцептемы. Несмотря на необходимость обращения переводчика в банк перцептем на ПЯ, ее распознавание перцептемы протекает быстрее, чем в предыдущем примере (10). Это происходит благодаря дистинктивному и четкому произношению перцептемы, за счет чего переводчик сразу понимает, что поиск должен вестись в

банке перцептем на ПЯ. Таким образом, идентификация акустико-моторного прообраза не представляет проблемы, и она не становится источником КН.

В других случаях, когда на ИЯ нет соответствующей перцептемы, переводчик повторно обращается к оригинальному сообщению путем невербализованных ментальных операций с целью сопоставления звучащего знака с банком перцептем на ПЯ. Следующий пример (12) иллюстрирует именно этот процесс, маркером которого мы считаем «речевое колебание», выраженное заполнением пространства речи звуком «м-м» в начале реплики переводчика:

(12) *Истица:* и / вот эти / **самперсонал** ей сказал что // там придут еще другие люди / и а- / М. будет Д. будет / [и что]

Переводчик: [mm] / och **personalen** sa till henne att det / skulle komma / fler personer / ää / det skulle bli / både M. och D.

Истица: и / ээ / эта / М. с этого / с коммуны еще / [М. Ш.]

Переводчик: [asså] M. / eh / från / kommunen

Сложность в распознавании перцептемы рус. *самперсонал* состоит в том, что истица с некоторой периодичностью прибегает к использованию шведских заимствований в своей речи, а в шведском языке приставка шве. *sam-* (*samman-*) со значением рус. *вместе, одинаковый, одновременный* является очень продуктивной в отношении словообразования. Этот префикс используется как для образования большого количества существительных: шве. *samverkan, sambeskattning, sambo, samexistens, samgående, samliv, samvaro, samröre, samkväm, samarbetare*; прилагательных: *samkönad, samfälld*; так и для образования глаголов: *samarbeta, samverka, samlyssna, samköra, samåka, samsända, samrådasamordna, samspråka* и т.д. Таким образом, при восприятии перцептемы рус. *самперсонал* переводчику необходимо дополнительное время для того, чтобы сначала определить, сколько перцептем входят в искомый компонент высказывания – одна или две. Поскольку продуктивность приставки шве. *sam-* (*samman-*) широко известна, переводчик за доли секунды анализирует банк перцептем на ПЯ, не находит соответствующей перцептемы и прогнозирует возможность образования окказионального термина с использованием этой приставки. Далее в игру

вступают не только парадигматические связи, но и семантические. Принимая во внимание семантику слова рус. *персонал* и приставки шве. *сам-*, а также конситуацию в переводе, переводчику не удастся установить значение такого индивидуально-авторского словообразования как шве. *самперсонал*, и потому он приходит к выводу, что это не является семантически обусловленным нововведением говорящего. Таким образом, с бóльшей вероятностью эта перцептета представляет собой слияние двух лексем на русском языке, а именно определительного местоимения рус. *сам* и существительного рус. *персонал* и по содержанию указывает на *самых работников* какого-то учреждения. Таким образом, при КН, вызванной отсутствием перцептеты в банке акустико-моторных представлений на ИЯ, одного обращения к банку перцептам на ПЯ может быть недостаточно. Чтобы правильно распознать отрезок речи говорящего, переводчику приходится виртуально проводить вероятностное прогнозирование окказионального значения предполагаемой *перцептеты*₁ на ПЯ (шве. *самперсонал*) с тем, чтобы затем сделать переразложение воспринятого акустико-моторного образования в *перцептету*₂ на ИЯ (рус. *сам персонал – сами работники*) в соответствии с семантическим прогнозированием и предотвратить КН на этапе восприятия перевода. Итак, в примере (12) переводчик сначала обращается к банку перцептам на ИЯ, после этого – к банку перцептам на ПЯ, затем делает переразложение перцептеты и снова проверяет наличие нового акустико-моторного прообраза в банке перцептам на ПЯ, и в конце-концов возвращается к банку перцептам на ИЯ и производит переразложение звуковой формы из шве. *самперсонал* на рус. *сам персонал*.

2.1.3 Омонимия

Рассмотрим следующий пример (13), в котором необходимость в выполнении вспомогательных невербализованных операций в сознании переводчика вызвана явлением омонимии. В языковедении принято говорить об

омонимии на уровне слова, т. е. о тождестве звучания двух или нескольких разных слов, однако в устнопорождаемой речи омонимия может возникнуть также на уровне словосочетания в виду того, что спонтанная устная речь редко строится по грамматическим канонам литературной речи, а устность и спонтанность исключают наличие письменного источника, в котором четко отражены границы словораздела. В связи с тем, что при перцепции доминирующую роль играет слово или сочетание слов, случай «*фразовой омонимии*» может осложнить распознавание сообщения на ИЯ. В первую очередь, правильное восприятие речи требует от переводчика дополнительного времени для выполнения переразложения фонемного состава компонента высказывания и воссоздания новой слоговой конфигурации внутри высказывания в зависимости от словесного контекста:

(13) *Подсудимый:* потом у нас / слово за слово / она взялась за этот / за видео она начала мне говорить / вот так вот так / ты стоко деньги там порасходовал / **она мне хочешь** / ээ / купить обычный билет / за поездку с детьми в Узбекистан он ей говорит

Переводчик: aa / och sen efter den videon hon / vi började prata mer så då sa hon / du slösade så mycket pengar där / och du **vill inte** köpa biljett / **för mig och barnen** / att åka till Uzbekistan

В условиях систематического нарушения подсудимым правил грамматики и произношения русского языка, а также непредсказуемости использования синтагматического ударения, переводчику сложно «распознать» фразу рус. *а нам не хочешь* в речи подсудимого, совпадающую по фонологическим характеристикам с фразой рус. *она мне хочешь*, которая в разговорном стиле может быть контаминационным вариантом более полной фразы рус. *она мне говорит: ты хочешь?*. Несмотря на фонологическое сходство, благодаря семантическим и синтаксическим связям в потоке речи переводчику удастся с помощью мыслительных операций после небольшой паузы в начале реплики определить искомые перцептемы и извлечь заложенный в это словосочетание

смысл, а именно – шве. *du vill inte köpa biljett för mig och barnen* (рус. *ты не хочешь покупать билет для меня и детей*).

Далее продемонстрируем сложности, возникающие при столкновении переводчика с перцептемами, которым не находится соответствия в банке перцептем ни на ИЯ, ни на ПЯ, и где повторное перцептирование не приводит к решению проблемы.

2.1.4 Несоответствие звуковой формы знака акустико-моторному прообразу

В примерах (7, 8, 9, 10) трудность восприятия звучащего знака заключается в интерференции схожих по звучанию перцептем 1 и 2, где звуковая оболочка одной перцептемы₁ «растормаживает» акустико-моторный прообраз другой перцептемы₂. В примерах (12 и 13) сложность перцептирования звучащей речи возникает из-за необходимости внутренней конфигурации, т.е. переразложения перцептем. В представленных ниже примерах (14, 15) трудность восприятия заключается в идентификации перцептемы, т.е. в соотнесении материального воплощения знака с его акустико-моторным прообразом в сознании переводчика, основанном на «прошлом опыте» [см. Краузе 2002:16]. Такое явление особо часто наблюдается в отношении имен собственных, поскольку в банке перцептем переводчика акустико-моторный прообраз актуального в ситуации перевода имени отсутствует. Для наглядности обратимся к примерам:

(14) *Подзащитный:* ээ / ээ / ээм / ээ первого апреля я прилетел со своим / со своим знакомым с / сэээ **спарвомшмитм**

Переводчик: // э как его зовут?

Подзащитный: э / Парво Шмидт

Переводчик: **Парво Шмидт** / ää / så den första april / så kom jag då / ää / med min / ää / gamla bekant / Parvo / **Schmidt?**

[...]

Подзащитный: и я вернулся / после того как я вышел из магазина / я вернулся / обратно в бар **к парв кпарву** / допил свое пиво

Переводчик: ää / sen efter att jag lämnat butiken så / gick jag tillbaka till / **как его зовут / Парву?**

Подзащитный: Парво

Переводчик: ää / gick jag tillbaka till Parvo / ää / ää / drack / ää / min öl //

В обоих случаях переводчик несколько раз с небольшим перерывом в течение одного допроса сталкивается с произнесением имени собственного и на этом этапе возникает КН. Чтобы исключить ее появление, переводчику приходится изолировать «проблемную» перцептему (ср. *Парво Шмидт, Мия Шнур*) и добавить ее к своему «ментальному» банку, с тем, чтобы в дальнейшем ее можно было беспрепятственно идентифицировать в потоке речи говорящего. Обратим внимание на то, что в обоих случаях имя собственное является атипичным для используемого ИЯ.

(15) *Истица:* но / Мия **шноуз** / она не тюстаспликт она сказала

Переводчик: eh / men // när det gäller den här Mia / från kommunen / **Mia ?**

Истица: **Шнуц** [она]

Переводчик: **Shnoor**

Истица: [или Шнур она]

Переводчик: [japp] men // hon / har / ingen tystnadsplikt

[...]

Истица: а я / вначале объяснила / почему

Переводчик: jag berättade / om detta / i början // varför

Истица: // потому что **Мия Шнуз** / она / не тюстеспрок

Переводчик: **mm** // därför att / Mia / **vad är hennes efternamn ?**

Адвокат **Schnoor**

ист:

Переводчик: **Schnoor / Mia Schnoor** / hon / har ingen tystnadsplikt

Признаками КН в приведенных примерах (14, 15) служат более длительные незаполненные паузы, переспросы *как его зовут?*, *Parvo / Schmidt ?*, *как его зовут*

/Парву ?, Mia ?, Mia / vad är hennes efternamn ?, заполненные хезитационные паузы -э-, -ää-, eh / men, mm, japp men, а также непреднамеренные повторы искомой перцептемы в начале реплики переводчика Парво Шмидт / ää, Schnoor / Mia Schnoor. В примере (15) также наблюдается интерференция перцептемы₁ имени собственного шве. Schnoor, которая растормаживает следы перцептемы₂ рус. шнур, имеющей значение₂, которое не является актуальным и требует от переводчика активного устранения из процедуры идентификации звукового образа. Таким образом, имена собственные, особенно не типичные для ИЯ, приводят к возникновению КН на этапе восприятия речи переводчиком. В случаях, когда переводчик сталкивается с перцептемами, не имеющими соответствия в его ментальном хранилище на обоих языках, в качестве тактики решения КН он выбирает обращение к говорящему с просьбой повторить или уточнить свое сообщение.

Еще один пример несовпадения звуковой формы лексемы и содержимого банка перцептем переводчика:

(16) *Ответчик:* hon har // en av de största **igenmentaliteter** / jag någonsin har träffat / i någon människa

Переводчик: ursäkta // skulle du kunna / upprepa det sista / som du sa / det sista meningen // som du sa

Ответчик: jag / jag ha- / hon har en av de som jag har träffat / som har den största **igenmentaliteten** jag / någonsin har // sett // hon ljuger inte för att hon är mytoman / hon ljuger / för att hon har ett syfte

КН возникает на этапе восприятия перцептемы шве. *igenmentaliteter*. Можно предположить, что переводчик верно расслышал и уловил материальную форму лексемы шве. *igenmentaliteter*, но не обнаружив никакого акустико-моторного соответствия данной перцептемы в своем сознании после обращения к банку перцептем как на ИЯ, так и на ПЯ, а также после возможного ментального переразложения воспринятого акустико-моторного прообраза на шве. *igen* + шве. *mentaliteter*, все равно не смог установить значения этого элемента высказывания. Именно в этом случае переводчик смог усомниться в том, что правильно

расслышал эту часть высказывания и попросил о повторе последнего предложения на ИЯ. После повторного воспроизведения лексемы переводчик убедился в том, что идентифицировал перцептему правильно, и сделал вывод, что попросту не знаком со значением данной лексической единицы. Справедливости ради следует отметить, что понятие шве. *igenmentalitet* является индивидуально-авторским словообразованием, не имеющим статуса термина и не зафиксированным в шведских словарях.

В разделе 2.2.1 диссертационного исследования мы обратимся к случаям употребления иноязычной лексики в речи говорящего и рассмотрим примеры того, когда это создает КН на этапе восприятия речи источника сообщения. Но сначала обратим внимание на несколько иной характер употребления иноязычных единиц лексики в следующем примере (17):

(17) *Подсудимый*: после того я зашел / у меня пиво закончилось / я вторую открыл / пришел в балкон

Переводчик: ölet tagit slut / jag gick och hämtade nästa burk / och gick på balkongen / ja

Подсудимый: в это время я вижу уже // ээа / я / пива десять штук было / знаете / уже 4 успела выпить / как выдумаете 4 бутылки **фэм-** / **и-три** пять **и три** пива / как подействует на нее

Переводчик: på den tiden / på den stunden märkte jag / att jag köpte 10 / men / 4 burkar var kvar / så / ä / 4 было осталось / или [4]

Подсудимый: [4 она] выпила / а да / 4 остался / но // 2 / я взял / 4 она выпила

Переводчик: det fanns / 4 kvar // och jag druckit 2 / så det innebär att hon druckit 4 // ä / och kan / kan ni tänka er att / **ölen 5,3 procent** / hur / man / hur påverkad blir man / efter 4 öl

В реплике подсудимого присутствует словосочетание рус. *фэм и три пять и три*, которое вызывает трудности при переводе. Как было отмечено выше, при отсутствии соответствия на ИЯ переводчик обращается к банку перцептем на ПЯ. «Инородный» формант словосочетания – лексема рус. *фэм* – заимствована из

шведского языка, однако неясно то, в какой связи она находится с другими элементами этого словосочетания. Поскольку даже лексема рус. *три* может быть звукоизмененным заимствованием из шведского языка и означать шв. *tre* (рус. *три*), то искомой перцептемой может являться шведская грамматическая конструкция шве. *fem i tre*, характерная используется для обозначения времени и переводится как рус. *без пяти три*. В коммуникативной ситуации, о которой идет речь в переводе, это может указывать на то время в течение суток, когда сожительница подсудимого употребляла пиво. С другой стороны, лексический повтор рус. *пять и три* в отрезке речи подсудимого может носить уточняющий характер и указывать на другое значение этого компонента высказывания, а именно – на градус крепости употребленного пива, то есть *5,3% алкоголя* или на количество выпитого напитка, то есть рус. *5 и 3 банки или бутылки*.

Таким образом, в сознании переводчика происходит параллельная активизация следов разных лексем и лексико-синтаксических конструкций, имеющих расхождение в значениях и, тем самым, конкурирующих друг с другом в праве формирования смысла этого словосочетания. Затяжная незаполненная пауза и вокализация паузы шве. // *ä* / перед переводом этого элемента высказывания показывает наличие дополнительных ментальных процессов в голове переводчика, которые необходимы для идентификации перцептемы и расшифровки ее значения. Эти процессы проходят не только непосредственно до вербализации перевода, но и после нее, на что указывает особый маркер – прерванная конструкция шве. *hur / man / hur påverkad blir man*. Здесь явно задействуется непосредственное лексическое и синтаксическое окружение перцептемы, воспринятые акустико-моторные образы сопоставляются с семантическим потенциалом различных перцептивных комбинаций. В результате этого выбирается наиболее вероятное значение.

Еще один обнаруженный случай КН данного типа (18) свидетельствует о наличии таких ситуаций в переводе, когда переводчик правильно воспринимает звуковую форму переводимой лексической единицы, но не знаком со значением воспринятой лексемы (в отличие от примеров 10, 14 и 15):

(18) *Истица:* эм / мы были / э / в ка- / Л. **была в капе** / последний день / там э / в понедельник

Переводчик: eh / L. var / i / **kap / heter det kap** / [**kapp**] ?

Истица: [да]

Переводчик: på / kapp / sista dagen / mhm

Истица: там ей сказали что // завтра будет авслютнинг

Переводчик: och / där fick hon veta / att det skulle bli en / avslutning dan därpå

Как видно из примера (18), неуверенность переводчика в отношении правильности восприятия сообщения выражается посредством хезитационной паузации, метатекстового комментария в форме вопроса, предположительно направленного к получателю сообщения шве. *heter det kap* ? (хотя задан он был на шведском языке), а также непреднамеренного повтора шве. *kapp*, отражающего вербальный поиск незнакомой переводчику лексемы, здесь – с изменением характера гласного и согласного в корне слова (сравни шве. *kap* и *kapp*).

Следующий пример (19) отчасти схож с рассмотренными выше случаями, когда переводчик не знаком со значением перцептемы, однако здесь присутствует существенная разница – на первом этапе распознавания означающего (материальной оболочки знака) трудностей не возникает, а появляются они на втором этапе – этапе соотнесения перцептемы и означиваемого. Другими словами, переводчик не сомневается в том, что он услышал, правильно ли он соотнес акустико-моторные образы с воспринятым потоком звуков, правильную ли базу перцептем он использовал для анализа поступивших нейрофизиологических сигналов. Переводчик не проходит несколько этапов поиска соотнесенности между реальной и «виртуальной» перцептемами, а довольно быстро определяет воспринятую перцептему как новый для него элемент. Рассмотрим на примере:

(19) *Истица:* и / она мне сказала / мама я не хочу идти туда [...] она говорит / я боюсь

Переводчик: så sa hon till mig / mamma / jag har inte lust att gå dit [...] hon svarade / jag är rädd

Истица: она говорит э // они мне сказали что они не **тусспеларе** но- / М. / М. Шнуз она не тусспеларе / и из-за этого она может / что-то [сказать вот]

Переводчик: **[что такое] тусспеларе ?**

Истица: ну э / что / они э / не- / не разглашают тайны

Переводчик: **aha // ehm / nmh // еще раз**

[...]

Переводчик: еще раз скажите / что такое **түсспеларе?**

Истица: это / это / когда / персонал молчит / и **[не говорит]**

Переводчик: **[не разглашает]**

Истица: да во / не разглашает тайны

Переводчик: det / är / personalen som har / **tystnadsplikt**

Истица использует лексему рус. *тусспеларе*, которая по своей звуковой форме, а именно благодаря созвучию с одним из наиболее продуктивных шведских словообразовательных суффиксов шве. *-аре* со значением деятеля, напоминает какое-то шведское слово, т.е. растормаживает следы схожих лексем. Однако это заимствование настолько фонетически и семантически далеко от оригинала, что переводчик мгновенно исключает возможность его соответствия какому-либо элементу в банке перцептем на ПЯ, принимая, таким образом, настоящую звуковую форму как данную. В связи с вышеизложенным, единственным способом узнать значение этого окказионального акустико-моторного прообраза представляется уточнение у самого автора сообщения.

Перцептирование окказионального компонента высказывания, когда воспринятое акустико-моторное представление не имеет фиксированного значения в сознании переводчика, возможно также без возникновения КН. Обратим внимание на то, что пример (15) является проспективным фрагментом судебного диалога по отношению к примеру (19). Выяснив значение *перцептемы*₁ (рус. *тусспеларе*) в контексте ИТ в ходе фрагмента диалога (19), переводчик

пополнил свой банк перцептом новой формантой. Как показывает пример (15), дальнейшее использование истицей схожих по звучанию *перцептеме*₁ окказиональных *перцептемы*₂ (рус. *тюстаспликт*) и *перцептемы*₃ (рус. *тюстаспрок*), не привело в КН в виду расторможения смежных моторно-акустических прообразов в мозгу переводчика и соотнесения всех окказиональных перцептом (1, 2 и 3) со значением₁ шве. *tystnadsplikt*, рус. *расписка о соблюдении служебной тайны*. Как в примере (15), так и в следующем примере (20) важную роль играют *контекстуальные предпосылки*, которые подготавливают почву для перцептирования последующих незнакомых переводчику компонентов высказывания, например:

(20) *Адвокат* jag läser från // polisanmälan då // kärandes bevisuppgift /
отв.: målsägande / har vid ett tillfälle med våld / blivit nedförd i
källaren / av gärningsmannen

Переводчик: хорошо / прочитаю тогда / из полицейского заявления / это
исходит от доказательства истца / что потерпевший / в
течение какого-то времени / насильно / был / приведен / вниз
в подвал

Истица: [...] / это случилось // с ней [...] / папа / разозлился то что он /
не убирает игрушки / что Л. не убирает игрушки / иээ / взял
ее и положил в **шэраллар** / и // выключил свет

Переводчик: ja [...] för / pappa hade blivit arg på / L. / att hon inte plockar upp
/ eh / leksakerna // eh / efter sig / och / därför så hade han // eh /
tagit ner henne i **källaren** / och stängt in henne där och sen /
släckt ljuset

В данном транскрипте (20) показано, как переводчик в соответствии с контекстом «восстанавливает» лексему шве. *källare* со значением рус. *подвал*, тогда как ее распознавание по исключительно звуковой форме рус. *шэраллар* не представляется возможным ввиду сильного отклонения от нормы произнесения на шведском языке. Другими словами, конситуативные предпосылки предстоящего упоминания лексемы рус. *подвал* в каком-либо материальном

воплощении (т.е. звуковой форме) подготовили переводчика к восприятию видоизменного акустико-моторного сигнала рус. *шэраллар* и предотвратили возникновение КН. Таким образом, контекст предметной ситуации, а также дискурс-контекст влияют на возникновение и предотвращение КН.

КН на этапе восприятия речи отправителя не всегда возникает в случае нарушения соотнесения материальной оболочки знака с его акустико-моторными прообразами и соответствующими значениями в сознании переводчика. В исследуемом материале зафиксированы случаи (21), когда КН, скорее всего, имеет другое объяснение:

(21) *Истица:* и // э-у-эм / я не знаю о чем они там говорили **без родителей**
/ это было

Переводчик: jag vet inte / vad de pratade om // där / **это было без ?**

Истица: без родителей [сначала да]

Переводчик: [**без родителей**] / det hände // utan / föräldrar / från början

Сложно представить себе, что переводчик не знаком со словом рус. *родители*, и акт соотнесения услышанной лексемы с акустико-моторным образованием в его сознании не увенчался успехом по причине отсутствия такого акустико-моторного прообраза. Не более вероятен и тот факт, что переводчик неправильно «опознал» перцептему и, обнаружив смысловое несоответствие «ложного» компонента в ряду элементов стройного смыслового единства, попросил повторить «проблемную» единицу. Поскольку переводчик перевел все предшествующие элементы высказывания, прежде чем обратиться с уточняющим вопросом к истице, делаем следующий вывод. Переводчик либо не расслышал слово (ошибка на сенсорном уровне) и принял решение вернуться к нему после перевода всего отрезка речи, либо сделал сознательный выбор прервать реплику истицы с тем, чтобы она не перешла в монолог, и после перевода предшествующей части высказывания, вернулся к следующему «отрезку» речи. Таким образом, КН сформировалась не в процессе перцептивного декодирования, а в комбинации с техникой управления переводным дискурсом, к которой прибег

переводчик для сохранения точности и очередности реплик [т.н. координирующая роль переводчика, см. Wadensjö; Hale; Davidson; Пшёнкина; Licorpe, Veyrier и др.].

Другой интересный аспект в данном примере иллюстрирует механизм внутренней речи. Мы можем сделать предположение о том, что переводчик производит артикуляционную репродукцию слушаемого сообщения, в этом случае – фрагментарно, фокусируясь лишь на искомой лексеме – *[без родителей]*. Такой частичный повтор реплики говорящего можно рассматривать как показатель мыслительных затруднений, связанных, скорее всего, с синтаксическими аспектами связи ретроспективной реплики с новой информацией в структурной организации речи. Суть дела здесь «не в самом по себе артикуляционном воспроизведении слушаемой речи, а в усиливаемой таким образом фонематической и семантической организации воспринимаемого потока речевых звуков, его анализе, обобщении и фиксировании» [Соколов 1968: 21-22].

Следующий пример (22) показывает различие между ИТ и ПТ, налицо здесь ошибка в переводе даты – *28 февраля 2017 года*, которая в переводе была передана как *22 февраля 2017 года*:

(22) *Прокурор:* det finns ju en dom / på dig / där du då / fick det här / utvisningsbeslutet

Переводчик: то есть / есть решение // и тогда вот и / вынесено было решение тоже о выдворении вас из страны

Прокурор: och det meddelades den **28** februari 2017

Переводчик: **22** февраля 2017 года было оглашено это решение

Прокурор: förstod du / vad det innebar ?

Переводчик: а Вы / поняли / что / означало это решение?

Конечно, умозрительно крайне сложно точно определить то, на каком этапе сформировалась эта ошибка. Так, не проводя нейрофизиологических замеров электрической активности мозга или гортани в момент совершения перевода, не представляется возможным установить, было ли это ввиду нарушения целостности восприятия сообщения, т.е. сработал ли механизм активации «следов схожих лексем» на уровне перцептики и привел ли он к неверному пониманию

оригинального сообщения. Цифры и числа (т.н. прецизионная информация) часто представляют собой источник ошибок, возможно, потому что они не связаны с какой-либо концептуальной репрезентацией (образностью), их невозможно предвидеть и их сложно визуально представить [Seeber 2015: 85; Жаркова 2012: 34]. Ошибка могла возникнуть на этапе воспроизведения перевода. Опираясь на выводы А.Н.Соколова о том, что внутренняя речь «при максимальной занятости речевых органов посторонней артикуляцией, <...> неизбежно в таких условиях может быть только очень фрагментарной» [Соколов 1968: 21], отметим, что она функционирует благодаря наличию больших семантических комплексов, которые в сознании выражаются незначительными намеками речи, а при вербализации разворачиваются в полноценные словесные конструкции. Краткость выражения семантических комплексов во внутренней речи позволяет их выделение, сравнение, обобщение в плоскости мыслительной деятельности говорящего, что может происходить параллельно разворачиванию устной и письменной речи. Это свойство внутренней речи создает иллюзию того, что «мысль опережает речь в своем течении, что мысль предшествует словам» [Там же].

В применении к примеру (22) высказывание ученого представляется актуальным на следующем основании. Поскольку разворачивание вербальной речи происходит сравнительно медленно, она может отставать от внутренней речи, что требует от переводчика контроль за ее актуализацией в коммуникативном пространстве, т.е. артикуляцией. В то время, когда ресурсы головного мозга направлены на одновременное выполнение других операций, например, слушания и осмысления речи отправителя сообщения, как в данном случае, озвучение внутренней речи переводчика может пройти ошибочно, что не обязательно должно служить показателем неправильного понимания оригинала сообщения. Другими словами, возможно, переводчик намеревался сказать *28 февраля 2017 года*, но его ресурсов в момент озвучения внутренней речи могло не хватить для совершения контроля за правильным произнесением цифровой комбинации, и потому в сообщении на ПЯ это отразилось как ошибочное *22 февраля 2017 года*.

Приведем пример того, когда переводчик как раз правильно воспринял и осмыслил отрезок дискурса на ИЯ (23), но выбрал неверную лексическую реализацию понятия рус. *ручная кладь*:

(23) *Подсудимый*: то есть у меня не было багажа с собой / была только **ручная кладь**

Переводчик: ää / jag hade inget bagage med mig / jag hade bara / **handgepäck**

Подсудимый: и если бы я купил / [купил]

Переводчик: [**handbagage**]

В отличие от предыдущего примера (22) здесь сработал механизм «вторичного перцептирования», то есть процесс само-аудирования переводчиком. Услышав и проанализировав собственный перевод, он обнаружил, что выбранная лексема нем. *handgepäck* не является эквивалентом на ПЯ, и таким образом, он, как бы вклиниваясь в речь подсудимого, заменяет первоначальный неудачный выбор перевода словосочетания рус. *ручная кладь* немецким соответствием *handgepäck* на шведский эквивалент *handbagage*. Перед нами пример, иллюстрирующий технику автокоррекции перевода, которую переводчик использует в целях предотвращения КН на этапе перцепции сообщения реципиентом перевода.

2.1.5 Типология коммуникативных неудач в перцептивном измерении семиозиса

Практическое изучение перевода устнопорождаемой речи в ходе судебного заседания позволяет сделать следующие выводы. КН могут возникать как на этапе восприятия речи переводчиком (см. 7-19, 21-22), так и на этапе восприятия перевода (23). Причиной возникновения КН может являться:

1) *Нераспознанная речь*. В этом случае переводчик по независящим от него обстоятельствам (акустические помехи, недостаточная громкость

воспроизведения речи) или по собственному выбору (например, в целях регулировки очередности или длины реплик) не фиксирует поступающую перцептему (21). Эти причины находятся в области сенсорного уровня и потому не рассматриваются подробно в данном исследовании.

2) *Возбуждение следов схожих по звучанию компонентов речи.* Сюда относятся схожие по звуковой форме лексемы (омонимия, гетеронимия см. 12-13), совокупности следов, образующих смежные понятия, стереотипизированные связи, обеспечивающие порождение последовательности единиц речи. Происходит неверная идентификация материальной формы знака речи или выбор акустико-моторного образа в сознании реципиента на основе звуковых, а не семантических признаков (см. 7-9).

3) *Невозможность соотнесения фрагмента речи с нейрофизиологическим представлением на ИЯ в сознании переводчика.* При первичной перцепции реципиент не находит перцептем, соответствующих звуковой форме речевого сигнала на ИЯ. В группе КН ввиду дисфункции перцептивного декодирования обнаруживаем ситуации, где искомая перцептема не знакома переводчику (отсутствие личного опыта) и потому не может быть соотнесена с ментальной репрезентацией знака в его сознании, например, при использовании имен собственных и других незнакомых слов (14-15). Сюда же относится использование перцептем, принадлежащих ПЯ (10), поскольку переводчик в первую очередь ведет поиск среди перцептем на ИЯ. В эту группу входят фразовые омонимы (13, 17), отсутствие перцептемы в вокабуляре реципиента (16).

Итак, среди лингвистических причин возникновения КН в плоскости *перцептики речи* выделяем: 1) растормаживание схожих по звучанию, но различных по семантике акустико-моторных прообразов лексем (например, в случаях гетеронимии); 2) перекрестность звуковой формы знака на ИЯ и акустико-моторного прообраза на ПЯ (когда звуковой форме знака на ИЯ соответствует перцептема на ПЯ); 3) фразовая омонимия (требующая переразложения перцептемы и извлечения смысла при опоре на предметную ситуацию, заключенную в синтаксических связях); 4) несоответствие звуковой

формы знака акустико-моторному прообразу (*хузбиль, тусспеларе, шэраллар*); 5) ошибка при вербализации внутренней речи (22), протекающей параллельно процессам слушания, осмысления, понимания, интерпретации высказывания.

Анализ языкового материала позволяет говорить о наличии как минимум трех шагов в поэтапном соотнесении *перцептемы₁* на ИЯ с ее нейropsychологическим представлением (*перцептемы₂*) в мозгу переводчика. Основываясь на умозрительных заключениях, мы выделяем следующие возможные составляющие этого процесса: 1) обращение к «банку перцептем» на ПЯ (7-9); 2) повторное обращение к сообщению ИТ путем невербализованных ментальных операций (10-13); 3) повторное обращение к источнику сообщения посредством уточняющего вопроса (14-15); 4) невозможность соотнесения перцептемы и ее значения в сознании реципиента, отсутствие «личного опыта» (16, 18-19). В последней группе представлены ситуации перевода, в которых реципиент регистрирует новую для себя звуковую форму знака речи и соотносит ее с акустико-моторным представлением, но не знаком со значением знака в виду его окказионального характера. В отношении этого типа КН в устном судебном переводе прослеживается связь перцептики с семантикой. Здесь можно выделить два механизма извлечения значения единицы перевода: 1) повторное обращение к источнику – прямое (16, 18, 19) или косвенное посредством метаязыковых комментариев (12-13); 2) установление значения знака посредством обращения к предметному контексту и обстоятельствам ситуации перевода (20).

2.2 Семантические параметры коммуникативных неудач

2.2.1 Общеупотребительная лексика

Приведем ряд примеров лексико-семантической интерференции (24, 25, 26, 27, 28, 29), которые можно встретить в речи русскоязычного подсудимого,

пострадавшего, истца, ответчика или свидетеля (см также 10, 11, 17, 18, 19, 20 в разделе 2.1). Морфологическое функционирование слов, заимствованных из шве. языка, автоматически адаптируется к правилам рус. языка (например, склонение по падежу и числу), тем временем их появление в отрезке речи может приводить к небольшой заминке или паузе в процессе перевода в виду необходимости дополнительной «дешифровки» семантики употребленной лексемы:

(24) *Подсудимый:* а // до этого / ну / моя дочка / М. постоянно / за- // стиркой / занималась / а так как / э / **стэдой** / стиркой / всегда занималась моя [дочка]

Переводчик: [och] / det ää / det är min M. / så **att städa** och tvätta / det är min M. / min dotter / som tar hand om

(25) *Подсудимый:* и в **оконцовке** я ей ответил / я сказал / иди работай // зарабатывай денежки // покупай билет себе / хватит уже / я тебе уже сколько **рес** оплатил

Переводчик: och då sa jag till henne / а // gå / jobba / а / tjäna pengar själv / och / köp biljett / jag / redan **betalt tillräckligt** för dig

(26) *Подсудимый:* так как она говорит / постель поменяла / не меняла // потому что в постели было // простынь / они забрали / **тветта** **сделали** / потом я попросил когда // ээм [я хотел лечь]

Переводчик: [det som hon] / det som hon sa att bytte sängkläder / så det var inte så / för att de tagit lakan / och **tvättade** lakan / och när jag skulle gå och lägga mig

(27) *Истица:* потом // когда мы туда пришли / Ми и э- / вот **эти персоналы** они разговаривали / отдельно с Л.

Переводчик: eh / alltså **personalen** talade med L. // själva

(28) *Истица:* ну / потом // это **мотэ** прошло / ну мы когда домой пришли / она / начала говорить я все равно / боюсь [...]

Переводчик: ehm // när vi kom hem så / sa han att hon / ändå / fortfarande är / rädd för pappa [...]

(29) *Подсудимый:* у меня есть своя фирма / мы / **сникеристы**

Переводчик: jag är **snickare** / och vi har ett byggföretag

Проведенный сопоставительный анализ языкового материала свидетельствует о том, что вкрапления «шведизмов» не относятся к различиям в концептуальных или понятийных сферах между языками, т.е. не описывают отсутствующие в картине мира носителя русского языка предметы или понятия, а, напротив, называют привычные бытовые действия и факты жизни (*стэд* – рус. *уборка*, *реса* – рус. *поездка*, *билет*, *твэтта* *сделали* – рус. *постирали*, *персоналы* – рус. *персонал*, *сотрудники*, *мотэ* – рус. *встреча*, *собрание*, *сникеристы* – рус. *плотники*). Следовательно, причиной использования иноязычной лексики может являться не только наличие языковых лакун [см. Быкова 2003], но и спонтанность и неподготовленность устной речи подсудимого, т.е. условия резкой нехватки времени, в которых полное осмысление высказывания и выбор соответствующей языковой формы на этапе порождения сентенциального знака отправителем затруднены.

Сопоставительное исследование языкового материала судебной речи и ее перевода показало, что в группу заимствованных слов и выражений, интегрированных в речь русскоязычного отправителя сообщения, зачастую попадают названия предметов быта и обихода (рус. *банкдуса* в значении рус. *банковский электронный ключ*, рус. *ларм* в значении рус. *тревожная кнопка*, *сигнализация*), названия продуктов питания (рус. *щётбуллар* в значении рус. *мясные фрикадельки*, рус. *фулькурн* в значении рус. *цельнозерновой*, рус. *кварьй* в значении рус. *творог*), описание бытовых рутинных действий (рус. *бука тид* в значении рус. *записаться на прием*, рус. *бука твэтт* в значении рус. *забронировать прачечную*, рус. *забукать* в значении рус. *записаться на прием*,

рус. *ансёкать* в значении рус. *подавать заявление*, рус. *поехать на пенделе* в значении рус. *поехать на электричке*, рус. *быть на азыле / подать на азыль* в значении рус. *подать заявление об убежище*, рус. *жить на социале* в значении рус. *обеспечивать себя благодаря социальному пособию*), описание рода деятельности с помощью морфологического калькирования (рус. *работать на стэде* в значении рус. *работать менеджером по уборке*, рус. *работать на бюге* в значении рус. *работать на стройке*, рус. *работать как слесарь* в значении рус. *работать слесарем*), наименование профессий на шведском языке (*мой куратор* в значении *социо-психолог*, *мой хандлэггаре* в значении рус. *ведущий делопроизводитель*). Лексическая интерференция такого рода может вызвать паузы в речи переводчика (см. 24, 25, 26, 27), необходимость уточнения посредством переспроса отправителя сообщения (19) или опущения той семантической нагрузки, которую несет в себе заимствованный компонент в случаях речевой избыточности (28). Межъязыковые заимствования представляют наименьший риск возникновения КН в тех случаях, когда русскоязычный отправитель реферирует к реалиям шведского общественного устройства, например, употребляя названия шведских учреждений (30), (32) при условии разборчивого шведского произношения. Проиллюстрируем это примерами:

(30) *Прокурор:* // och / vad hände med verktygen / de var värda mycket / 500 000 kronor / va / vad hände med de här / sakerna ?

Переводчик: так что произошло с инструментами / там было на сумму больше 500 000 крон

Подсудимый: **Кронофугден** забрала всё

Переводчик: Kronofogden tog allting

(31) *Подсудимый:* в Швеции // я / получил **першунномер**

Переводчик: jag fick ett **personnummer** i Sverige

(32) *Истица:* ну / я об этом // как бы говорила / в **коммуне** тоже / но / а

они / эм аэм / да и / но / и / их просто // был // как бы // как же / сказать правильно

Переводчик: ja // asså / jag hade berättat / eller har sagt dem på **kommunen** / också / men det var bara det att de // asså det var / jag vet inte hur jag ska säga / så att det blev rätt

Представленные в примерах (30, 31, 32) заимствования не вызывают у переводчика затруднений в понимании, который без труда узнает за ними рус. *Государственную службу судебных приставов* (шве. *Kronofogden*), рус. *личный идентификационный номер* (шве. *personnummer*) и рус. *муниципалитет* (шве. *kommun*). Представим еще один пример (33), заслуживающий внимания в связи со сложностью интерпретации смысла одного из его лексических элементов:

(33) *Подсудимый:* ну / с этого и началось / **нервоз**

Переводчик: och då / då började på det sättet / att vi var / var nervösa

Лексема рус. *нервоз*, с одной стороны, может представлять собой окказионализм в виде просторечного варианта слова *невроз*, что предполагает указание на некое психически нестабильное состояние, а с другой – еще один пример вкрапления в русскоязычную речь элемента шведского языка – прилагательного шве. *nervös* со значением рус. *неуверенный, взволнованный*. В виду вариативности толкования этого слова нарушается целостность процесса извлечения смысла всего высказывания. Здесь КН неудача находит свое выражение в лексических повторах шв. *och då / då* (досл. рус. *и тогда / тогда*), шве. *vi var / var* (досл. рус. *мы были / были*), незаконченности сегментов отрезка речи и паузации в речи переводчика.

Рассмотрим еще один пример (34), в котором КН возникла на этапе восприятия оригинала высказывания переводчиком:

(34) *Подсудимый:* и // вот там я /оставил сигареты / потому что я понял / что // мне нельзя покупать / товар / потому что там его могут / у меня на **таможенном контроле**

Переводчик: ää / och där lämna jag sigarett / jag förstog att // ää / att ää / jag

kan inte köpa dethär för att // dem / jag kan bli stoppad i **tull** / ää
/ **tullfiltret** / och och / (man kommer) kommer att / ta ifrån mig

Вопреки тому, что подсудимый говорит рус. *таможенный контроль*, широкий контекст, – покупка алкоголя и сигарет в аэропорту при транзитном перелете с ночевкой в Швеции, – подсказывает переводчику, что речь идет о рус. *контроле безопасности* или рус. *предполетном досмотре*, поскольку ни сигареты, ни алкоголь в том количестве, которое собирался купить подсудимый, таможенному декларированию не подлежат. Таким образом, провоз этого товара мог стать проблематичным только в случае попытки пройти контроль безопасности, при наличии бутылки виски в ручной клади ввиду значительного превышения установленных нормами провоза жидкости в салоне самолета. Такое несоответствие лексической оболочки языкового знака и его предметной соотнесенности ведет к замешательству переводчика, который в свою очередь делает выбор в пользу буквального перевода рус. *таможенный фильтр*, при котором вербальная репрезентация сигнификата не отвечает требованиям узуса и значимости знака, т.к. на шведском языке таможенный контроль называется шве. *tullkontroll* или просто шве. *tull*. Сложно установить, было ли решение переводчика сознательным или он преследовал цель передать формальное несоответствие содержания понятия и его вербального воплощения, чтобы в свою очередь побудить слушателя к переспросу и уточнению смысла. Возможно, такой вариант перевода – это результат дефицита времени при выборе соответствия на шведском языке, активизация полуавтоматических навыков перевода и учет лишь семантики знака при игнорировании отношения знака к самому денотату. Примечательно, что такой выбор переводчика не привел к КН со стороны реципиента-юриста, несмотря на явное несоответствие сигнификативной отнесенности в рамках указанной ситуации.

Представим далее еще несколько примеров (35, 36), в которых широкий контекст и предметная соотнесенность в условиях заданной ситуации общения влияют на выбор лексического соответствия на ПЯ. Следует подчеркнуть, что это выходит за пределы сугубо семантического измерения семиозиса, и приводит нас

к многомерному рассмотрению КН, связанных с конвенциональным значением лексических единиц. В первом случае (пример 35) переводчик прибегает к сопоставлению лексической единицы рус. *магазин* с той ситуацией, о которой рассказывает подсудимый, а именно – с покупкой алкоголя и сигарет в магазине беспошлинной торговли в аэропорту. В шведском языке такому сигнификату соответствует лексическая номинация шве. *butik*, которая является межъязыковым омонимом, но при этом не имеет коннотаций, возникающих при употреблении лексемы рус. *бутик*. Такие различия в значении слов, принадлежащих к одному семантическому полю, затрудняют понимание и передачу сигнификативного значения в режиме устного перевода, так как переводчику необходимо извлекать дополнительную уточняющую информацию из ситуации общения, что может привести к возникновению hesitantных пауз в речи переводчика:

(35) *Подсудимый*: через какое-то время вот я пошел в **магазин**

Переводчик: sen efter ett tag så gick jag till ää / **butiken**

Подсудимый: думал купить ээ / думал купить / виски и / сигареты // тоже

Переводчик: tänkte / köpa whisky / och / cigaretter

Переводчику после заминки (35) удалось «расшифровать» предметную соотнесенность с отделом беспошлинной торговли (рус. *дьюти-фри*) и подобрать наиболее подходящий лексический эквивалент слова рус. *магазин*. Сравним с переводом в примере (8), который был сделан исключительно исходя из семантики языкового знака, а именно его основного значения. Поскольку слово шве. *film* кроме первичного значения рус. *фильм* имеет еще ряд значений, например, рус. *фотоленка* или *кино*, невыполнение анализа с учетом ситуативного компонента для установления значения лексического знака при переводе на ПЯ привело к исчезновению заключенного в нем окказионального смысла (т.е. значения рус. *видео, снятое на мобильный телефон*). В связи с различным расположением знака на ИЯ и ПЯ внутри семантических полей в сопоставляемых языках, его соответствие на ПЯ указывает на другой сигнификат.

Необходимо обратить внимание на то, что на этапе восприятия перевода, при сохранении семантического содержания, слабая рекуррентность лексического

знака на ПЯ лишь в редких случаях приводит к возникновению КН. Изучение собранного языкового материала показало (7), что при обнаружении явлений межъязыковой омонимии ориентация переводчика скорее на звуковое сходство, нежели на семантическую эквивалентность приводит к незначительным для коммуникации стилистическим изменениям, но не мешает восприятию сообщения реципиентом. В контексте судебного дискурса это замечание справедливо для общеупотребительной, но не для юридической лексики.

Так, очевидно, что в примере (7) эквивалентом шве. *draperi* является рус. *занавеска* или *штора*, но, несмотря на это, выбранный переводчиком вариант рус. *драпировка* не приводит к ошибке в предметной соотнесенности, т.е. реципиент перевода думает о том же предмете, который актуализирован в отрезке речи прокурора – *штора в ванной*.

Обратимся к еще одному примеру:

(36) *Адвокат* du kunde se att hon såg orolig ut / på bilderna // och vid vissa
ответчика: tillfällen / skakade hon / så att man hörde hennes // naglar / som
skakade på telefonen eller på / [inredningen]

Переводчик: [вы должны были видеть] / что она испугана на этой записи /
и временами можно даже / э / слушать как э-э / слышать как /
стучат // ногти / эм / когда она делала / эм / эту запись

Истица: это не ногти она в туалете сидела там ээ // э / **туалетный
бачок** / это у нас есть сидела

Переводчик: nej nej / det var inte naglar som var / eh / som / man kunde höra
på / video- / inspelningen / hon satt på / toaletten och det är /
toalettstolen som / man kunde höra

Как видно из приведенного примера (36), вместо того чтобы передать словосочетание рус. *туалетный бачок* с помощью шведского эквивалента *spolcystern*, переводчик ограничилась использованием менее точной лексики шве. *toalettstolen*, которая дословно обозначает рус. *чашу унитаза*. Однако ввиду отсутствия уточняющих вопросов, комментариев или других hesitantных показателей у адвоката и благодаря переходу к следующему вопросу можно

сделать вывод, что такое несоответствие сигнификатов лексических единиц перевода на ИЯ и ПЯ не привело к нарушению коммуникации между участниками дискурса. Таким образом, степень эквивалентности перевода лексических единиц по-разному влияет на возникновение КН в зависимости от того, к какому пласту лексики относится искомая единица перевода.

Пример (23) иллюстрирует технику автокоррекции, которую переводчик использует в целях предотвращения возможной КН на ПЯ. Таким образом, он, как бы вклиниваясь в речь подсудимого, заменяет первоначально неудачный выбор немецкого соответствия нем. *handgepäck* для перевода словосочетания рус. *ручная кладь* на шведский эквивалент шве. *handbagage*.

В ряде случаев КН возникает вследствие типологических различий между ИЯ и ПЯ. В представленном примере (37) переводчик позволяет подсудимому количественно увеличить свою реплику именно с целью понять, идет ли речь о конкретной заранее забронированной гостинице, или просто о любой подходящей гостинице. Как известно, в шведском языке категория определенности выражается посредством употребления артиклей и поэтому отражение определенности или неопределенности имени является неизбежным компонентом перевода высказывания на шведский язык. Из дополнительной информации о раннем вылете в Германию переводчик делает предположение, что подсудимый говорит о какой-то абстрактной гостинице, подтверждает свое понимание «мычанием», а также прерывает реплику подсудимого и переходит к переводу:

(37) *Подсудимый:* м-вот мы пошли / мы пошли / ну в бар

Переводчик: ää / vi gick ää / först till / en bar

Подсудимый: выпить по пиву и / я должен был / найти **гостиницу** / которая / находится близко к аэропорту / чтобы / у нас / вылет в Германию был в восемь часов утра

Переводчик: mm

Переводчик: och / vi skulle ta en öl / och ääm / och jag skulle då hitta **nåt hotell** / som fanns i närheten av flygplatsen / ää / för att vi skulle

/ ää / ää / flyga iväg / ää / dan därpå / tidigt / på morgonen vid
åtta-tiden till / ää till / Tyskland !

Итак, КН при переводе общеупотребительной лексики может возникнуть скорее на этапе восприятия сообщения переводчиком, нежели реципиентом перевода. Объяснение этому можно найти в том, что в обязанности переводчика входит перевод всего того, что сказано отправителем сообщения (в свете нормативно-правовых аспектов устного перевода в суде, см. раздел 1.3.4). Потому переводчик не вправе опустить непонятные для него элементы высказывания. У реципиента перевода, в отличие от переводчика, есть выбор – в том случае, если что-то становится ему непонятным (т.е. при возникновении КН), он может попросить уточнение или проигнорировать «проблемную» часть сообщения.

Как видно из вышеприведенных примеров (7, 23, 34, 36) не только некоторые небольшие недочеты, но иногда даже существенные лексические расхождения между оригиналом и текстом перевода могут не привести к возникновению КН. Заметим, однако, что нам сложно судить, во всех ли случаях коммуникация действительно была успешна или мы просто не обнаружили признаков ее нарушения. Толкование значения общеупотребительной лексики во многом зависит от понимания ее связей с другими измерениями семиозиса, в первую очередь с синтактикой.

2.2.2 Юридическая терминология

Разница в когнитивном багаже субъекта-юриста и субъекта-неюриста проявляется также в реакции на использование специальной юридической терминологии. К типичным случаям подвижности лексического значения в рамках разных правовых терминосистем относятся явления омонимии и полисемии. Обратимся к примеру (38):

(38) *Адвокат* jag läser från // polisanmälan då // kändes bevisuppgift /

ответчика: målsägande / har vid ett tillfälle **med våld** / blivit nedförd i källaren / av gärningsmannen

Переводчик: хорошо / прочитаю тогда / из полицейского заявления / это исходит от доказательства истца / что потерпевший / в течение какого-то времени / **насильно** / был / приведен / вниз в подвал

Новый большой шведско-русский словарь под редакцией У. Биргегорд предлагает следующий перевод шведского словосочетания шве. *med våld*: рус. *насильно, принудительно*. В повседневной речи выражение шве. *med våld* действительно может иметь более широкое и неопределённое толкование, указывая на то, что *какое-то действие совершается без согласия, против воли, возможно с применением насилия или угроз*. В таком контексте перевод посредством полисемантического эквивалента рус. *насильно*, имеющего обобщенное значение *против чьей-либо воли или желания* и более узкое значение рус. *силой*, не искажает смысл высказывания. Однако в ходе судебного заседания по вопросу права опеки над ребенком предлагается иная конситуация, которая должна найти соответствующее отражение в переводе. Поскольку заявление в полицию, в котором употреблено это терминологическое сочетание, является основанием для возбуждения уголовного преследования, то описанные в документе действия должны соответствовать признакам злодеяния, указанным в разделе классификации преступлений, т.е. составу преступления [4 кап. 4 § RB]. Вернемся к вопросу о юридической терминологии в контексте терминосистем (см. раздел 1.3.3). В тексте шведского закона понятия *против воли / насильно* и (*неправомерное*) *принуждение* находятся в гиперо-гипонимических отношениях с понятием *с применением физической силы*. В такой конфигурации они переводятся соответственно шве. *med tvång* и (*olaga*) *tvång*, а рус. *применение физической силы* выражается на шведском посредством термина *med våld*. Таким образом, с точки зрения суперординации в терминосистеме уголовного права, использованный переводчиком термин рус. *насильно* должен соответствовать шведскому гиперониму *med tvång*, а выражение шве. *med våld* на правах гипонима должно

переводиться понятием с более узким значением, указывающим на применение физической силы, т. к. оно называет не преступление, а лишь его признак. В связи с вышеизложенным, гораздо более точным эквивалентом в данном контексте представляется терминологическое сочетание рус. *с применением насилия*, предложенное в специализированном лексиконе Е.Ривелиса «Шведско-русский словарь-справочник: право, администрация, экономика». Так уж ли важно проводить различие между понятиями шве. *med tvång* и *med våld*? На наш взгляд, крайне важно, поскольку коммуникант, не владеющий шведским языком, должен иметь право возразить против тех обстоятельств, с которыми он не согласен. Именно это конституирует право на справедливое судебное слушание [art 6 ECHR] и именно поэтому на национальные суды в странах ЕС налагается ответственность в отношении контроля качества перевода (см. подробнее раздел 1.3.4). Следовательно, в приведенном примере была допущена неточность в отношении перевода юридической терминологии, которая могла послужить причиной возникновения КН. Почему же КН в данном случае не возникла? В семическом акте на этапе восприятия сообщения субъектом-юристом такая осечка в переводе, скорее всего, была бы замечена. Однако поскольку адресатом перевода был субъект-неюрист, не имеющий глубоких правовых познаний, ошибка не была обнаружена и никакой реакции не последовало. Напрашивается вывод: правильный перевод многозначных юридических терминов предполагает ориентацию переводчика на широкий контекст, его осведомленность о конституции, точное определение позиции термина в рамках актуальной терминосистемы, учет фактора дискурсивного сообщества реципиента (субъект-юрист / субъект-неюрист) и понимание ситуации перевода *в режиме реального времени*.

Вместе с тем прослеживается строгая зависимость между знанием семантики лексических единиц, толкованием смысла и выполнением качественного перевода. Более того, большую роль в контексте возникновения КН, связанных с семантическим аспектом юридической терминологии, играет

принадлежность реципиента к «юридическому экспертному сообществу» или его невключенность в дискурс данного экспертного сообщества.

Напомним, что термины, синонимичные в одной области права, могут расходиться по значению в терминосистеме другой отрасли права:

- *fastighet*: 1) земельный участок, земельная собственность; 2) недвижимое имущество, недвижимость, объект недвижимости; 3) здание, строение, дом.
- *övergrepp*: 1) противоправные (незаконные) действия, нарушение чьих-л. прав, посягательство на чьи-л. права; 2) насилие, принуждение, понуждение; 3) злоупотребление.
- *övergrepp i rättssak*: 1) нарушение запрета или распоряжения органа власти; 2) незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого аресту, описи или изъятию.
- *förberedelse*: 1) (уг.) приготовление к преступлению; 2) (гр.) досудебная подготовка, предпроцесс, досудебное слушание.

Использование специальной юридической терминологии помогает увеличить плотность информации в тексте, а также погружает субъекта-юриста в совершенно иное, отличающееся от обыденного русло интерпретации и понимания элементов правового поля. К примеру, для большинства обвиняемых неясно значение терминологических сочетаний шве. *åklagaren ger in stämningsansökan* (рус. прокурор передает обвинительное заключение) или шве. *rätten utfärdar stämning* (рус. суд принимает к производству исковое заявление) [SOU 2013:17]. Но даже среди юристов бытуют разночтения в отношении часто употребляемого термина шве. *stämning*: иногда он используется для обозначения рус. обвинительного заключения, иногда для указания на рус. предписание суда о дополнении материалов дела, иногда им называют рус. гражданский иск [ср. Ekelöf 2011: 23].

В связи с этим отметим, что особенностью любого языка права является его органическая связь с соответствующей национальной правовой системой. Известно, что изучение иностранного языка для юриста означает одновременное ознакомление с другой системой права, политико-правовой структурой общества

и его идеологией. Юридическая лексика лучше всего отражает изменения социально-политической жизни каждого общества, связывая культуру, национальный язык и систему функционирования права и правовых институтов [Баринава 2012]. Вместе с тем, при наличии однозначных терминологических соответствий в ИЯ и ПЯ, даже опытный переводчик не всегда в состоянии осуществить верное толкование юридического текста и подобрать подходящий по смыслу эквивалент, что также может спровоцировать возникновение КН. В качестве примера обратимся к реплике адвоката защиты, ссылающегося на наличие особых обстоятельств в деле о применении необходимой обороны (39):

(39) *Адвокат* Hovrätten / har då att pröva om omständigheterna var sådana / att *защиты*: NN / svärligen kunde besinna sig och att åtalet / därför ska ogillas // på grund av / så kallad **nödvärmsexcess** enligt / 24 kapitel 6 pragarefen Brottsbalken

Согласно упомянутой выше структурно-семантической классификации терминов, представленная в примере лексема шве. *nödvärmsexcess* относится к сложному двухкомпонентному термину, образованному посредством субстантивной притяжательной конструкции. Алгоритм перевода подобных конструкций со шведского языка на русский предполагает: определение частеречной и функционально-стилевой принадлежности термина; выделение определяемого слова и анализ смысловых связей между элементами термина; перевод сначала определяемого слова, а затем подбор соответствия второму компоненту. Следуя алгоритму, выясняем, что в качестве определяемого слова в приведенном примере используется лексическая единица шве. *excess* (рус. *эксцесс*, *невоздержанность*), а в качестве определения композитное образование шве. *nödvärm* (рус. *необходимая оборона*). В качестве средства для передачи семантико-синтаксических отношений между компонентами термина в шведском языке выступает притяжательный суффикс *-s*, а в русском языке ему соответствует родительный падеж. Итак, на русском языке получаем эквивалент рус. *превышение пределов необходимой обороны* или *эксцесс необходимой обороны*. Действительно, в российском законодательстве также существует искомый

термин, который функционирует в соответствующей области права. Однако, согласно российскому законодательству, классификация действий в качестве рус. *превышения пределов необходимой обороны* указывает на то, что они не считаются правомерными (см. например, в силу статьи 108 УК РФ «убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны <...> наказывается <...>») и, следовательно, что нет оснований снимать с подсудимого ответственность за совершенные действия. Однако анализ не только семантики искомого юридического термина, но и его соотнесенности с другими компонентами высказывания, – т.е. синтаксическим окружением, – требует рассмотрения альтернативного плана содержания данного термина на шведском языке, а именно указание на *снятие обвинения* (шве. *åtalet / därför ska ogillas*) в связи заключенным в термине значением – *превышение пределов необходимой обороны*, позволяет сделать вывод о том, что в шведской юридической практике этот термин используется именно с положительной коннотацией. Тот факт, что заключенное в термине значение может быть использовано в качестве оснований для освобождения от уголовной ответственности указывает на то, что он используется исключительно для обозначения *правомерности* превышения пределов самообороны [24 кар 6 § BrB]. В итоге, во избежание КН перевод данного термина требует уточнения плана содержания в форме лексического дополнения: рус. *правомерное превышение пределов необходимой самообороны*. Отметим, что план содержания удалось установить благодаря рассмотрению ближайшего окружения лексемы, т.е. синтагматических связей в синтаксической плоскости семиозиса.

Особенно яркое выражение эта терминологическая дихотомия находит в случае несовпадения интенций процессуальных оппонентов. Приведем пример того (40), как в течение длительного допроса в зале суда (10 минут) подсудимый использует терминологические расхождения для того, чтобы провести «границу» между своими фактическими действиями и определением этих действий в качестве преступных. Реализуемый им иллюкутивный акт направлен на то, чтобы предложить альтернативную трактовку совершенных им действий, представить их как логически допустимые. Он хочет убедить оппонентов в том, что

документы не могут быть «фальшивыми», а действия – противоправными, поскольку он просто *пользовался* личными данными, и у него были на то свои основания. Коммуникативная цель, преследуемая ведущим допрос прокурором, – это констатирование факта совершения подсудимым незаконных действий, описанных в статье соответствующей «Представлению ложных сведений для получения документа, удостоверяющего личность» [15 кар. 12 § BrB; ст. 19.18 КОАП]. В транскрипте приведены только ключевые реплики десятиминутного диалога процессуальных оппонентов и их перевод:

(40) *Прокурор:* du / eh / **S.B.** är det en **falsk identitet** ?

Переводчик 1: С.Б. / это / **вымышленная ложная // информация по имени и фамилии?**

Подсудимый: э / на счет этих данных / **я не знаю насколько они вымышленные или ложные** / но // вот Скаттеверкет (*Управление Налоговой Службы Швеции – прим. А.Ф.*)/ э / считает / что это так

Переводчик 2: ja / angående de här uppgift- / namnuppgifterna så vet jag inte riktigt / om de är falska eller påhittade men / Skatteverket har kommit fram till den slutsatsen i alla fall

Прокурор: är du / **S.B.**?

Переводчик 1: это **Вы С.Б.**?

Подсудимый: // // ээ / **нет** / **я П.М.** // но / когда-то / у меня были данные на // **С.Б.**

Переводчик 2: nej jag är P.M. / men [en gång i-]

Прокурор: [har du ff-]

Переводчик 2: [- tiden] // m / så har jag / använt mig av de här namnuppgifterna // eh / S.B.

Прокурор: du har använt dig av det här / hur har du använt dig / utav det // i Sverige ?

Переводчик 1: eh / в Швеции // каким образом / **Вы пользовались** / этим

именем и фамилией?

Подсудимый: аа // в Швеции // ахм / я / **получил першунномер** /

Переводчик 2: jag fick ett personnummer / i Sverige

Прокурор: ja // hur bar du dig åt för att få det här personnummret?

Переводчик 1: что **Вы сделали** / **чтобы получить** вот этот / э / личный / гражданский номер персональный?

[...]

Подсудимый: [...] я никаких **шагов не предпринимал**

Переводчик 2: [...] men jag har / i alla fall inte gjort / något // aktivt

Прокурор: din advokat sa igår / i sin sakframställan att du hade skaffat ett pass / ett pass i det här / identiteten / S. B.

Переводчик 1: аа / Ваш адвокат / не далее чем вчера / сообщил / суду что // Вы даже / э // **на имя С.Б. / сделали себе паспорт?**

[...]

Прокурор: så du går till svenska myndighet / och identite- / indertifierar dig som / **falsk identitet** / som S. B. / för att få // id-kort i det här / namnet i Sverige

Переводчик 1: то есть Вы обращаетесь / в шведский государственный орган / ээ // предъявляя **фальсифицированный документ** по которому Вы / э / **в котором Вы себя называете С.Б.** // и получаете / полновесное полноценное / шведское удостоверение // правильно я понимаю?

Подсудимый: э / да я **предъявляю паспорт** / ээ // **не зная что он фальшивый** / и мне дают нааэ // шведское айди // настоящее / и тогда у меня как бы сомнений вообще / не возникает / воэ / в подлинности этого паспорта документа

Прокурор: om passet säger / att du heter / S.B. // är det äkta då menar du ?

Переводчик 1: то есть / по паспортным данным / по этому паспорту / Вы С.Б. / и Вы утверждаете / что это **не фальшивый**

паспорт?

Подсудимый: ээ // я щас ничего не утверждаю // но / когда **я эти документы делал** / то как бы мне там **не говорили** / что **они там фальшивые или не фальшивые** и как бы // когда я получил этот / э / першунномер // то // я как бы / у / меня появилась какая-то уверенность / что // как бы эти документы / более менее реальные / какие-то

[...]

Прокурор: jag förstår inte riktigt // du är ju / P.M. // eller hur ?

Переводчик 1: я не понимаю ход ваших мыслей // **Вы же / П.М.** // не так ли?

Подсудимый: да / **но мне нужны были** какие-то документы / **чтоб тут / нормально работать** / и / как бы / каку- какую-то / э / вести более менее / ээ / жизнь / нормальную // потому что / по белорусским документам я не- / не мог этого всего сделать / э / вообще ничего

[...]

Прокурор: så det här / S. B. / det är inte du då asså // eller är det du ?

Переводчик 1: **личность** / по имени **С.Б.** / это // **не Вы?**

Подсудимый: // // а я // не очень понимаю его вопрос // эхм // личность / С.Б. / **я пользовался этой личностью**

Переводчик 2: frågan är lite oklar för mig / asså / jag har / ja // jag har / använt mig / av / namnuppgifterna / S.B.

Прокурор: så det här / id-kortet som / du identifierar dig / som du får från / Skatteverket som S. / B. / det är alltså // falskt id-kort / det är inte du / du heter / P.M. egentligen

Переводчик 1: так / давайте вернемся // значит те **документы** / которые вы получили **на основании / вымышленного имени С.Б.** // они / **тоже фальшивые получается** / потому что / **Вы /**

на самом деле / П.М. / а вовсе не этот человек // так можно рассматривать это?

Подсудимый: **да** / можно и так рассматривать

В транскрипте (40) наше внимание привлекает перевод словосочетания шве. *falsk identitet*, которое в зависимости от конфигурации предложения по-разному обыгрывается переводчиком на русский язык (Переводчик 1), например: рус. *вымышленная, ложная информация по имени и фамилии, фальсифицированный документ, в котором Вы себя называете С.Б., «личность С.Б.– это не Вы, вымышленное имя.* В то же время подсудимый последовательно избегает ответа на вопрос о том, являются ли личные данные ложными, а документы – фальшивыми, например, употребляя следующие фразы: *я не знаю насколько они вымышленные или ложные, у меня были данные на С.Б., я предъявляю паспорт / ээ // не зная что он фальшивый, я эти документы делал / <...> но мне не говорили // что они там фальшивые или не фальшивые, я пользовался этой личностью.* Такая манера подсудимого усложняет работу переводчика, поскольку цель прокурора – подтвердить свое утверждение, то есть услышать аналогичный юридический термин на шведском языке, а этого не происходит. Отсюда – отсутствие предполагаемого перлокутивного эффекта, т.е. КН. Приведенный пример (40) иллюстрирует не только особую семантическую нагрузку юридического термина, но и то, как прагматическое измерение семиозиса влияет на возможность переводчика произвести перевод соответствующим юридическим понятием (подробнее о прагматике в разделе 2.4).

Особое внимание в контексте факторов, усложняющих устный перевод и порождающих КН на этапе восприятия перевода юридической лексики реципиентом, следует уделить случаям «терминологических коллизий» [Некрасова 2013: 20]. Высокий риск «столкновения» разных вариантов перевода одного и того же исходного термина прослеживается в ситуациях, когда после установленного в процессе устного перевода контекстуального лексического соответствия, этот же термин встречается в ином вербальном воплощении в каком-то из приобщенных к материалам дела документе. Другой причиной

возникновения КН, связанного с интерпретацией одного и того же термина может стать смена переводчика, и, тем самым, построение новых контекстуальных соответствий, что может привести к использованию иного варианта перевода. Главным образом это влияет на перевод лексем ИЯ, для которых нет однозначного соответствия в ПЯ, т.е. при наличии лексических лакун (см. 45).

Терминологическое разночтение, как уже отмечалось выше, может иметь решающее значение, если реципиентом перевода является субъект-юрист, поскольку оно может расцениваться как признак несоответствия первоначальным показаниям и указывать на «изменчивый» характер повествования. Примером подобной коллизии является содержание российского понятия рус. *предпринимательская деятельность*, которое в разные моменты судебного заседания двумя разными переводчиками было отражено и как шве. *affärsverksamhet* (рус. *коммерческая деятельность*), и как шве. *näringsverksamhet* (рус. *предпринимательская деятельность*), в обыденной речи выполняющих роль синонимов на шведском языке. Однако в процессе установления обстоятельств дела государственный обвинитель придал особую весомость терминологическому расхождению в описании одного и того же вида деятельности, что привело к КН. По-видимому, прокурор в своих выводах опирался на возможность различия в объеме значения терминов: шве. *affärsverksamhet* указывает на «получение прибыли» как ключевой элемент деятельности, тогда как шве. *näringsverksamhet* понимается более широко и может также реферировать к экономической или хозяйственной деятельности, «связанной с пользованием имуществом, продажей товаров, выполнением работ или оказанием услуг, как направленной на систематическое получение прибыли, *так и не имеющей такой цели*» (выделение наше – А.Ф.) [Валиева, Ибрагимов 2013:URL]. К слову, вопрос о соотношении юридического определения понятий «*экономическая деятельность – хозяйственная деятельность – предпринимательская деятельность – коммерческая деятельность*» в современных условиях развития российского общества является не менее сложным [см. Валиева, Ибрагимов 2013].

Сопоставительный анализ представленного материала позволяет сделать вывод, что результат коммуникации при переводе юридической лексики во многом зависит от того, кто из субъектов юридического дискурса является реципиентом перевода. Особую значимость юридическая лексика имеет для субъектов-юристов, при этом именно они располагают необходимыми фоновыми знаниями для правильного раскрытия содержания юридических понятий и потому более внимательны к терминологическим разночтениям, возникающим в процессе перевода. Тем самым, юридическая терминология и общеупотребительная лексика в контексте устного перевода судебного дискурса требуют от переводчика специальных предметных знаний и регулярного пост-переводческого анализа на протяжении всего перевода в целях мониторинга возникновения КН, в основе которых лежат феномены семантического сдвига или лексической полисемии.

Проведенные наблюдения дают основания утверждать, что перевод юридических терминов всегда находится в «зоне риска» возникновения КН, даже в тех случаях, когда у термина на ИЯ, казалось бы, есть однозначное соответствие на ПЯ (см. про *превышение пределов необходимой обороны*). Другим примером может служить соотношение взаимозаменяемых понятий, которые в некоторых областях юриспруденции перестают быть синонимами и приобретают дифференциальные признаки (см. пример про *предпринимательскую деятельность*). Не имея узкоспециального юридического образования и практики работы в этой области права, даже опытному переводчику будет не под силу распознать наличие дифференциальных признаков у искомого термина в ходе устной судебной коммуникации. Очевидно, что как можно более точная передача плана содержания является первостепенной задачей при работе с юридической терминологией. Перевод юридической лексики также демонстрирует сильную семантико-денотативную зависимость лексемы от конкретного правового контекста.

2.2.3 Терминология специальных областей знаний

Судебный дискурс представлен не только терминологией в области юриспруденции, в него также часто попадают термины из других областей знаний. Это обусловлено тем, что юридическая терминология является лишь понятийным аппаратом, обслуживающим процессуальную сторону разбирательства, тогда как существо дела может касаться вопросов отнюдь не юридического характера. Оно может быть связано с преступлениями в области экономики, бухгалтерии, нарушением правил дорожного движения, кражей со взломом, подделкой документов, нарушением правил застройки и так далее. Расследование преступлений может потребовать проведения судебно-медицинской экспертизы, а также привлечения экспертов других профессий. Отсюда вытекает, что юридический, – или как частная разновидность, судебный, – дискурс не ограничивается рамками сугубо юридической лексики, типичными для юридического языка синтаксическими конструкциями и нормами общения.

Таким образом, на осуществление качественного перевода влияет не только знание сугубо юридической терминологии, но и владение терминологией, актуальной для того или иного жанра, представленного в многомерной матрице дискурса. Незнание терминов, относящихся к другим профессионально ориентированным дискурсам в переводе, в ходе конкретного слушания может привести к КН, прежде всего на этапе восприятия и осмысления речи переводчиком:

(41) *Подсудимый:* и / так / получается / мы потом подошли к **саморезам** // где саморезы были крюки / были еще эти / веша- вешалки всякие есть / которые вешаются / и мы их начали набирать / и они у нас в краске провалились

Переводчик: och det är / det är // när vi gick runt såhär / som / **tolken måste fråga**

Переводчик: что такое саморезы?

Подсудимый: скровер спикер / гвозди шурупы

Переводчик: aha aha och // skruvar och // bultar och liknande

Так трудности в интерпретации, проиллюстрированные в примере (41), обусловлены новым для переводчика словом рус. *саморезы*. Поскольку инициатор речи не является экспертом-свидетелем, то лексема рус. *саморезы* может с точки зрения переводчика быть идентифицирована либо как разговорное название знакомого переводчику инструмента (в буквальном переводе – *нечто, что само режет*), либо как новый для него технический термин. Таким образом, КН связана с семантикой слова и денотатикой, т.е. актом установления означиваемого этим словом предмета в рамках конситуации. Неуверенность переводчика проявляется посредством лексических повторов в начале реплики, по-видимому, с целью обеспечить дополнительное время для повторного мыслительного восприятия слова и проверки по «ментальному» словарю. Не добившись успеха при расшифровке слова самостоятельно, переводчик пытается уточнить значение лексем у отправителя сообщения, попросив объяснения и предупредив об этом реципиента перевода посредством фразы шве. *tolken måste fråga* (рус. *переводчику необходимо спросить*). Подсудимый в ответ на просьбу об уточнении значения термина рус. *саморезы* предложил ряд других лексем, которые, по-видимому, являются синонимами, когипонимами или гиперонимами по отношению к употребленному термину. Дополнительная сложность заключается в том, что этот ряд «соответствий» открывается двумя заимствованиями из шведского языка, произнесенными в трудно узнаваемой манере. Вследствие такой неопределенности в части характера отношений между искомой лексемой и новыми словами, призванными помочь установить ее значение, переводчику приходится сначала исключить возможность того, что рус. *скровер* и *спикер* являются истинными техническими терминами на русском языке. Далее, установить, что эти лексеммы являются отражением соответствующих шведских терминов шве. *skruvar* и *spikar* (обозначающих рус. *винты* и *гвозди* соответственно), и только потом производить обобщенный

перевод на русский язык. С другой стороны, на стадии восприятия перевода реципиентом КН не возникает, несмотря на описательный перевод, использованный вместо однозначного терминологического соответствия.

Следующий пример (42) иллюстрирует тактику генерализации, примененную переводчиком для решения КН, возникшей на этапе восприятия сообщения переводчиком:

(42) Подсудимый: Мы туда зашли ээ // посмотрели пм-ну / разные // товары // эээм //

Переводчик: Så vi gick in / och tittade på olika varor

Подсудимый: Особо / я рассматривал то шо мне было интересно мм-нн то шо ни // В. уу / было интересно я смотрел // ээ // то шо / мне надо ну например я хотел смотреть ну хотел за то шо // ну вот // разные // **профиля** там / разные того / как бы я занимаюсь / кроме / того шо езжу / водителем / занимаюсь еще // дома // ремонтами

Переводчик: Aa / jag tittade på det som var intressant för mig inte // det som V. Var intresserad om // eem / tittade balnd annat // på / olika **verktyg** som jag behöver // för att / förutom att jag kör // jag sysslar med reparationer också / renoveringar // hemma

В примере (42) можно заметить, что технический термин рус. *профиль* (в значении рус. *металлический профиль для формирования каркаса строения*) в переводе передан гипонимом шве. *verktyg* (рус. *инструмент*). Переводчик правильно определил класс предмета – рус. *профиль*, который, действительно, является разновидностью строительного материала или инструментом для формирования конструкций. Отсюда можно сделать вывод, что сложностей с перцептированием знака речи у переводчика не возникло. Добавим, что *перцептма*₁ рус. *профиль* имеет аналогичный акустико-моторный прообраз на ПЯ – *перцептма*₂ шве. *profil*. Однако, выбор в пользу генерализованного значения *перцептмы*₁ рус. *профиль* связан с: 1) неуверенностью переводчика в значении *перцептмы*₁, соответственно выбрать эквивалент на ПЯ невозможно;

или 2) неуверенностью переводчика в широте значений потенциальных межъязыковых соответствий на ПЯ, т.е. значений *перцептемы*₂, *перцептемы*₃, *перцептемы*₄ и т.д. В отличие от переводчика, у нас есть возможность обратиться к поиску иллюстраций в интернет-магазинах строительных материалов для сопоставления потенциальных вариантов перевода термина рус. *профиль*. Установлено, что среди *потенциальных* соответствий *перцептемы*₁ на ИЯ могут выступать шве. *profil, profilmall, innerväggsprofil, kontur, rätskiva, väggskiva, skena: aluminiumskena, glidskena, löpskena, monteringsskena*. Таким образом, даже при условии извлечения значения₁ из *перцептемы*₁ рус. *профиль*, у переводчика во время перевода в режиме живого времени нет возможности установить *точное* соответствие (*значение_x* из возможных указанных выше альтернатив) техническому термину на ПЯ. КН на этапе восприятия ИТ переводчиком в примере (42) возникает не в перцептивном, а в семантическом измерении семиозиса знака и объясняется незнанием точного значения воспринятой перцептемы или неуверенностью в денотативной отнесенности альтернативных лексических единиц на ПЯ. Заметим, что данный пример иллюстрирует не ошибку в переводе, а выбранную переводчиком тактику перевода посредством генерализации. Лексическая замена на основании гипо-гиперонимических отношений предполагает осознание проблемы выбора эквивалента и намерение переводчика пожертвовать точностью перевода, не покидая семантического поля лексемы.

Обратимся к другой стороне технической терминологии, вызывающей КН:

(43) *Подсудимый*: вот // когда я уже выпил эти <...> / **пятьдесят / грамм** <...> [...]

Подсудимый: [и предста-] вляете / еще дело в чем что / она настаиваться должна только **на / спирте / 70 градусов**

Переводчик: / eh / och poängen här är / att den tillverkas på / **70 % / stark / sprit** // och det är / jag tog en / liten / mnm / drink / så återigen / **50 gram // det blir väl / 5 centiliter / 5 centiliter / ja**

Как показывает фрагмент судебного дискурса (43), в отрывке из длинного судебного диалога (44) встречаются сразу две внесистемные единица измерения – рус. *когда я выпил <...> пятьдесят грамм* и рус. *на спирте 70 градусов*. В русском языке есть устоявшаяся языковая норма, согласно которой о всяком крепком алкоголе (водка, коньяк, виски, джин, ром и т.д.) принято «говорить в граммах» [Глушкова 2009], в то время как в шведском языке используют внесистемную метрическую единицу измерения объема жидкости – литр и его кратные и дольные единицы. Использование разных метрических единиц на ИЯ и ПЯ, не входящих в Международную систему единиц (СИ), вызывает КН на этапе вербализации переводчиком сообщения на ПЯ. Сначала применяется стратегия форенизации [Корнаухова 2011; Коломайнен 2013; Степина, Селифонова 2015]: перевод на шведский шве. *50 gram* сохраняет идиоматичности высказывания на русском языке. Маркером КН выступает последующая вербализация неуверенности переводчика: шве. *det blir väl* (досл. рус. *это будет по меньшей мере / наверное*). Далее переводчик использует стратегию доместикации [Коломайнен 2013; Степина, Селифонова 2015] и переводит количество алкоголя в ту систему мер, которой пользуются в Швеции: шве. *5 centiliter*. Неуверенность переводчика в выборе варианта перевода, а, следовательно, КН, проявляется здесь посредством лексического повтора шве. *5 centiliter / 5 centiliter* и контрольного саморедактирования в форме ответа шве. *ja* (рус. *да*) на внутренний (невербализованный переводчиком) вопрос: рус. *50 грамм это 50 центилитров?* Перевод крепости напитка – рус. *70 градусов* – напротив, не составил труда для переводчика, который использовал стратегию доместикации и адаптировал словосочетание к устоявшейся языковой норме шве. *70 procent (%)*.

Следующий пример (44) относится к другой области знаний – средствам народной медицины. Здесь переводчик столкнулся с ранее неизвестным ему названием препарата и попросил разъяснений:

(44) *Подсудимый*: вот // когда я уже выпил эти / банки пива / четыре банки пива / позавтракал / как-то день был / красивый солнечный

день / спать вообще как-то не хотелось ведь / дремал еще / ночью но // я / еще выпил / в конце / выпил после завтрака такой / ну есть лекарство такое нуэ / у нас делается ну / **народная медицина** / пятьдесят / грамм / **бобровой струи** // знаете такую штуку / нет ?

Переводчик: м-м (*отрицательно «мычит»*) / понятия не имею

Подсудимый: ну вот / это одна из причин / по которым в общем-то бобров и истребили / вот // ну это / вот пиисят грамм / ну бобровой струи / она изготавливается из желез / **бобра** / таких специальных / и [укрепля-]

Переводчик: [от чего] это лекарство?

Подсудимый: оно // является // ну / общеукрепляющим / **общеукрепляющим**

Переводчик: mhm / och [det-]

Подсудимый: [и предста-] вляете / еще дело в чем что / **она настаиваться должна только на / спирте / 70 градусов**

Переводчик: mhm // eh / jag // tyckte att det var / mycket vacker dag // eh / jag // ehm / var inte sömning / dessutom / små- / eh / småsov jag under natten / och sen / måste jag säga att / i eh / mot slutet av / min frukost / tog jag också / **en sån här / ehh // en liten / ehm // ett litet / glas / av / någonting som / i vårt land / används som / läkemedel / allmänt stärkande medicin kan man säga / det är / eh // bäver / nånting som / hummh / tillverkas / på / ehmm // så kallade / som så kallade // ehm // eh / naturmedicin / eh / och poängen här är / att den tillverkas på / 70 % / stark / sprit // och det är / jag tog en / liten / mmm / drink / så återigen / 50 gram // det blir väl / 5 centiliter / 5 centiliter / ja**

Широкое применение общетонизирующих средств и адаптогенов, особенно растительного или животного происхождения, является культурной спецификой

русскоговорящих участников судебного дискурса: *экстракты, настойки, отвары* – все это привычная лексика для перевода на приеме у врача, но и в зале суда термины из области фармакологии и народной медицины – не редкость. К этой же группе лексики можно отнести рус. *касторовое масло, нашатырный спирт, зеленку, горчичники, рыбий жир, мазь Вишневского, бальзам Золотая звезда, аппликатор Кузнецова, аппликатор Ляпко и т.д.*. В диалоге переводчик признается, что рус. *понятия не имеет* о том, что такое рус. *бобровая струя*. Сложность перевода возникает не столько потому, что переводчик не знает однозначного соответствия термину рус. *бобровая струя* (шве. *bävergäll*) на шведском языке, сколько ввиду того, что шведскому реципиенту перевода, скорее всего, не знакомы лекарственные препараты на базе рус. *элеутерококка, китайского лимонника, облепихи, валерьяны, бузины, кошачьего когтя, чайного гриба, зверобоя, пустырника, эхинацеи, растительного или животного мускуса* и т.д. Тем не менее, ограниченный правовыми нормами судебного перевода [21 § КАМФС 2021:2], переводчик обязан переводить все, что было сказано, и не может опустить перевод нового для него термина, фактических событий и характеристик, о которых рассказал подсудимый в связи с этим термином.

Задачей переводчика является, в первую очередь, сохранение ключевых сем с помощью описательного перевода. Он прибегает к тактике доместикации, адаптации плана содержания к культуре реципиента. Ориентируясь на развернутый ответ подсудимого, в примере (44) переводчик передал на ПЯ следующие составляющие значения ИТ: рус. *в нашей стране используется как общетонизирующее лекарство народной медицины и это лекарство производится на основе крепкого семидесятипроцентного спирта*. Заметим, также, что речь подсудимого по поводу *бобровой струи* протекает относительно ровно, без затяжных пауз, колебаний, без явных сложностей с вербализацией значимости. В реплике переводчика, напротив, представлено большое количество хезитативных элементов: междометий *eh, ehm, ehmm* (8 раз в фрагменте про *бобровую струю*), лексических и синтаксических повторов (шве. *en liten / ehm // ett litet glas; så kallade / som så kallade //; används som / läkemedel / allmänt*

stärkande medicin / eh / naturmedicin), элементов, выражающих неуверенность в точности перевода (шве. *en sån här; glas / av / någonting; allmänt stärkande medicin kan man säga; / det är / eh // bäver / nånting ; 50 gram // det blir väl*), метатекстовый комментарий как элемент переводческой саморефлексии (утвердительно-шве. *ja* в значении рус. *да*, как ответ на внутренний вопрос к самому переводчику о правильности перевода), большое количество коротких и более длительных пауз. Расположение хезитативных пауз в речи отправителя сообщения и переводчика не совпадает, что свидетельствует о том, что подсудимый и переводчик сталкиваются с разными по характеру сложностями на этапе вербализации сообщения. Это является еще одним индикатором того, что именно вызывает КН на этапе перцептирования сообщения переводчиком.

Наиболее значимым для настоящего исследования является указание на то, что при переводе агнонима рус. *бобровая струя* ведущим становится прагматический аспект высказывания. Тем самым, с помощью добавления шве. *men roängen här är...* (рус. *но здесь суть в том, что...*) переводчик в качестве главной особенности этого лекарства в контексте обвинения в управлении транспортным средством в состоянии опьянения выделяет тот факт, что этот препарат перед употреблением настаивается на крепком спирте.

Рассмотрим еще один пример КН, возникшей в виду расхождения реалий, в данном случае – форм финансовой и налоговой организации предпринимательской деятельности в Беларуси и Швеции:

(45) Подсудимый: нет / в Белоруссии есть такое понятие / как **ЧУП** // это **частное унитарное предприятие** / это когда / один человек руководит 4-5 людьми // и / я вот **работал** / в **такой компании** / мы делали дома и бани из бруса / из дерева

Переводчик: nej asså / **jag har jobbat inom något / som i Vitryssland / motsvarar en enskild firma** // där man som / ensam ägare / kontrollerar / ett arbetslag som består av 4-5 personer / och där jag hållit på och satt ihop // bastuhus

Прокурор: aa / så du / du är liksom // arbetsledare / chef för arbetslagen / du styr arbetet

[...]

Переводчик: det här var egentligen inte min firma / utan jag var en av arbetarna / på en sån här firma

Прокурор: så **tolken har uppfattat dig fel / när jag sa / att du hade drivit / en enskild firma** och styrt arbetslag ?

В макрокнтексте отрезка речи показана разница пресуппозиций: поскольку подсудимый еще ранее заявлял, что, не являясь индивидуальным предпринимателем и не работая на кого-либо другого, он все же работал в особой по форме организации компании, где один человек руководит группой из 4-5 человек, то прокурор сделал вывод о том, что подсудимый работал там в должности руководителя. Таким образом, государственный обвинитель предположил, что подсудимый был прорабом или начальником такой рабочей бригады, тогда как на самом деле он был одним из работников в подчинении. КН возникла на почве того, что прокурор не знаком с упомянутой формой организации предпринимательской деятельности (бел. ЧУП) и не имеет необходимого когнитивного багажа знаний для того, чтобы, несмотря на точный перевод, правильно истолковать сообщение подсудимого. Обратим внимание на гипотезу прокурора об источнике возникшего недопонимания, прозвучавшую в его противоречивом комментарии: *переводчик неправильно Вас понял, когда я сделал вывод о том, что Вы были на руководящем посту в этом предприятии.*

Рассмотренные примеры демонстрируют, что КН, связанные с переводом специальной неюридической лексики, могут возникать на этапе восприятия сообщения переводчиком (ср. *саморезы*) ввиду незнания используемого термина. Вместе с тем, осмысление содержания неизвестного переводчику ранее термина (ср. *бобровая струя*) определило применение приема описательного перевода с выделением наиболее значимых в контексте судебного разбирательства сем, а также сохранение интенции отправителя в ущерб поиску однозначного эквивалента, который в виду своей агнонимичности в шведском языке не смог бы

передать основное содержание сообщения, а именно – употребление крепкого алкоголя. Последний пример (45) выявил механизм возникновения КН, связанной с реализацией семантики лексической единицы перевода, отсутствующей в ПЯ. Несмотря на эквивалентный оригиналу перевод термина «*частное унитарное предприятие*» прокурор все равно сделал несоответствующие действительности выводы о роли подсудимого в работе упоминаемой компании. Таким образом, КН в этом случае возникла на стадии восприятия перевода реципиентом и обусловлена отсутствием у реципиента соответствующих пресуппозиций.

Итак, исследование выявило ряд наиболее типичных причин возникновения КН в семантической плоскости семиозиса устного судебного перевода. Рассматривая лексику разных областей знаний – от общеупотребительной до специальной терминологии (юридической, технической, медицинской и др.) – констатируем, что причиной КН может являться полисемия и различия в объеме лексического поля единиц на ИЯ и ПЯ, а также неоднозначность термина ввиду отношений внутри терминосистемы. Одним из решений «терминологической» проблемы является предварительная подготовка (о соотношении предварительной подготовки переводчика и качества перевода – см. Stern 2012; Díaz-Galaz, Padilla, Vajo 2015; и др.), например, возможность переводчика ознакомиться с материалами дела заранее, до проведения судебного заседания в целях обнаружения труднопереводимой лексики и исследования актуальных для предстоящего перевода терминосистем (в области налогового, международного права, в сфере экономики и др.) [JK dnr 3535-13-21; Tolmars rätt att ... 2021].

2.2.4 Типология коммуникативных неудач в семантическом измерении семиозиса

Итак, исследование показало, что возникновение КН в *семантическом измерении* устного судебного перевода зависит от внутренней конфигурации следующих факторов: 1) тип переводимой лексики (общеупотребительная,

юридическая или лексика специальных областей знаний); 2) тип реципиента сообщения (субъект-юрист или субъект-неюрист); 3) этап коммуникации (этап формирования и выражения смысла отправителем сообщения, этап извлечения и толкования смысла переводчиком как реципиентом, этап формирования и выражения смысла переводчиком как отправителем сообщения, этап извлечения и толкования смысла реципиентом перевода); 4) мономерность или многомерность лингвосемиотического параметра.

Причиной КН как результат вариативности интерпретации *общеупотребительной* лексики может являться: 1) использование заимствованных слов (1–10); 2) использование разговорных окказионализмов (33); 3) несовпадение семантики знака и предметной соотнесенности (34, 36); 4) несовпадение семантических полей лексики в ИЯ и ПЯ (35); 5) межъязыковая лексическая омонимия (8); 6) типологические различия между ИЯ и ПЯ (37).

В контексте *юридической* лексики фактором, вызывающим КН, может быть: 1) ориентация на широкую семантику вместо узкоспециального значения термина или неправильное определение юридического термина в терминосистеме на ИЯ (38); 2) несовпадение калькированного перевода многокомпонентного термина с синтаксическим окружением лексемы (перспективные и ретроспективные связи, широкий контекст высказывания – 39); 3) влияние прагматики высказывания на интерпретацию термина (40); 4) терминологические коллизии (45). В отношении юридической терминологии, появление КН соотносится с фактором реципиента в зависимости от его принадлежности к одной из двух категорий участников судебного дискурса: субъект-юрист или субъект-неюрист.

В контексте интерпретации *терминологии других областей знаний* КН возникает ввиду: 1) незнания термина переводчиком или реципиентом (41, 44–45); 2) несовпадение семантических полей лексики в ИЯ и ПЯ (42); 3) использованием агнонимов (44); 4) расхождение в прикладных системах знаний (реалий) на ИЯ и ПЯ (например, в системах мер и весов – 43).

2.3 Синтаксические параметры коммуникативных неудач

В первую очередь обратимся к рассмотрению парадигматических связей между знаками речи и их роли в возникновении КН в ходе устного перевода судебного дискурса.

2.3.1 Парадигматический уровень

Особый интерес для исследования КН в связи с этим аспектом актуализации знака представляют случаи расхождения в согласовании грамматических форм слов (другими словами – «неграмматичность» первого типа по классификации Г.Г.Почепцова) в процессе преобразования статического синтаксиса в актуальный в ходе устного диалогового общения в суде.

Сообразно схеме анализа КН, представленной ранее, сначала рассмотрим этап восприятия отрезка дискурса на языке оригинала и влияние рассогласованности морфо-грамматических элементов языка на возникновение полного или частичного непонимания смысла высказывания переводчиком. Нарушение грамматической нормы языка, зафиксированное в примере (46), выражается в выборе неверной парадигмы склонения словосочетания рус. *второе пиво*. Подсудимый, не владеющий русским на уровне носителя языка, ошибочно использовал парадигму женского склонения для изменения падежа стержневого компонента рус. *пиво*, но вместе с тем не нарушил согласовательные нормы подчинительной связи между главным словом рус. *пиво* и зависимым от него определением, выраженным числительным рус. *второе*. Аналогичный случай представлен в примере (47):

(46) *Подсудимый:* после этого я уже выпил **вторую пиво**

Переводчик: jag druckit **sitt andra öl**

(47) *Подсудимый:* у меня бил / грузинский прав / у нас бил раньше так

Переводчик: jag har ju haft ett // georgiskt körkort

Как видно из примеров (46) и (47), такое нарушение отношений между элементами высказывания на парадигматическом уровне не привело к затруднениям в понимании смысла сообщения переводчиком. Здесь необходимо пояснить, что рассмотренные примеры иллюстрирует лишь единичные, частные случаи ошибки морфологического оформления знака на ИЯ и не представляют собой репрезентацию всех возможных случаев «неграмматичности», с которыми сталкивается переводчик. Не исключено, что при увеличении удельного веса таких грамматических неточностей или несоответствий на одну единицу высказывания, несмотря на семантическую «прозрачность» каждого отдельного элемента высказывания, аккумулированный эффект затрудненной межкомпонентной соотнесенности может вызвать непонимание смысла всего сообщения. Однако, в ходе изучения материала таких КН, возникших исключительно в виду «парадигматических неточностей» на этапе восприятия сообщения переводчиком нами выявлено не было.

Остановимся далее на втором этапе коммуникации, представляющем синтез сообщения переводчиком и одновременно восприятия сообщения на ПЯ как потребителем перевода, так и непосредственно самим исполнителем перевода. В корпусе примеров обнаружена целая группа конструкций, представляющих собой нарушения переводчиком грамматических норм ПЯ:

(48) *Подсудимый:* из-за того она / много чего не помнит

Переводчик: på grund av det **hon kommer** inte ihåg så mycket

(49) *Подсудимый:* из-за этого она путается // со своих этих

Переводчик: därför **hon blandar** / blandar ihop / vissa saker

(50) *Подсудимый:* потом я стал смотреть телевизор

Переводчик: sen **jag tittade** på TV

- (51) *Подсудимый:* я не видел / откуда я знаю
Переводчик: men jag har inte sett / så hur **jag kan veta** det
- (52) *Подсудимый:* я уже сказал / что надо ей
Переводчик: jag sa till henne / **vad skulle hon göra**
- (53) *Подсудимый:* на обратном пути мы / заехали систембалагет / купили она попросила **или водку или пиво**
Переводчик: på väg tillbaka när vi handlat så / då åkte vi till Systembolaget och hon bad köpa **eller vodka eller öl**
- (54) *Подсудимый:* и **если бы** я купил / ээ / купил виски и сигареты / то / вероятность того что у меня **забрали бы** / ээ / эти виски и сигареты на таможне **когда бы** я / ээ / **заходил** утром в аэропорт через таможенный контроль [потому что там]
Переводчик: [ää / och /]
Подсудимый: нельзя [заносить]
Переводчик: [ja / och /] / och och då // **hade jag / skulle jag** haft / bara ää / handbagage ää / ää / då **skulle man / fanns risken** då / att man dan därpå / ää / **skulle** ta ifrån mig / ää / ää / whiskyn och ää / ää / man får inte / föra in / eller föra ut kan man säga genom säkerhetskontrollen / vätskor / och så där va
- (55) *Прокурор:* och / eeh // har du sett / några // skador på / E. ?
Переводчик: а **вы видела** какие-нибудь травмы / на / E.
Свидетель: синяк на ноге видела
Переводчик: jag såg en blå- / ett blåmärke på hennes / ben

(56) *Прокурор:* ja O. // ehm / jag tänker att du ska få / berätta om // när / du / och om // du har / sett / några skador // [på E.] ?

Переводчик: [я бы хотела] рассказать значит / эм / я бы хотела спросить где- / чтобы **вы рассказала** когда // **вы видела** / эм // тама или // какие-нибудь следы / повреждений / на / E. // именно что **увидела**

Прокурор: du berättade själv / innan vi / innan vi tog paus / att du [hade sett skador på]

Переводчик: [до того как мы / сделали перерыв] то / **вы [сама рассказала]**

Прокурор: hennes ben

Переводчик: [значит **то что**] / **увидела** / значит травмы на // [ноге]

Прокурор: [i form utav] / blåmärken

Переводчик: в виде / значит / синяка

Прокурор: är det några andra skador // som du har sett på / E. ?

(57) *Адвокат защ:* ja jag förstår // dee förhöret är ju uppläst / och **godkänt för dig** också

Переводчик: вот поэтому и // вот / Ваши / показания были Вам зачитаны / и **Вы одобрила** что они зафиксировали правильно

Среди вышеприведенных конструкций встречаются разного рода грамматические нарушения:

1) нарушение правила инверсии в главном или придаточном предложении (ср. примеры 48-52);

2) использование синтаксического калькирования (ср. пример 53): свойственная русскому языку структура рус. *или ... или* имеет однозначное шведское соответствие шве. *antingen ... eller*, а употребленная переводчиком фигура *eller ... eller* представляет собой прямое заимствование из русского языка;

3) незаполненная валентность глагола шве. *bad* (пример 53), который в отличие от русского языка, в шведском языке в обязательном порядке требует

прямого объекта, выраженного, например, местоимением шве. *mig, dig, honom* etc;

4) сложности в перевыражении значения сослагательного наклонения в отрезке речи на шведском языке, соответствующем условному и относительному придаточным предложениям рус. *если бы я купил, забрали бы, когда бы я заходил* (ср. пример 54); здесь маркером КН служит то, что переводчик в режиме «живого времени» вслух перебирает варианты глагольных конструкций шве. *hade jag..., skulle jag haft..., då skulle man, skulle ta ifrån mig*, чтобы выбрать наиболее адекватную репрезентацию значения сослагательного наклонения;

5) несогласованность подлежащего и сказуемого по числу – *Вы видела, Вы рассказала, Вы одобрила* (примеры 55–57).

Феномен возникновения отклонений от грамматической нормы языка в преломлении к речепроизводству переводчика рассмотрела в своей работе австралийский переводовед С.Хейл [Hale 2004: 130]. Она опирается на две предложенные Н.Хомским дефиниции ошибок («*error*» и «*mistake*» в [Chomsky 1965]), которые американский лингвист соотносит с недостаточной компетенцией или отклонением от ее практической реализации в устном дискурсе. С.Хейл приходит к выводу, что в ситуации устного перевода сложно однозначно установить причину появления «неграмматичности» в речи переводчика. С одной стороны, нарушение правил грамматики может быть обусловлено недостаточными знаниями этих правил, а с другой стороны – упущением в отношении их применения в ходе речепорождения. Согласимся с предположением исследовательницы о том, что такие «упущения» представляют собой оговорки под давлением дефицита времени. Соответственно, спонтанность и лоскутность устного речепроизводства приводит к тому, что переводчик не успевает продумать и сформировать свое высказывание в преддверии его вербализации, и перевод начинается по одной грамматической «модели», а заканчивается – по другой (пример 54). Другим возможным объяснением может служить многоканальность процессов, протекающих в мозгу переводчика в ходе устного перевода [Поликарпов 2017 а: 7]. Возвращаясь к понятию «внутренней речи», мы допускаем, что параллельные процессы слушания и смыслоизвлечения

«перекрывают» процесс мониторинга за вербализацией перевода, т.е. недостаточным оказывается контроль за развертыванием грамматически правильной внутренней речи, «верность» которой искажается в момент ее реализации в плоскости актуального высказывания (пример 56, первая реплика переводчика). Немаловажную роль играет подача информации отправителем сообщения в качестве последовательно-временной цепочки единиц речи, что также может влиять на наличие «неграмматичности» в реализации языковой компетенции переводчика на ПЯ (пример 54). Возможно, что в этой ситуации поступательный характер речи говорящего predetermined поэлементный перевод конструкции рус. *или ... или...* на шведский язык как *eller ... eller....*, которая не была воспринята переводчиком как единое целое, а, наоборот, проинтерпретирована исходя из связи союза рус. *или* с глаголом рус. *попросила* и предположения о последующем появлении однородного сказуемого, а в ходе непредвиденного им развертывания речи говорящего переводчик «перестроился» на установление связи между союзом рус. *или* и однородными дополнениями рус. *водка и пиво*.

Между тем, в некоторых примерах наблюдается связь между определенным типом «неграмматичности» конструкций и переводчиком, который выполнил перевод (примеры 48-53 и 55-57 соответственно). В речи каждого из двух переводчиков прослеживаются однотипные, характерные именно для него систематические неточности в части грамматики на ПЯ. На этом основании можно сделать вывод, что причиной неграмматичности в речи на ПЯ служит несовершенное владение грамматикой, то есть ошибка проявляется ввиду недостаточной компетенции («*error*» в терминологии Н.Хомского). Источник грамматических несоответствий не всегда поддается точному установлению, поэтому С.Хейл в своем исследовании делает выбор в пользу унитарного обозначения неточности в устном переводе и применяет термин «*ошибка*» в отношении как тех неточностей, которые возникают вследствие недостаточной компетенции, так и в отношении «упущений», связанных с реализацией этой компетенции в процессе вербализации перевода.

Вернемся к вопросу о том, насколько появление парадигматической «неграмматичности» в речи отправителя сообщения или переводчика может влиять на возникновение КН. Сопоставительный анализ языкового материала показал, что на этапе восприятия и толкования речи на ИЯ у переводчика не возникает трудностей в понимании плана содержания при наличии исключительно «парадигматических» ошибок в речи отправителя сообщения.

На втором этапе, когда восприятию и интерпретации подвергается высказывание на ПЯ, небольшие отклонения от морфолого-синтаксических правил языка перевода, как правило, также не приводят к возникновению непонимания у реципиента. Тем не менее, в случаях, когда уровень «неграмматичности» элементов высказывания возрастает, можно наблюдать появление КН, как в следующем примере (58):

(58) *Адвокат отв:* sen var det en händelse till / som du polisanmälde

Переводчик: и / потом было / еще / одно случай / за который вы сделали
полицейский / заявление

Истица: ээ / это вот / то что // **что имеет в виду он ?**

Отсутствие согласования сразу в нескольких грамматических конструкциях в переводе со шведского языка на русский (*там было случай, одно случай, полицейский заявление, за который*) оказало негативное влияние на возможность истицы сосредоточиться на содержательном плане высказывания и привело к полному непониманию, которое она выразила вопросом рус. *что имеет в виду он?* после долгой паузы и нескольких предшествующих этому гезитативных маркеров рус. *ээ, это вот /, то что /.*

Однако такие неточности в речи переводчика как несоблюдение инверсии, незаполнение валентностей глаголов, ошибочное употребление временных форм глаголов, неправильный выбор артикля, несогласованность членов словосочетаний и другие недочеты в процессе синтеза при устном переводе судебного дискурса, хотя и не остаются незамеченными со стороны носителя языка, все-таки в большинстве случаев не приводят к возникновению КН. Возможно, реципиент перевода адаптирует свое восприятие потока речи

переводчика, подсознательно определяя и «отсеивая» типичные именно для этого переводчика грамматические неточности и перекодирует звучащий дискурс перевода в соответствии со своей внутренней нормой порождения речи. Аналогично объясняется речевая избыточность у отправителя сообщения (59), реализующаяся, к примеру, как частое использование слов-паразитов:

(59) *Подсудимый:* особо / я осматривал **ну то шо** / мне интересно / **ну то шо** // ни / Виктору / было интересно / я / смотрел // **то шо** / мне надо // **ну** например я / я хотел смотреть / **ну** посмотреть **за то шо** / **ну** // разные профиля **там** / разные **там ну как бы** / я занимаюсь / кроме того шо езжу / водителем / я занимаюсь еще // дома / ремонтами

Переводчик: / ah / jag tittade på det / som var intressant för mig / inte // det som V. var intresserad om // eh / tittade bland annat / på / olika verktyg som jag behöver // för att / förutom att jag kör // jag sysslar med / reparationer också

Несмотря на то, что лексическая избыточность нарушает синтаксическую структуру компонентов высказывания и осложняет выявление связей между знаками, благодаря способности человеческого мозга работать с «несмежными зависимостями» в структуре синтаксиса [Pinker 1994; Uddén 2012; Grama 2017 и др.], переводчик в состоянии редуцировать эту избыточность без ущерба для извлечения смысла высказывания. Хотя, как можно судить по количеству небольших хезитативных пауз в примере (59), такие обстоятельства замедляют темп перевода за счет неэффективной траты ресурсов мозга переводчика на устранение «помех» вместо того, чтобы дать возможность ему всецело сконцентрироваться на толковании межзнаковых связей.

Итак, смеем предположить, что небольших отклонений от «грамматической правильности» первого типа (по Почепцову) недостаточно для того, чтобы нарушить процесс извлечения смысла и понимания речи реципиентом (будь то переводчик или потребитель перевода). Можно утверждать, что не всякое нарушение грамматической нормы языка на этапе восприятия и интерпретации

сообщения приводит к возникновению КН. Отсюда ясно, что чем больше «неграмматичностей» допущено говорящим в парадигматическом плане («*ungrammaticalities*» в терминах Н.Хомского), тем выше риск «замутнения» действительных синтагматических отношений между знаками речи, а, следовательно, – тем выше риск возникновения непонимания.

2.3.2 Синтагматический уровень

Далее остановимся подробнее на тех отношениях между знаками, которые актуализируются в рамках синтагмы или сверхфразового единства в отрезке речи и реализуют его коммуникативный и смысловой потенциал в структуре судебного дискурса.

Необходимая основа для смысловой целостности переводимого дискурса формируется посредством связности компонентов высказывания друг с другом, а также соотнесенности высказывания с другими частями дискурса. Таким образом, нарушения в идентификации средств отсылки одних знаков устного судебного дискурса к другим могут послужить причиной КН. Рассмотрим это на примерах.

Референция в ходе устнопорождаемого дискурса может быть представлена с помощью анафорических и катафорических средств. Ретроспективная проекция в судебном дискурсе связана с движением назад, с анафорой, т.е. к тому, что было озвучено в ходе слушания ранее. Ретроспекцию предлагается трактовать как форму отсылки реципиента к заранее сообщенной, предшествующей высказыванию информации [Земская, Качесова, Комиссарова и др. 2003: 60-61]. Представленный ниже транскрипт (60) содержит указание на один и тот же денотат, передаваемый в комментарии судьи с помощью определенной формы существительного шве. *film*, т.е. *какой-то определенный фильм*, а в вопросе прокурора посредством лексемы шве. *videoinspelning* в определенной форме, т.е. *какая-то конкретная видеозапись*:

- (60) *Председ.* då är det / kompletterande förhör med M. här / med anledning då
судья: / av **den här / filmen** som [***] / varsågod
- Прокурор:* tack // M. / hur har det här got till / med **videoinspelningen** ?
- Переводчик:* ehh / video- / inspelning som var // **som vi tittade på / nu** ?
- Прокурор:* aa
- Переводчик:* значит / M. // вопрос к вам такой / ээ // каким образом / было-
 / была произведена / **вот эта вот / видеозапись которую мы
 только что посмотрели?**

Определив по грамматическим признакам наличие анафорической референции, выяснив, что разговор касается определенной видеозаписи (поскольку в речи судьи была использована выделительная конструкция шве. *den här ... -en* в значении рус. *вот этот*), переводчик не смог осмыслить связь между использованными сигнификатами и ранее озвученным дискурсом, т.е. он не обнаружил реализации ретроспективной проекции в речи. Ввиду этого он делает паузу и запрашивает уточнение, распространяя слово рус. *видеозапись* описанием *которую мы просмотрели только что?* Получив положительный ответ от прокурора (шве. *aa* - междометие, означающее рус. *да*), переводчик устанавливает связь между просмотренной ранее в зале суда видеозаписью и означающими шве. *filmen* и шве. *videoinspelningen* и может адекватно отразить это в своем переводе в виде конструкции рус. *была произведена / вот эта вот / видеозапись которую мы только что посмотрели.*

Немаловажную роль в создании ретроспективной проекции играют часто встречающиеся в устной спонтанной речи местоимения. В следующем примере (61) КН возникает ввиду того, что анафорическая референция с помощью местоимения рус. *она* не поддается однозначному толкованию, т.к. референтом может быть как ранее обсуждавшаяся жена подсудимого, так и его старшая дочь М. или младшая дочь Р. Таким образом, вопрос переводчика рус. *она / кто?* обусловлен неоднозначностью использованной подсудимым анафоры:

- (61) *Подсудимый:* и моя дочка / уже / успела даже в садик / сходить / за Р. /

потому что Р.-ю / **отводила** / **она** // утром // в садик

Переводчик: // **она** / **кто** ?

Подсудимый: моя дочь // М.

Переводчик: min dotter har redan hunnit gå till förskola / och hon skulle hämta R. / för att det är hon som lämnade R.

Некоторые ученые приписывают ретроспекции в тексте одновременно три основные функции: «1) восстанавливание в памяти ранее представленных фактов или сведений, 2) предоставление возможности переосмыслить уже известные сведения в новом контексте, 3) актуализация отдельных частей текста» [Земская, Качесова, Комиссарова и др. 2003: 67]. Тогда как в примерах (60-61) наглядно показана функция восстановления ранее известных фактов, следующий пассаж (62) иллюстрирует КН, возникшую в ситуации, в которой дейктическое наречие рус. *сюда* выполняет функцию локативной референции:

(62) *Адвокат ист:* finns det någon / som kan // hjälpa dig med flytten?

Переводчик: а вам кто-то может помочь / с переездом?

Истица: да / тот же человек / который **привез меня сюда**

Переводчик: ja samma person som **skjutsade mig hit**

Переводчик: извините / привез **сюда** // **то есть в суд или куда?**

Истица: да / тот же человек который помог мне // с переездом на эту **квартиру**

Переводчик: jaha ja // samma person som **hjälppte mig med / flytten till den här lägenheten**

Итак, опираясь на действие ретроспективной проекции, переводчик истолковывает референтность в пользу того места, в котором протекает перевод, то есть *зала суда*, и подбирает наиболее эквивалентный вариант перевода с помощью идиоматического выражения шве. *skjutsade mig hit* (подвез меня сюда на машине). Вместе с тем, необходимо принимать во внимание, что глагол рус. *привез* в шведском языке имеет несколько вариантных соответствий, имеющих разное ситуативное употребление. Несовпадение широты семантики слов на ИЯ и ПЯ означает, что перевод фразы рус. *привез меня сюда* всецело зависит от того, к

какому месту в реальном мире отсылает наречие рус. *сюда*. В связи с этим переводчик задает уточняющий вопрос, чтобы выяснить, какое из возможных значений актуализировано в контексте данной переводческой ситуации – *привез в Швецию, привез в зал суда* или *привез мои вещи на нынешнюю квартиру*. Ответ истицы заставляет переводчика переосмыслить денотативную ситуацию и изменить перевод в соответствии с ней, т.е. в соответствии с новым денотатом – *квартирой*. Таким образом, синтаксические отношения между знаками в приведенном микроконтексте (62) устанавливаются посредством дейктического элемента, который благодаря своей тесной связи с пользователем знака, т.е. наличию эгоцентрического дейктического центра, представляет собой «прагматическую переменную речевого акта» (термин Е.В.Падучевой) [Кибрик 1983]. Синтаксический параметр в примере обнаруживает тесную взаимосвязь с прагматической составляющей коммуникативного акта и в значительной мере ориентирован в данном коммуникативном акте на отправителя знака.

Сообразно референции посредством локативных выражений, в которых затруднение может вызвать соотнесение знаков с обозначаемыми ими местами в реальном мире, неполное понимание референции при использовании наречий времени и темпоральных конструкций также может вызывать появление КН. В приведенном примере (63), однако, переводчик без особых усилий выполнил адекватный перевод по правилу согласования времен, поскольку смог хронологически соотнести предметную ситуацию с ситуацией перевода и в шведском языке заместил лексему рус. *завтра* (шве. *imorgon*), реализация которой возможна только когда ситуативный момент и момент речи совпадают, описательной конструкцией шве. *dagen därpå* (рус. *на следующий после этого день*), используемый тогда, когда момент речи не тождествен ситуативному моменту:

(63) *Истица:* там ей сказали что // **завтра** будет авслютнинг

Переводчик: och / där fick hon veta / att det skulle bli / en avslutning **dan**
därpå

Поскольку дейктические элементы могут быть выражены как отдельными лексемами, так и аффиксами в составе других слов [Кибрик 1983], опущение эксплицитно выраженного подлежащего, как в примере (64), может привести к КН ввиду неправильного соотнесения языкового знака с денотатом:

(64) *Подсудимый:* ну / в общем / после этого / началось / и // какой-то время /
успокоились там // **покушали** / кто

Переводчик: och efter det / **vi** kanske **lugnade ner** / lite grann / så **vi** åt / **mat**

Подсудимый: да // **это не я** / кушал // **дети кушали**

Переводчик: inte jag / det är barnen

Здесь в сознании говорящего произошла смена денотатов, т.е. агенсов, связанных с глаголами рус. *успокоились* и рус. *покушали*, в то время как никакие грамматические признаки на это изменение не указывают. Тем самым окончание множественно числа рус. *-и* у глагола в прошедшем времени рус. *покушали* в сознании переводчика было соотнесено с ретроспективным «упоминанием референтов, уже активированных в рабочей памяти говорящего и адресата» [Кибрик 1983], тогда как на самом деле согласно замыслу говорящего значение этих глаголов сводится не к однородным членам предложения, а к двум разным предложениям: 1) рус. *мы успокоились* и 2) рус. *дети покушали*.

Следующая ситуация перевода (65) демонстрирует ошибочную референцию, возникающую в тексте на ПЯ в связи с неопределенностью antecedента местоимения «*тот*». Указательное местоимение рус. *тот* в переводе получает отсутствующую в тексте на ИЯ функцию отсылки к уже ранее обозначенному в процессе развертывания дискурса денотату. На фоне возникшей анафорической функции местоимения рус. *тот* лексема рус. *рассказ* получает не самостоятельное значение, а трактуется как субституция уже ранее известного денотата. КН возникает при таких условиях ввиду множественности толкований ретроспективной проекции в сообщении на ПЯ – *сексуальный характер* какого именно рассказа имеется в виду? Понимается ли под словом «рассказ» вербальный контакт с социальной службой? Или относится ли это к характеру переживаний, о которых в социальной службе рассказывала истица? В

переводческом дискурсе связь подсознательно устанавливается между рус. *рассказом* и *заявлением*, т.е. характером вербализованного контакта с представителями социальной службы, тогда как отправитель сообщения использует лексему шве. *berättelse* (рус. *рассказ*) в качестве синонима ранее эксплицитно не выраженного денотата – фактического рус. *события* или *происшествия*:

(65) *Адвокат* du gjorde en orosanmälan till / socialtjänsten / **om** en / berättelse
отв: av / sexuell natur

Переводчик: вы сделали заявление / о своем переживании / в социальную службу / и **рассказ тот** / имел / эм / **сексуальный характер**

КН может возникать там, где наблюдается перспекция в синтактике языкового знака. В контексте утнопорождаемой речи и ее линейно-поступательного характера, несмотря на процессы лингвистического прогнозирования, предотвращение КН ввиду синтаксической перспективы представляется особенно сложным.

Следующий пример (66) демонстрирует перспективную проекцию, обусловленную типологическими отличиями между шведским и русским языками в плане наличия/отсутствия категории определенности у существительного:

(66) *Подсудимый:* м-вот мы пошли / мы пошли / ну в бар

Переводчик: ää / vi gick ää / först till / en bar

Подсудимый: выпить по пиву и / я должен был / найти **гостиницу** / которая / находится близко к аэропорту / чтобы / у нас / вылет в Германию был в восемь часов утра

Переводчик: Mm

Переводчик: och / vi skulle ta en öl / och ääm / och jag skulle då hitta **nåt hotell** / som fanns i närheten av flygplatsen / ää / för att vi skulle / ää / ää / flyga uväg / ää / dan därpå / tidigt / på morgonen vid åtta-tiden till / ää till / Tyskland !

В виду того, что рус. *гостиница* в ходе судебного дискурса ранее не упоминалась, переводчику непонятно, подразумевается в данном случае любая

свободная гостиница или какая-то определенная, в которой у подсудимого заранее был забронирован номер. В связи с этим обстоятельством переводчик не прерывает рассказ подсудимого, чтобы из последующего описания ситуации уяснить для себя, о какой именно гостинице идет речь. Далее, как только описание гостиницы получено, как только проспективная проекция реализована, переводчик прерывает говорящего и выполняет перевод с помощью неопределенного местоимения шве. *något hotell*. Аналогичные обстоятельства наблюдаются и в следующем микроконтексте (67):

(67) *Подсудимый:* и я вернулся / после того как я вышел из магазина / я вернулся / обратно в бар к парв- / кпп- / допил свое пиво

Переводчик: ää / sen efter att jag lämnat butiken så / gick jag tillbaka till / как его зовут / П.?

Подсудимый: П.

Переводчик: ää / gick jag tillbaka till P. / ää / ää / drack / ää / min öl //

Подсудимый: и // сказал ему / что уже / что **гостиницу я нашел** / можно / можно выходить из аэропорта / что **гостиница у нас есть**

Переводчик: ää och sa till honom att / ja / att / jag **hade bokat hotell** / ää och att vi kan / ää / gå till ää / eller ta oss till ää / hotellet

Отметим, что выражение рус. *гостиницу я нашел* безотносительно к широкому контексту дискурса может трактоваться как тот факт, что говорящий обнаружил на карте или на местности местонахождение конкретного отеля. Однако, благодаря ретроспективной проекции, указывающей на «неопределенность» гостиницы, а также с помощью проспективной проекции, т.е. раскрытию значения глагола рус. *нашел* посредством дальнейшего пояснения рус. *гостиница у нас есть*, и их взаимного соотнесения, переводчик может правильно осмыслить высказывание и передать его эквивалентом в переводе – шве. *jag hade bokat hotell* (*я забронировал номер в гостинице, а не просто отыскал отель на карте или локализовал отель на местности*). В обоих примерах (66–67) наблюдается тесная связь синтактики с семантическим измерением семиозиса,

поскольку синтаксические параметры знака влияют на модификацию его актуального значения в речи.

Наличие средств когезии само по себе не всегда способствует осмысленности дискурса, поскольку дискурс признается когерентным только в том случае, если в нём целостно использованы фоновые знания. Таким образом, в синтаксическом измерении семиозиса важную роль играет не только смысловая зависимость какого-то отрезка речи от других элементов, но и от их соотношения с внеязыковой действительностью в конкретной ситуации перевода, например (68):

(68) *Адвокат отв:* ok / varför gjorde ni den här / videon // ehm // // **så sent** ? // [ja / och och och]

Переводчик: **[så sent] på dagen eller** ? / så sent

Адвокат отв: ni gjorde det / i / ehm // tisdags kanske då

Переводчик: почему **дескать** Вы сделали эту запись / так **поздно** / то есть Вы / кажется запись сделали во [вторник] ?

Истица: [да] этот д-д / это-то –т / абсолютный был / когда с родителями был / разговор / во вторник

Временной дейксис, представленный в примере (68) конструкцией шве. *så sent* (досл. рус. *так поздно*), привел к возникновению КН между говорящим и переводчиком. Вследствие несовпадения дейктических центров в сознании отправителя сообщения и переводчика последний вынужден попросить уточнения той «системы временных координат», в плоскости которой находится точка отсчета: *так поздно* в течение дня, в течение суток, или поздно в отношении более длительного отрезка времени? КН проявляется не только в том, что переводчик прибегает к дополнительному сбору информации посредством переспроса, но и в том, что в продолжение перевода, он неосознанно привносит в дискурс перевода элемент своего продолжающегося замешательства и отстранения от слов говорящего посредством метакомментария рус. *дескать*.

В следующем примере (69) также прослеживается подобное замешательство переводчика, выраженное с помощью метакомментария рус. *как он говорит* в отношении значения лексемы шве. *berättelsen*:

- (69) *Адвокат отв:* den här berättelsen / [den är]
Ответчик: [fråga mig] (*перебивая адвоката – А.Ф.*)
Адвокат отв: nej jag tar det senare / men den här **berättelsen** är väldigt /
 korthuggen / enstaka ord // hon vänder ansiktet / tittar uppåt
 tittar neråt //

[...]

- Переводчик:* / этот / **рассказ как он говорит** // ан- о-э / он такой к- /
 короткий там / можно слышать отдельные слова // э -
 значит / она поворачивает лицо /

Конфликт в сознании переводчика вызван тем, что словарное значение лексемы шв. *berättelsen* не соответствует предметной ситуации, но вместе с тем, определенная форма существительного указывает на наличие референтности. Не будучи уверенным в том, о каком денотате идет речь, переводчик предполагает наличие перспективности высказывания. Таким образом, выбирая лексему рус. *рассказ* в качестве русского эквивалента, переводчик хочет подсознательно обезопасить себя с помощью оговорки – метатекстового комментария – рус.*как он говорит* на тот случай, если такой перевод на момент установления денотата в будущем окажется не применимым.

Как отмечалось выше, значительную роль в коммуникативном взаимодействии участников судебного дискурса играют фоновые знания и связь синтаксического измерения семиотики с семантическим. Обратимся к следующей ситуации (70) с ярко выраженной полисемией лексических единиц:

- (70) *Истец:* // ää // **när du startar / och åker / till / flytt // // har du nån / ää**
 // ä / **uppgift / ä / kan du läsa på telefon ?**

Переводчик: // ehm / **ursäkta men / tolken har / lite svårt / att förstå frågan**

- Истец:* ok / ää // jag ska bara förklara lite / ä / som jag berättat tidigare / ä
 // almanack laddat i telefon / hos varje / anställd / och när de
 startar och åker / till jobbet / de ser direkt där / vilken adress /
 vilken kod / vilken telefonnummer // och min fråga är / när du åkt

/ visste du att du ska åka / och ää / ää / och fått all information
vad kosta / i timme / vad kosta / startavgift

Переводчик: э / вопрос мой такой // дело в том что э // есть такой
календарь / в телефоне / у всех сотрудников / и когда вы /
едете на / задание / да / знали ли вы когда на это задание /
ехали / куда вы едете / по какому адресу / к какому клиенту //
изэ / сколько / оээ / стоит каждый час / вашей услуги

Ответчик: да // это заранее пишется за день // дается нам информация /
чтоб мы были готовы на // завтрашнюю / работу так скажем
[...]

Как мы можем заметить, в приведенном выше фрагменте судебного дискурса (70) возникает ситуация полного непонимания вопроса переводчиком, предположительно ввиду того, что переводчик не знаком с предметной ситуацией (его пригласили только для перевода показаний свидетеля; в примере приведены инициальные реплики допроса), а каждый элемент высказывания, взятый вне ситуации перевода, может иметь несколько значений (например, шве. *uppgift* может обозначать рус. *сведение, утверждение, расчёты, данные, показания, обязанность, задание, предписание, упражнение, цель, задача, сообщение, заявление*). Употребление многозначного слова без учета его семантических особенностей нарушает точность выражения в речи, порождает двусмысленность, что недопустимо в процессуальных актах. Кроме того, истец, реплику которого необходимо переводить на русский язык, не владеет шведским языком на уровне носителя и потому допускает некоторые «неграмматичности» в своей речи, что в свою очередь усложняет задачу переводчика, поскольку нарушает логическую структуру и не вносит определенности в характер синтаксических связей между языковыми знаками в высказывании. В целях преодоления КН истец дает фоновый комментарий, благодаря чему переводчик далее осуществляет выбор эквивалентных соответствий на ПЯ и успешно выполняет перевод.

Продолжая исследовать комплексные отношения синтактики и семантики, обратим внимание на лексическую когезию, которая достигается выбором слов

для связи элементов дискурса воедино. Основными формами лексической когезии принято считать повтор лексических единиц и коллокацию. В примере (71) КН возникла из-за незнакомой для переводчика лексемы рус. *саморезы*:

(71) *Подсудимый*: и / так / получается / мы потом подошли к саморезам // где саморезы были крюки / были еще эти / веша- вешалки всякие есть / которые вешаются / и мы их начали набирать / и они у нас в краске провалились

Переводчик: och det är / det är // när vi gick runt såhär / som / tolken måste fråga

Переводчик: **что такое саморезы?**

Подсудимый: **скровер спикер / гвозди шурупы**

Переводчик: aha aha och // skruvar och // bultar och liknande

В качестве ответа на вопрос уточняющего характера истец произнес цепочку лексических единиц рус. *скровер спикер / гвозди шурупы*. КН в этом случае (71) объясняется тем, что, в отличие от говорящего, переводчику не известен характер отношений между элементами цепи, и потому требуется дополнительное время и ментальные усилия для идентификации данных понятий в качестве синонимичного ряда, а не разнородных терминов. Таким образом, в примере (71) представлено явление лексического повтора, затрудняющее коммуникацию ввиду редундантного (избыточного) синтаксиса высказывания.

Наряду с этим, подобные КН могут возникать при нарушении правил сочетаемости лексем, другими словами – нарушении коллокации (72). Под коллокацией обычно понимают словосочетание, обладающее семантической и синтаксической целостностью, компонентный состав которого взаимозависим и определяется языковой традицией:

(72) *Подзащитный*: то есть / жидкость нельзя **выносить в аэропорт** // поэтому / поэтому я посчитал что у меня / могли бы попросить выбросить (с собой) в аэропорт [я не мог заносить это все]

Переводчик: что еще раз?

Подзащитный: ну то есть жидкость нельзя в аэропорт заносить / поэтому вотак

Переводчик: man får inte komma in / med / vätskor ää

В реплике подсудимого присутствует фраза рус. *выносить в аэропорт*, в которой нарушено правило «совместной встречаемости» [Влавацкая 2016: 36]. Как правило, коллокации являются незаменимым ресурсом для устного переводчика, своеобразной опорой при спонтанном речепорождении, поскольку обладают свойством «предсказывать» распространителя, т.е. способствует возможности переводчика прогнозировать ожидаемый контекст, а также легко извлекать эквивалентные соответствия из своего ментального лексикона на ПЯ. В примере (72) наблюдается нарушение семантической целостности словосочетания, т.к. значение приставки рус. *вы-* противоречит семантике предлога и падежного управления словоформы рус. *в аэропорт*. Такая дефектная коллокация, напротив, становится источником непонимания и дополнительных ментальных затрат переводчика, необходимых для анализа явления, при обычных обстоятельствах способствующего языковой эффективности, так называемой беглости речи, и выражению сложных идей просто и ясно.

Между тем, нарушение коллокации может настолько противоречить семантической целостности, что однозначно понять значение слова в данном контексте становится почти невозможно, что также приводит к КН (73):

(73) *Подсудимый:* здесь немножко / как / говорит прокурор что // то есть я говорю что / как немножко полуправда показана / что // говорится что **когда заканчивается / камера / заканчивается магазин** / [но это]

Переводчик: [ää och]

Подсудимый: [совсем не правда]

Переводчик: [ää och] och då / det är därför jag lämna / kvar asså varorna / i butiken / och ää / det ä det som åklagaren / berättat **om**

utgångarna / ää / det är liksom / lite / halvsant va asså / att / ää /
det är halvsanning / för **att man dels / gå ut men // dels går ut**
igen

Внимательное изучение реплики подсудимого (73) позволило выявить нарушение коллокации, связанное с метонимией, т.е. переносом наименования с одного предмета на другой на основании их смежности, а в примере – замещение понятия рус. *зона видеонаблюдения* обозначением рус. *камера*, для которого обычно не свойственно сочетание с глаголом рус. *кончатся*. Как отмечает Е.С.Кубрякова, «метонимические переносы лежат в основе номинации глаголом целой ситуации, особой разновидностью человеческой деятельности, когда один из компонентов ситуации, <...> будучи обозначенным», – как в нашем примере рус. *камера кончается*, – «проявляет затем способность вызывать в нашем воображении ситуацию в целом» – то есть брать на себя семантическую нагрузку целой фразы» [Кубрякова 1992: 89-90]. Выражаясь в других терминах – «активизировать соответствующий фрейм» [Там же], то есть проецировать ситуацию, *когда камера видеонаблюдения не охватывает всю торговую площадь в магазине*. Однако индивидуально-авторский характер метонимии в примере (73) не способствует эффективизации процесса перевода, а, наоборот, требует от переводчика дополнительных умственных усилий для понимания смысла и нахождения соответствующего эквивалента на ПЯ.

Итак, мы рассмотрели один из двух типов «неграмматичностей», которые выявил Г.Г.Почепцов. Другой тип – зависимый от структурной неполноты конструкции, – находится в сфере функционирования следующего средства когезии – эллипсиса, однако они не тождественны друг другу. Под эллипсисом в лингвистике чаще всего понимают «экономия языковых элементов, необходимых с точки зрения синтаксических правил или лексических особенностей» [Таюпова 2014: 137]. Такого рода компрессия может происходить на разных уровнях языка – в частности, фонетическом, морфологическом, синтаксическом. Употребление эллиптических конструкций является характерной чертой живой разговорной речи и проявляется, прежде всего, в выпадении строевых (семантически пустых)

элементов конструкции [Чайко 2018: 169], а также однозначных лексических элементов - личных местоимений, отдельных существительных или целых словосочетаний. В античной риторике эллипсис использовали для достижения эффекта «интеллектуальной неожиданности», основанного на контрасте синтаксиса и семантики благодаря именно структурной неполноте конструкции, «ее открытости к домысливанию» [Там же]. Напротив, в русле построения удачного общения такая «вольность» толкования, предрасположенность к синтаксической полисемии создает неблагоприятные условия для коммуникантов, повышающие риск возникновения КН (74):

(74) *Адвокат:* [...] har A. några **egna asylskäl** eller har hon samma skäl **som hennes föräldrar?**

Переводчик: [...] у А. есть / какие-то собственные // индивидуальные / основания на получение убежища / или у нее такие же основания // как и у ее родителей?

Истец: **конечно!**

Краткая конструкция, представленная в ответе истца-соискателя убежища рус. *конечно!*, может мыслиться в качестве положительного ответа на любой из взаимоисключающих друг друга вопросов: 1) у А. есть какие-то собственные индивидуальные основания на получение убежища и 2) у А. есть такие же основания как и у ее родителей.

В следующем примере (75) мы наблюдаем невольное упущение переводчиком компонента конструкции на ПЯ, меняющее смысл высказывания:

(75) *Прокурор:* vilka är fienden ? // enligt din uppfattning

Переводчик: по вашему мнению / кто враг?

Подсудимый: тот кто перечисляет / ээ // тот кто уже **перечислил** / **более тридцати пяти** / миллиардов крон ээ // в борьбе против исламского государства // и тот кто отправляет / э / **более трехсот пятидесяти** / своих солдат в борьбе против исламского государства

Переводчик: den som // redan har skickat / över / более тридцати пяти миллиардов / или трехсот / пятидесяти?

Подсудимый: тридцати пяти

Переводчик: den som har **skickat över** / trettio / fem // miljarder kronor / för / att / bekämpa / den islamiska staten och / till den som har / skickat iväg över trehundra femtio soldater / för att strida / mot den / islamiska staten

Как видно из примера (75), уже находясь в фазе вербализации перевода, переводчик посредством парантезы обращается к подсудимому с уточняющим вопросом рус. *более тридцати пяти миллиардов или [...]?*. Далее он заново начинает перевод всей реплики, повторяя первую фразу этого фрагмента дискурса шве. *de som har skickat över* и продолжая перевод, пользуясь уточненной информацией. Остановимся подробнее на конструкции шве. *skickat över trettiofem miljarder* на ПЯ. Дело в том, что глагол шве. *skicka* со значением рус. *посылать, отправлять, переводить* может быть использован вместе с постпозитивной частицей шве. *över*, модифицирующей значение широкоупотребительного глагола в сторону конкретизации, однако шве. *skicka över* именно в данном контексте тождественно одному из значений указанного глагола, а именно рус. *переводить* деньги. Вместе с тем, подсудимый в своем рассказе отметил, что перечисленная сумма превышала тридцать пять миллиардов, что на шведском языке можно выразить прилагательным шве. *drygt* со значением рус. *чуть больше* или предлогом шве. *över* со значением рус. *более, больше*, т.е. *drygt trettiofem miljarder* или *över trettiofem miljarder*. Переводчик под влиянием созвучности постпозитивной частицы и предлога шве. *över* либо опустил обязательный повтор этого компонента, т.е. *skickat över över trettiofem miljarder*, либо он забыл реализовать сему *превышения суммы* посредством добавления прилагательного шве. *drygt*, то есть *skickat över drygt trettiofem miljarder*. Кроме того, возможно стратегия переводчика включала в себя реализацию глагола в одном из его наиболее употребительных значений без частицы шве. *över*, а сема *превышения* была передана с помощью предлога шве. *över*. В таком случае ошибки в переводе

нет, но возможность двойственного толкования синтаксиса высказывания на ПЯ приводит к риску неправильного понимания сообщения и формирования ложного представления об актуальной сумме денег, то есть к КН.

С проблемой опущения компонентов высказывания напрямую связан вопрос о синкретической полифункциональности единиц речи, характерной для устнопорождающего дискурса. В виду сегментации речевого потока, реализуемой в линейно-временной последовательности суперсегментными (интонационными) средствами «возникают специфические структуры, характерные только для устнопорождаемой речи, поддерживаемые за счет, например, полифункциональности союзов» [Поликарпов 2013: 76], а передача информации в устной речи происходит «ступенчатым, сукцессивным присоединением сегментов разного типа» [Там же]. Отсюда возникает «образование особых типов грамматических зависимостей внутри высказываний, показывающих как левостороннюю валентность (ретроспективные связи), так и правостороннюю (проспективные связи)» [Там же]. Отметим, что «сегменты, если их соотнести с общелитературными синтаксическими единицами, могут совпадать и с предложением, и со словосочетанием, и с группой слов, и с отдельным словом (даже незнаменательным)» [Лаптева 1980: 59].

Широкое применение в контексте сегментного, поступательного развития устнопорождаемого дискурса находит явление совмещения, которое составляет основу для проявления синкретической синтаксической полифункциональности устной речи. Совмещение выделяется в качестве одного из основных средств экономии в синтаксисе и определяется как «опущение компонентов <...> за счет как бы наложения их друг на друга, в результате чего они становятся общими для двух частей, образующих конструкцию» [Инфантова 1975: 20]. Под проблемой синтаксической полифункциональности может пониматься процесс аппликации, т.е. объединение двух предложений в одно, содержащее общий член, процесс «интерференции» двух или более структур [Пекарская 1995: 10], процесс «наложения» структур одна на другую [Лаптева 2000: 21], процесс «синтаксического стяжения, сращения двух смежных конструкций» [Каминер

1985: 156]. Однако, как совершенно справедливо указывает А.М.Поликарпов, «если «опущение компонентов», «эллипсис», «краткая структура» говорит о количественной экономии, то «совмещение» следует связывать в первую очередь с качественной экономией, поскольку в последнем наблюдается рационализация средств выражения, требующая меньшей затраты умственного напряжения» говорящего [Поликарпов 2013: 78–79]. Именно поэтому опущение компонентов в сегментах речи (эллипсис) представляет особую трудность для устного судебного перевода: в потоке сцепляемых друг с другом сегментов речи переводчику необходимо улавливать такие структуры, в которых восполнение недостающего элемента невозможно, а также распознать конструкции совмещения, предполагающих наложение участков двух или целых предикативных единиц друг на друга в пределах одного фрагмента дискурса (76-77):

(76) *Подсудимый:* первого / первого апреля я летел в Германию транзитом через Швецию

Переводчик: första april så flög jag till Tyskland / ää och / asså med transit / ää genom Sverige

Подсудимый: все билеты у меня были куплены и они у меня находятся // ээ / ээ / **два билета который идет Таллин-Стокголь и Стокгольм-Дюссельдорф это у меня в телефоне эти билеты находятся / там указано время и компания на которой я летел это была компания / ээ польских авиалиний**

Переводчик: ää / och ää / de här två biljetterna / dem / dem jar jag /asså det är / ää / dels biljetten Tallin-Stockholm och ää / dels då / ää / ää biljetten Stockholm-Dusseldorf / och ää/ och jag flög med polskt / ää / flygbolag

Подсудимый: и был также билет обратный /из Дии /из Германии в Таллин

Переводчик: ää / och det fanns också en biljett / ääm / ää en returbiljett från / ää Tyskland till / ää Tallin

КН в синтаксической плоскости высказывания (76) возникает между отправителем сообщения и переводчиком и выражается посредством непреднамеренных повторов шве. *dem / dem*, показателей вербального поиска в виде пустых слов шве. *asså* и *dels då* незаполненных пауз «/» и вокализацией нефонемных звуков –*ää*–. В основе КН находится затрудненная сегментация речевого потока отправителя в связи с дихотомией «экономия – избыточность» [Поликарпов 2013: 72–77] и одновременной реализацией этих тенденций устнопорождаемого дискурса в одном отрезке речи. Конструкции наложения, образующие грамматическое единство как с предшествующей, так и с последующей частью высказывания, представлены в примере в реплике подсудимого: рус. *они у меня находятся // ээ / ээ / два билета, у меня находятся [...] два билета [...] это у меня в телефоне, там указано время и компания на которой я летел это [...]*. В приведенном примере поступательный ход мысли проявляется посредством линейно-временной последовательности речевых знаков, что на этапе восприятия отрезка речи переводчиком означает «возможность неоднозначной предсказуемости продолжения высказывания» [Лаптева 1980: 59]. Представлены также структуры эллипсиса: рус. *два билета (на самолет – прим. А.Ф.) который идет Таллин-Стокголь и Стокгольм-Дюссельдорф*. Все это требует дополнительных ментальных операций по разчленению компонентов высказывания и взаимному соотнесению их внутренних связей для установления смысла всего сообщения.

Приведенная ниже реплика истицы (77) являет собой еще один пример, иллюстрирующий характерные для устной речи тенденции экономии и избыточности языковых средств, тенденции к расчлененности и синкретизму:

(77) *Истица:* это / было / давно // аэ / это случилось // с ней / давно **она сама / рассказывала / своим подружкам / потом // эти подружки / мама / мне рассказала об этом // но // она рассказала / и // как бы я расска- / ну как бы // мы вместе рассказали что он / этот сделал тоже когда ей / то ли 4 то ли**

5 лет было / папа / разозлился то что он / не убирает
игрушки / что Л. не убирает игрушки / иээ / взял ее и
положил в шэраллар / и // выключил свет

Переводчик: ja / det här var någonting som hände / eh / väldigt länge sen / som
hände med henne så hon hade berättat om det / för / för sina
väninnor och sen berättade mamma / eh // det för mig då // eh /
och då berättade hon / och jag / asså / vi berättade tillsammans /
eh / då / att det hände när hon va / 4 eller 5 år gammal / för /
pappa hade blivit arg på / L. / att hon inte plockar upp / eh /
leksaker // eh / efter sig / och / därför så hade han // eh / tagit
ner henne i källaren / stängt in henne där och sen / släckt ljuset

Выше рассмотрены явления опущения и совмещения компонентов высказывания на этапе порождения оригинального сообщения, но такие же приемы присутствуют в речи переводчика при вербализации перевода. Они обусловлены комплексными ментальными процессами, обеспечивающими выполнение перевода, а также необходимостью переводчика адаптироваться к непредвиденному развертыванию речи говорящего, другими словами – переводчик может начать речепорождение по одной грамматической модели, а в процессе перевода перейти к другой (54, 56, 58, 60), более подходящей модели. Он может пользоваться лексическими повторами при необходимости укрепить ретроспективные и кореференциальные связи между участками дискурса, уточнять соотнесенность компонентов между собой (67, 74), прибегать к самопрерыванию или к повторному переводу высказывания (71, 75, 76).

2.3.3 Типология коммуникативных неудач в синтаксическом измерении семиозиса

Причины КН в *синтаксическом измерении* рассмотрены в разрезе парадигматических и синтагматических отношений между знаками. Установлено,

что на *парадигматическом уровне* нарушение грамматической нормы языка зачастую не приводит к затруднениям в понимании смысла высказывания: ни со стороны переводчика (46-47), ни со стороны реципиента перевода (48-54). Обнаружены примеры того, когда удельный вес грамматических неточностей на одну единицу высказывания достигает высокого уровня и приводит к возникновению КН (58, 82).

Ряд причин КН синтагматического плана был выявлен на основе классической типологии средств когезии. Исследование показало, что причиной КН может выступать неоднозначность толкования анафорической референции: 1) в виду использования определенной формы существительного (60); 2) в виду использования дейктического местоимения (61); 3) в виду использования дейктического наречия (62). КН также может быть вызвана проспективной проекцией: 1) когда использование лексемы не соответствует предметной ситуации и реципиент (зачастую переводчик) не может соотнести лексему с ее денотатом (см. 64-66); 2) при многозначности новой по отношению к вербализованному ИТ лексемы (70). С учетом линейно-поступательного характера устной речи, соответственно, прием лингвистического прогнозирования не всегда может предотвратить возникновение КН.

Причиной КН может стать нарушение коллокации посредством: 1) нарушения правила совместной встречаемости лексических и грамматических единиц высказывания (72); 2) использования метонимии (73).

Кроме того, КН может быть вызвано: 1) неполнотой синтаксической конструкции (опущение, стяжение, эллипсис – см. 74-75); 2) синтаксической полисемией (конструкции совмещения, наложение – см. 76-77).

2.4 Прагматические параметры коммуникативных неудач

В практической главе исследования мы остановим наше внимание лишь на некоторых наиболее типичных для прагматического измерения аспектах КН.

Рассмотрим следующие причины: 1) несовпадение коммуникативных установок, интенций коммуникантов (на примере речевой техники рефрейминга); 2) несовпадение картины мира, видения окружающей действительности, несовпадение мировоззрения; 3) различия между ЯЛ коммуникантов.

2.4.1 Рефрейминг

Обратимся к нескольким примерам КН в контексте применения речевой техники рефрейминга. Рефрейминг буквально означает «вставить в новую рамку (ту же картину), вставить в ту же рамку новую картину, заново приспособить, по-новому формулировать» [Бендлер 1995: 3]. Другими словами – это некая «подмена понятий» с целью представить свою версию известным процессу событий. В литературе по НЛП традиционно выделяют два вида рефрейминга – содержательный (или смысловой) и контекстный. Рассмотрим сначала содержательный рефрейминг, который «позволяет сменить картину, не меняя ее ‘рамки’» [Там же: 4]. Обратимся к трехчастному транскрипту (78), отражающему репетитивные по содержанию и коммуникативной направленности речевые фрагменты в ходе слушания дела о краже в магазине запчастей:

(78) *Прокурор:* och så stannar ni här / för att // att gå på toaletten / och se om det fanns några **verktyg** som **du behövde** / är det korrekt ?

Переводчик: Вы остановились именно там / чтобы зайти в туалет и одновременно посмотреть может **инструменты** / которые **Вам необходимы** здесь есть / [правильно] ?

Подсудимый А: [В.] / получилось шо // ээ // сказал шо вот здесь / он именно забил в навигации / тот / магазин // и сказал что там есть инструмент / который / **нам на- / нужен был** // [не нам] /

Переводчик: [aah]

- Подсудимый А:* он там нужен был / **для автомобиля**
- Переводчик:* det var V. / som programmerade / i sin GPS/ just den här butiken / han sa att där kan man köpa / verktyg som **vi behöver** / ah / **till våran bil**
- Прокурор:* ok // men både **du och V. behövde** verktygen ?
- Переводчик:* то есть / **и вам нужны были инструменты/ и В. правильно ?**
- Подсудимый А:* **не** / ну я просто хотел посмотреть так как у меня до- / ээ / денег не было в основном / то // В- / ну тут получается / у Ви- у В. все деньги были / **мне особо ниче не надо было** такого шо
- Переводчик:* **nej inte jag** / jag skulle bara titta / jag hade inte / några pengar med mig / V. hade ju all penga / och **jag behövde inget** särskilt
- Прокурор:* mm Ok
- [...]
- Прокурор:* du gick runt med sån här / nykel under en längre tid / var det inte **du som skulle ha** den ?
- Переводчик:* а вы с таким ключом ходили / долго / **это не для себя / не для Вас?**
- Подсудимый А:* а / этот ключ // нужен был **для автомобиля** / потому я его держал в руках // для / В. говорит держи его / шоб мы его / ну / нигде не забыли
- Переводчик:* ah / den här nykeln **behövdes till bilen** / och det är därför / det är därför som jag hade den i handen V. sa till mig / se till att // vi inte glömmet den / någonstans
- [...]
- Прокурор:* eeh / är det korrekt / att **du behövde en skiftnyckel?**
- Переводчик:* **вам нужен был** разводной ключ ? правильно?

Подсудимый А: **не ну / нам нужен был / ээ / так-э / вот такого плана**
большой ключ / но шоб / чтобы он / ээ / согинался в // в
одном / ну / в несколько положений / там / есть там
специальный ключ такой

Переводчик: **nej vi behövde en nyckel / liknande eeh / den hära stora**
nyckel fast / eeh // en sån som / lite speciell att man kan /
böja / till olika // positioner

Прокурор: **ni behövde** det / är det / riktigt ?(синтагматическое
ударение на слове «ni» – А.Ф.)

Переводчик: **Вам нужен был?** (синтагматическое ударение на слове
«Вам» – А.Ф.)

Подсудимый А: **в машину** нужен был / **для машины** нужен был

Переводчик: **till bilen / rättattsäga**

Пример (78) включает в себя КН ввиду непонимания между прокурором и подсудимым, преследующими разные коммуникативные цели. Соответственно, мы наблюдаем пример интерпретационного диалога. Типичным для перевода устного судебного дискурса является отсутствие у переводчика предварительного доступа к полному тексту, а значит, отсутствие возможности провести полноценный анализ текста на стадии предпонимания. В то же время переводчик принимает во внимание институциональные характеристики судебной речи (см. раздел 1.3.3): устность, спонтанность, асимметрию коммуникативных ролей.

В качестве представителя института правосудия прокурор занимает доминирующее положение и контролирует коммуникативные цели диалога для того, чтобы обеспечить успешность собственной ораторской позиции. Предмет общения (разводной ключ, вынесенный из магазина) и границы реплик четко определяются прокурором. Цель прокурора состоит в том, чтобы получить ответ, поддерживающий намеченную им линию агональной аргументации. Заметим, что план содержания в вопросах прокурора не меняется, а план выражения изменяется необходимое количество раз в соответствии с заданной целью. Управление коммуникацией неравноправно – процессуальная роль подсудимого,

например, не предоставляет возможности задать встречный вопрос прокурору, в отличие, например, от ситуации бытового общения. Судебный процесс протекает «в определенных ритуальных фазах, к которым относятся завязка (вступительное слово судьи), нарастание (рассмотрение материалов дела), кульминация (прения сторон), развязка (вынесение приговора)», а также согласно «институционально закрепленных формул обращения к суду» [Казакова 2018: 52]. Нарушение участниками коммуникации «ритуальных правил общения вызывает понижение их статуса в коммуникативном событии» [Там же]. Таким образом, «непринужденность» устного диалога как бы исчезает.

Фрагмент из судебного перевода (78) иллюстрирует способность подсудимого А. варьировать способ языкового представления реального события. Ограниченный во времени и пространстве, он учитывает реакцию прокурора на свои реплики и проявляет упорство в убеждении его в том, что ключ был «нужен автомобилю». Подчеркнем, что «установка на состязательность вынуждает участников судебного общения производить *постоянную оценку* ситуации и *изменять элокутивную организацию* судебного диалога» [Там же: 53]. Экспромтность речи подсудимого является результатом позиции «защиты», поскольку его реплики всегда представляют собой ответ на реплики прокурора.

Рассмотрим подробнее коммуникативные установки участников судебного диалога. Прокурор преследует цель выявления потенциального исполнителя преступления, он заинтересован в том, чтобы установить, у кого из двоих подсудимых была необходимость в приобретении разводного ключа, который впоследствии был вынесен из магазина без оплаты. Интенция подсудимого А. состоит в том, чтобы отвести подозрение от себя и своего напарника при вскрытии инкриминирующих обстоятельств.

Речевой инструментарий подсудимого А. определяется приемом смены фокуса – рефреймингом, который реализуется посредством осознанного отбора информации и ее последовательного повторения. Подсудимый А. включает в свою речь лексему «автомобиль» в качестве субъекта действия, т.е. в качестве «пользователя» ключа: 1) рус. *там есть инструмент / который / нам на- / нужен*

был // [не нам] / он там нужен был / для автомобиля; 2) рус. ключ [...] в машину нужен был / для машины. Подсудимый убирает себя и напарника из логической связки с украденным ключом, создавая ассоциацию между разводным ключом и автомобилем и умаляя собственную заинтересованность в репликах: 1) рус. не / ну я просто хотел посмотреть; 2) рус. мне особо ниче не надо было такого шо. Напомним, что реципиентами агональной речи подсудимого являются не только прокурор, но и судья, присяжные заседатели, а также аудитория, присутствующая на заседании. Обратим внимание на то, что подсудимый часто избегает прямого ответа на вопрос, реализуя уклончивость посредством реплик: рус. *получилось шо //<...>, не / ну я просто хотел посмотреть, мне особо ниче не надо было такого шо, не ну / нам нужен был / ээ / так-э /<...> есть там специальный ключ такой.*

Контекст (кража ключа) в воображении слушателя остается неизменным, но подсудимый А. как бы «вытесняет» себя и подсудимого В. из предложенной прокурором «картинки». Вследствие подмены содержания, – замены картинка, – видение поведения подсудимого меняется. Без заинтересованности в использовании ключа, поведение подсудимого в магазине не кажется подозрительным. Доводы прокурора предстают в качестве несостоятельных, что разрушает его линию аргументации.

При инициальном переводе реплик подсудимого А. от переводчика ускользает та тонкая грань между субъектами действий, в существовании которой подсудимый хочет убедить суд. Однако, восприятие «автомобиля» в качестве самостоятельного субъекта действий не соответствует юридическому контексту. По этой причине переводчик сначала не распознает прием рефрейминга и как бы «корректирует» эту неточность, конкретизируя рус. *он там нужен был для автомобиля* посредством лексического дополнения шве. *som vi behöver / ah / till våran bil* (досл. рус. нам необходим был для автомобиля). По-видимому, по той же причине переводчик эксплицитно выражает подразумевающееся «отрицание» шве. *nej inte jag* (досл. рус. нет, не мне). Строго говоря, такая передача содержания ИТ является отступлением от нормы перевода, поскольку эксплицитное отрицание является результатом интерпретации переводчиком

смысла ИТ, основанной на ошибочном впечатлении об интенции отправителя сообщения. В пользу такого толкования говорит то, что подсудимый А. использует фразу рус. *не / ну* в качестве хезитатива, чтобы за это время сориентироваться в разговоре, понять интенцию прокурора и просчитать, как он может ее отразить.

Подсудимый смещает фокус внимания, указывая на «автомобиль» в качестве семантического субъекта действия и перемещая его на первый план: 1) рус. *а / этот ключ // нужен был для автомобиля*; 2) рус. *в машину нужен был / для машины нужен был*. КН возникает потому, что в юридической действительности такая подмена содержания не является допустимой. Ведь автомобиль не обладает правосубъектностью и не может нести ответственность за совершение кражи. В итоге реализация интенции прокурора претерпевает неудачу. Чтобы подчеркнуть контраст смыслов, заложенных в одну и ту же предметную ситуацию процессуальными противниками, переводчик делает стилистическое добавление шве. *rätt att säga* (досл. рус. *точнее говоря*) в последней реплике подсудимого.

Другим наглядным примером использования техники рефрейминга в речи подсудимого является случай подмены контекста, иными словами – «замены рамки, не меняя ‘картины’» [Бендлер 1995: 4], то есть *контекстный рефрейминг*. В примере (40) подсудимый осознанно прибегает к отбору и конструированию собственной предоставляемой адресату «рамки». Его цель – повлиять на интерпретацию контекста проблемного события, презентовать диаметрально противоположную оценку инкриминирующих его фактов по делу, «вытеснить» из коммуникативного пространства судебного дискурса аргументы оппонента. Предметная ситуация заключается в использовании заведомо ложного документа, а также получении удостоверения личности на основании ложных сведений. Посредством замещения конкурирующих выводов оппонента своими интерпретациями, комментариями, объяснениями, оправданиями и аргументами, позиционируемыми как правдоподобные и обоснованные, подсудимый пытается дать установленным фактам другую интерпретацию, то есть перевести инкриминирующие его деяния (предоставление ложных и фальсифицированных

документов в целях получения шведского удостоверения личности) из класса противозаконных в класс законных.

Новая рамка подменяет существо установленных обстоятельств дела, и вместо фактической соотнесенности вводит оценочную (опираясь на мнение подсудимого), что напоминает парадокс Мура [Доронина 2009: 31]. Оценочная позиция подсудимого такова: «да, в документах указано другое имя (*факт*), но мне никто не сказал, что они фальшивые (*мнение - я не считаю их фальшивыми*)». Несмотря на абсурдность этого высказывания, оно: 1) может быть правдой (подсудимому действительно никто этого не сказал), 2) логически последовательно (если документы выдали в уполномоченном учреждении, то они не могут быть фальшивыми). Смена рамки требует вовлечения аффективного аспекта восприятия: «персуазивное воздействие предполагает достижение желаемой цели через убеждение с опорой на рациональное обоснование, не исключая, но, наоборот, *предполагая и учитывая эмоционально-оценочные средства воздействия*, то есть субъективные факторы» [Чернявская, Логинова 2005: 65]. Агональность диалога прокурора и подсудимого развивается по линии *очевидной противоречивости* утверждения (третий признак парадоска Мура).

Проиллюстрируем попытки подсудимого «поменять рамку», дать противоречивости другое объяснение (40): 1) / *на счет этих данных / я не знаю насколько они вымышленные или ложные*; 2) э / *да я предъявляю паспорт / ээ // не зная что он фальшивый*; 3) *мне дают нааэ // шведское айди // настоящее / и тогда у меня как бы сомнений вообще / не возникает / воэ / в подлинности этого паспорта документа*; 4) *когда я эти документы делал / то как бы мне там не говорили / что они там фальшивые или не фальшивые*; 5) *когда я получил этот / э / першунномер // то // я как бы / у / меня появилась какая-то уверенность / что // как бы эти документы / более менее реальные / какие-то*; 6) / *но мне нужны были какие-то документы / чтоб тут / нормально работать*; 7) *вести более менее / ээ / жизнь / нормальную // потому что / по белорусским документам я не- / не мог этого всего сделать*. С юридической точки зрения данные высказывания кажутся нелогичными, абсурдными, нерелевантными. С другой стороны, они могут сбить

слушателя с толку, и в зависимости от уровня образованности и логического мышления, кругов общения, юридического кругозора, дискурс-субъектности, стереотипов и т.д. реципиент может реагировать в большей или меньшей степени по задаваемому подсудимым (а не прокурором!) вектору мышления.

Нижеприведенные фрагменты транскрипта речи подсудимого демонстрируют техники манипуляции разговором – уклонение от ответа и использование двусмысленных, неясных формулировок с целью смещения фокуса разговора: 1) *ээ // я щас ничего не утверждаю*; 2) *Вы пользовались / этим именем и фамилией ? – аа // в Швеции // ахм / я / получил першунномер*; 3) *я никаких шагов не предпринимал*; 4) *личность / по имени С.Б. / это // не Вы ? – // // а я // не очень понимаю его вопрос // эхм*; 5) *// ээ / нет / я П.М. // но / когда-то / у меня были данные на // С.Б.*; 6) *эхм // личность / С.Б. / я пользовался этой личностью.*

Рефрейминг и НЛП рассматриваются в контексте основ построения убедительной речи в суде [Мельник, Трунов 2014; Лазарева, Шестакова 2018]. В примере (40) КН обусловлена «естественным и *сознательным* стремлением адресанта сформировать соответствующую замыслу и задаче речи позицию адресата» [Пригарина 2015: 273]. Она многократно повторяется в ходе диалога до тех пор, пока подсудимый не признает свою личность как *на самом деле / П.М. / а вовсе не этот человек* (а не указанный в документах С.Б. – А.Ф.), верифицируя, тем самым, аргументацию прокурора.

2.4.2 Картина мира и языковая личность

Рассмотрим КН на почве различий в картинах мира участников коммуникации, в данном случае – отправителя оригинала сообщения и переводчика. В связи с особенностями синтактики актуального отрезка речи свидетеля возникает неоднозначность толкования цепочки последовательных смыслообразующих элементов высказывания (79):

- (79) *Прокурор:* och hur har / hur har // kan du beskriva / närmare om /vad du vet / hur deras relation har varit ?
- Свидетель* хми – ne – ne – nej / men jag vet inte / men det är så att // jo /
(*посмеиваясь*): hon fick inte // jo / det är med kläder / den va // haft diskussioner / och
- Прокурор:* vad tänkte du om det / då ? // att hon inte fick ha / kjol på sig / till exempel
- Переводчик:* что / [Вы считали / что это]
- Прокурор:* [eller vad] tycker du om det ?
- Переводчик:* и вообще / у Вас была / какое-то свое мнение об этом ?
- Свидетель:* кхм-кхм / на меня подобные отношения / тоже точно также давили для меня / я **не считаю** что / это как бы / **для меня кажется / это / приемлемым**
- Переводчик:* även jag / hade blivit utsattför samma påtryckningar / i min relation / och **jag tycker inte att det är // eh / acceptabelt**

В данном фрагменте транскрипта (79) показана реплика свидетеля *кхм-кхм / на меня подобные отношения / тоже точно также давили для меня / я не считаю что / это как бы / для меня кажется / это / приемлемым*, которая обладает синтаксической полифункциональностью. Полифункциональность возникает вследствие того, что словосочетание рус. *это приемлемым* может согласоваться как с вычленением фразы рус. *я не считаю* на основе ретроспективной проекции (т.е. *я не считаю + это приемлемым*), так и с формированием смыслового каркаса на основании проспективной проекции и словосочетания *для меня кажется* (т.е. *это приемлемым + для меня кажется*), в равной степени соблюдающей коллокацию в соединении с искомой единицей. Таким образом, смысл данной реплики может быть сведен, с одной стороны, к тому, что *свидетель не считает поведение, характеризующее такие отношения, приемлемым*. С другой стороны, смысл может быть диаметрально противоположный – в связи с собственным опытом подобных отношений, *свидетель не видит в таком поведении ничего противоестественного*, наоборот,

ей *кажется это приемлемым*. Мы можем предположить, что переводчик мог не уловить такой двусмысленности в связи с тем, что поведение, о котором идет речь – ограничение личной свободы женщины, наложение строгих рамок в вопросе выбора одежды и других действий, возможное рукоприкладство со стороны подсудимого, – не может быть охарактеризовано в качестве «приемлемого» в рамках его мировоззрения, его картины мира. Напомним, что «речевое поведение переводчика обусловлено его психоментальными характеристиками, его принадлежностью к определенной культуре» [Юдина 2018: 174]. Таким образом, выделение смысла высказывания идет по пути приоритетности того сценария, который не противоречит «естественности» восприятия мира переводчика, т.е. согласуется с его мнением о том, какой смысл является наиболее вероятным.

Отметим, что в данном примере показана скрытая КН, поскольку налицо несоответствие между смыслом ИТ и смыслом, переданном в ПТ. Возможно, это обстоятельство вскроется позже. Однако на момент речи потенциальное «искажение» смысла (в случае неверного выбора переводчиком) имеет существенное значение для рассмотрения дела, поскольку показания свидетеля должны быть оценены со стороны суда (о важности оценки показаний свидетеля см. в разделе 1.3.4). Если свидетельница заявляет о том, что рукоприкладство имело место в ее прошлых отношениях, и она «считает это приемлемым», то степень весомости и доверия к ее показаниям в части описания того, что ей было известно по поводу отношений между подсудимым и потерпевшей, может значительно снизиться. Верно и противоположное: если свидетель заявляет, что физическое насилие в близких отношениях для нее является «чем-то неприемлемым», то разумно предположить, что применение насилия со стороны подсудимого в адрес потерпевшей не осталось бы незамеченным и не было бы сокрыто посредством уклонения от дачи показаний со стороны этого самого свидетеля. Важно понимать, что данный пример отражает не факт отсутствия непосредственно самой КН, а лишь отсутствие «видимого эффекта КН», ее осознания участниками коммуникации – потому она признается скрытой.

Отсюда следует важный для нас вывод о соотношении между «ошибкой» в

переводе и возникновением КН. В прагматическом измерении семиозиса возможная неточность или ошибка в переводе не всегда вызывает возникновение явной КН. Как показывает сопоставительный анализ материала исследования, верно и противоположное – явная КН может возникать даже в том случае, когда выполненный перевод не обнаруживает несоответствий, неточностей или грубых ошибок. Прагматический параметр ЯЛ, вызывающий КН, может быть проиллюстрирован в следующем транскрипте (80):

(80) *Прокурор:* och du har ingen förklaring till hur de har uppkommit då heller /
[om jag förstår dig rätt]

Переводчик: [то есть] / и Вы объяснить не можете / откуда они [взялись]

Подсудимый: [ну конечно]!

Переводчик: nej

Подсудимый: [из-за этого] я / думал / столько лет месяц / ни ни даже // как
это можно появиться / понимаете?

Переводчик: jag har tänkt själv / varifrån kunde de komma

Ответ подсудимого рус. *ну конечно!* не однозначен. Не исключено, что подсудимый имеет в виду фразу *ну конечно не могу*, такой ответ соответствует цели защиты его интересов. Он также мог иметь в виду, что он – *ну конечно!* – может дать разумное, достоверное, логичное или оправдывающее его объяснение, что также находится в его интересах. Такой краткий ответ подсудимого на развернутый вопрос прокурора может указывать на его идиостиль, быть признаком его ЯЛ, не совпадающей с ЯЛ переводчика. Несмотря на двойственность толкования смысла высказывания на ИЯ, в переводе она заменяется однозначным отрицанием шве. *nej* (досл.рус. *нет*). Однако мы не обнаруживаем маркеров явной КН.

2.4.3 Типология коммуникативных неудач в прагматическом измерении семиозиса

Через призму коммуникативно-прагматического видения манифестации КН посмотрим на примеры приведенных в теоретической главе разновидностей КН, ранжируемых по признаку: 1) обязательность (см. 42, 60, 61-62, 64, 66-71, 78) / факультативность; 2) явность / отсроченность (скрытость); 3) предсказуемость / непредсказуемость; 4) отвратимость / неотвратимость.

Возникновение КН (отсроченного) можно считать факультативным в тех случаях, когда неясно, была ли допущена неточность или ошибка в переводе, т.е. в «пограничных» случаях (79-80). Признак «явности или отсроченности» определяется с точки зрения очевидности возникновения КН между коммуникантами. В судебном дискурсе появление отсроченности КН может также во многом быть обусловлено институциональным характером коммуникации, т.е. регламентированной меной ролей и чередованием монологической речи в начале допроса и диалогового общения после, возможности при помощи «обратной связи» как бы сигнализировать о случившейся ранее КН.

Ниже представлен транскрипт, демонстрирующий отсроченную КН:

(81) *Истица:* она всегда когда уходит к папе / она делает / видео снимает сама / видео в своей комнате а потом мне дает / говорит вот / **чтоб ты не скучала / вот будешь** смотреть / ээ / на это видео [что я наснимала]

Переводчик: [mm] / varje gång / när hon // eh / eh / lämnar och går till pappa / så gör hon en video på inspelning / och l- / lämnar den till mig och / och säger / **ska du ju ha / eh / ska du ha tråkigt / så kan du titta på den**

Для передачи на шведский язык фрагмента рус. *чтобы ты не скучала / вот будешь* переводчик использует шве. *ska du ha tråkigt / så kan du* (досл. рус. *если тебе будет скучно / то ты можешь*). Несоответствие наблюдается в последовательности условно-логической цепочки действий в описываемой

речевой ситуации на русском языке: предотвращение наступления состояния скуки путем выполнения действия – *просмотра видео*. В переводе на шведский язык эта последовательность действий меняется и предстает в качестве логической цепочки: *соскучишься – тогда посмотришь*, предусматривающей появление состояния скуки в качестве предпосылки для просмотра видео. Строго говоря, в переводе допущена неточность, которая может определить искажение информации, заложенной в оригинале сообщения, в качестве латентной, отложенной КН. Выражение рус. *чтобы ты не скучала* можно также толковать, исходя из другой семантики глагола рус. *скучала* – в значении рус. *скучать о ком-то* (шве. *sakna*), т.е. *чтобы ты обо мне не скучала*. Такая трактовка возможна на основании эллипсиса, и в этом случае налицо не просто неточность в переводе, а ошибка перевода. Явные КН, напротив, поддаются идентификации очень легко благодаря маркерам КН, подробно рассмотренным в теоретической главе исследования (см. раздел 1.4.2). Остановимся на двух примерах (82-83):

- (82) *Адвокат отв.:* sen var det en händelse till / som du polisanmälde
Переводчик: и / потом было / еще / одно случай / за который вы сделали полицейский / заявление
Истица: ээ / это вот / то что // **что имеет в виду он ?**
- (83) *Адвокат отв.:* ser ser du någon risk / för barnet / när du gör en sån här / videoinspelning?
Переводчик: вот когда Вы делаете такую запись с ребенком / Вы не- Вы не видите здесь / какой-то опасности риска?
Истица: // **я не понима- не поняла / вопроса**
Переводчик: **jag / förstår inte din fråga**

В обоих семических актах присутствуют маркеры явной КН, выраженные вопросом рус. *что он имеет в виду?* и утверждением рус. *я не поняла вопроса*.

Параметр предсказуемости / непредсказуемости надлежит понимать следующим образом. При реализации предсказуемых КН адресант (в т.ч. переводчик в роли источника сообщения на ПЯ) может располагать знаниями о наборе черт характера или других личностных характеристиках адресата, которые

вливают на процесс и результат коммуникации (приводят к несовпадению иллокутивного и перлокутивного значений). Соответственно, переводчик способен предсказать поведение и реакцию адресата в определенной ситуации («нулевой перлокутивный эффект») и приостановку дальнейшего развертывания коммуникации, то есть возникновение КН. Проиллюстрируем фрагментом допроса подсудимого (84), где прокурор констатирует факт получения паспорта подсудимым и задает в связи с этим вопрос о процедуре его получения:

(84) *Прокурор:* vart gick du?

Переводчик: **в какой государственный орган / Вы обратились?**

Перед нами пример того, когда переводчик распознал предсказуемую КН на стадии «перекодирования» сообщения, и изменил его внешнюю форму шве. *vart gick du* (досл. рус. *куда Вы пошли?*) на рус. *в какой государственный орган Вы обратились ?* на ПЯ с целью избежать возникновения КН. Предотвращение «предсказуемой» КН происходит благодаря юрислингвистической компетенции переводчика, а также знанию менталитета и культуры речевого общения русскоязычных реципиентов. Параметр «отвратимость / неотвратимость» предусматривает возможность переводчика предвидеть возникновения КН, другими словами, – если переводчик не обнаруживает «двойственности» смыслов в переводимых отрезках речи (как в примерах 65, 74-75, 79-81), соответственно не может быть и отвратимости КН. Однако в случаях, когда переводчик может спрогнозировать наступление КН, он не всегда имеет право ее предотвратить.

Изучение КН в устном судебном переводе позволяет рассматривать причины их возникновения в ракурсе четырех измерений семиозиса, в качестве мономерных или многомерных образований. Исследование выявило мономерные КН, т.е. сугубо: перцептивные (7-9), семантические (35-36, 38 и др.), синтаксические (46-47 и др.), прагматические (78). Обнаружена многомерность причин КН в виду взаимодействия: 1) перцептики и семантики (23, 33, 41); 2) перцептики и синтактики (13, 20, 71 и др.); 3) семантики и синтактики (37, 39-40, 60, 81 и др.); 4) семантики и прагматики (84); 5) синтактики и прагматики (79-80).

Выводы по главе 2

На основе проведенного анализа языкового материала и выявленной лингвосемиотической типологии причин КН можно сделать следующие выводы.

Характерным для *перцептического* измерения семиозиса устнопорождаемой судебной речи является возникновение КН на стадии восприятия и опознания перцептом переводчиком. В качестве главного лингвосемиотического параметра, находящегося в фокусе внимания переводчика, рассматривается перцептическое декодирование, т.е. соотнесение услышанной фонетической формы знака с его акустико-моторным прообразом и смыслом, возникающем в сознании отправителя. В устном судебном переводе перцептивный код следует считать первичным, воздействующим на все остальные измерения семического акта, придающим им свойство внутренне присущей неоднозначности. Ошибочный выбор лексемы в ПТ вследствие КН не всегда влечет за собой возникновение КН при восприятии перевода реципиентом.

Возникновение КН в *семантическом измерении* устного судебного перевода ввиду актуализации семантики *общеупотребительной лексики* обнаруживается на стадии восприятия ИТ переводчиком. Основной причиной возникновения КН в ракурсе рассмотрения семантики является недостаточная экспликация информации и, как следствие, появление вариативности в интерпретации высказывания. Чтобы не допустить возникновения КН на этапе восприятия сообщения получателем перевода, переводчик должен прибегать к анализу денотативного аспекта семантики, привлекая широкий контекст и ситуативную обусловленность переводимого отрезка речи, обращать внимание на случаи межъязыковой лексической омонимии и полисемии, языковых заимствований, типологические различия между контактирующими языками, а также разное функционирование слов в пределах семантического поля ИЯ и ПЯ. Перевод общеупотребительной лексики посредством нерекуррентных соответствий на ПЯ

в большинстве случаев не приводит к КН на стадии восприятия ПТ вне зависимости от дискурс-субъектной принадлежности реципиента перевода.

Функционирование *юридической терминологии* предопределяет повышение риска КН тогда, когда реципиентом перевода является субъект-юрист. Особой сложностью, способной вызвать КН, характеризуются терминологические коллизии, отсутствие однозначного соответствия на ПЯ, семантические расхождения между терминами на ИЯ и ПЯ в рамках различных правовых и терминологических систем. Риторика субъекта-юриста всецело направлена на достижение максимальной точности формулировок. Такая прямая зависимость от терминологической точности каждого элемента речи представителя юридической профессии и использования терминов в речи оппонента обуславливает повышенное внимание субъекта-юриста именно к переводу юридических терминов. Переводчик должен быть готов к тому, что реципиент-юрист предельно чуток к любым неточностям, несоответствиям, расхождениям в переводе. Особое внимание в связи с этим должно уделяться прагматическому измерению семиозиса, поскольку несовпадение текста перевода с пресуппозициями и ожиданиями субъекта-юриста вызывает появление КН.

Сопоставительный анализ ИТ и ПТ в устном судебном переводе показал, что при *переводе специальной терминологии из других областей знаний* прослеживаются тенденции, схожие с переводом общеупотребительной лексики. По-видимому, когда субъект-юрист находится за пределами области его специальных знаний, он занимает такое же положение по отношению к специальной неюридической терминологии, какое субъект-неюрист занимает по отношению к юридической терминологии. Другими словами, субъект-юрист не обладает необходимым когнитивным багажом за пределами юридической концептосферы для оценки точности и эквивалентности терминологии в той степени, в которой он обладает им в сфере юриспруденции. Можно предположить, что реципиент перевода от раза к разу оценивает значимость поступающей ему информации и, исходя из этого, либо сигнализирует о непонимании, либо «игнорирует» КН. Определить, насколько часто возникают и

насколько явно проявляются КН при переводе специальной терминологии из других областей знаний довольно сложно.

Явные КН в семантическом ракурсе наблюдаются на этапе восприятия отрезка речи переводчиком. Поскольку в обязанности переводчика входит перевод «всего того, что сказано», то возможности «проигнорировать» элемент дискурса, вызвавший непонимание или недопонимание, он не имеет. Реципиент перевода, со своей стороны, всегда располагает таким выбором, а потому не каждое нарушение коммуникации выражается открыто. Другим предопределяющим фактором возникновения КН на стадии восприятия сообщения реципиентом перевода является та роль, которая предписывается ему процессуальным статусом в ситуации общения. Поскольку субъектам-юристам в институциональном дискурсе предоставляются бóльшие права в вопросе управления судебным диалогом, субъект-неюрист, скорее, полагается на то, что все «важные» для него неточности в коммуникации обнаружит субъект-юрист. И, напротив, гипертрофированное отношение к КН характерно для субъекта-неюриста, в интересы которого входит нивелирование риторики процессуального оппонента, а зачастую и запутывание судебного следствия. Во многих случаях семантическая составляющая в КН представлена не обособленно, а во взаимодействии с другими измерениями лингвосемиотики.

В *синтаксическом измерении* нарушения синтагматического плана высказывания представляют собой ошибочную, неточную или произвольную реализацию ретроспективной или проспективной проекции в ходе развертывания судебного дискурса. Это вызывает поливариативность смысла высказывания или, наоборот, невозможность извлечения смысла ввиду неполноты сведений, предоставляемых отправителем сообщения. Нарушение проекции возникает при использовании эллиптических конструкций с импликацией невербализованных смыслов, а также при невозможности однозначно установить референта в случаях использования указательной, личной и сравнительной референции.

Необходимо обратить особое внимание на случаи нарушения коллокации, вызывающие противоречие элементарных смыслов и затрудняющие понимание

смысла высказывания. Как показывает проведенный анализ языкового материала, значительная часть КН в измерении «синтактика» наблюдается тогда, когда в роли реципиента сообщения выступает переводчик.

Семантически пустые элементы в виде редундантных вкраплений фоно-синтаксического характера типа рус. *ну то шо* не приводят к возникновению КН. Высокая адаптивность головного мозга позволяет реципиенту нейтрализовать заполненные пустыми словами паузы вербального поиска.

Проведенное исследование подтвердило тесную связь между синтаксическими отношениями знаков (посредством дейктики) и пользователем знака, т.е. с *прагматической* составляющей коммуникативного акта. Пользователь знака, осознанно или бессознательно управляющий выбором средств выражения синтаксических отношений между знаками, представляет собой *прагматическую переменную речевого акта*. В рамках исследования установлены три основные причины КН: 1) несовпадение коммуникативных установок, интенций коммуникантов; 2) несовпадение картины мира, видения окружающей действительности, несовпадение мировоззрения; 3) различия между ЯЛ коммуникантов. Переводчику рекомендуется проявлять особую осторожность в тех случаях, когда отправитель сообщения избегает прямого ответа на вопрос, уклоняется, использует техники содержательного и контекстного рефрейминга.

На основе сопоставительного анализа языкового материала был введен дополнительный параметр типологии прагматических характеристик КН по линии «отвратимости / неотвратимости» их возникновения. Проявление КН отчасти зависит от выполнения условия их «предсказуемости», а в дальнейшем регламентируется нормами судебного перевода и профессиональной этики.

Изучение КН в устном судебном переводе позволяет рассматривать причины их возникновения в ракурсе четырех измерений семиозиса, в качестве мономерных или многомерных образований. Исследование выявило многомерность причин КН в виду взаимодействия: 1) перцептики и семантики; 2) перцептики и синтактики; 3) семантики и синтактики; 4) семантики и прагматики; 5) синтактики и прагматики.

Заключение

В представленном исследовании рассматривается типология и проводится анализ причин КН в разрезе лингвосемиотических измерений перевода устной судебной речи. Резюмируя результаты исследования, остановимся подробнее на четырех дискуссионных вопросах.

1. КН и ошибка перевода

С опорой на результаты анализа языкового материала констатируем, что понятия «*ошибка перевода*» и «*КН*» не всегда тождественны друг другу. В исследованных коммуникативных ситуациях были обнаружены обстоятельства, когда допущение небольшой неточности или существенной ошибки в переводе не вызвало явную КН. С другой стороны, возникновение КН может наблюдаться вопреки выполнению адекватного и эквивалентного перевода, например, на этапе восприятия и извлечения смысла высказывания реципиентом ПТ.

Роль нейтрального и независимого языкового посредника в устном судебном переводе предписывает переводчику сохранение КН, возникших вследствие несовершенства коммуникации между говорящими, в ущерб «гармоничности» перевода. Вместе с тем, отсутствие явных признаков КН при несовершенном переводе не гарантирует успешность коммуникации. Такие случаи свидетельствуют не об отсутствии самой КН, а о нереализованности ее безотлагательного «эффекта» (в таком случае реализуются скрытые КН, которые выявляются на более позднем этапе коммуникации).

2. КН и ее параметр «неотвратимость»

Очевидно, что чем выше компетенция переводчика, тем меньше риск возникновения КН. Однако, исследование показало, что не во всех измерениях лингвосемиотики и не по всем типам причин КН возможно ее предотвращение. К примеру, даже самый квалифицированный и опытный переводчик не может предугадать использование авторских окказионализмов (рус. *тусспеларе*, *шэраллар*, шве. *igenmentaliteter*), предвосхитить фразовую омонимию звучащей речи (рус. *она мне хочешь – а нам не хочешь*), заранее просчитать все возможные

случаи синтаксической полисемии или компенсировать разницу пресуппозиций отправителя и реципиента сообщения. Переводчик не может гарантировать отсутствие КН в устном судебном переводе ввиду вариативности его лингвосемиотических характеристик.

Облигаторность и неотвратимость КН означает для судебного переводчика необходимость быть готовым к решению сложных переводческих задач в режиме реального времени, невозможность «застраховать» себя от осечек в переводе, владение навыком дирижирования речевыми потоками в случае появления КН на этапе продуцирования ИТ. Переводчик должен быть готов признать непонимание речи, не боясь репутационных рисков.

Для пользователей перевода неотвратимость КН означает, что высокая компетенция переводчика не исключает возникновение КН. Соответственно, пользователи перевода не могут занимать позицию пассивного слушателя. Им не в коем случае нельзя необоснованно полагаться на то, что все естественным образом возникающие «неясности» общения будут в межъязыковой коммуникации нейтрализованы усилиями переводчика. В связи с высокой индивидуальностью личной значимости и вариативностью стратегий и тактик извлечения смысла высказывания переводчик не может гарантировать взаимное понимание всех ее смысловых составляющих, возникающих при судебном общении между коммуникантами. Как представители института правосудия, так и другие участники процесса должны активно вовлекаться в процесс понимания сообщения. Предлагаем рассматривать сигнализирование о КН в качестве *необходимой* части *совместного* процесса обеспечения качества перевода.

3. КН и компетенция переводчика

Справедливым представляется вывод о том, что появление КН не обязательно свидетельствует о низком уровне подготовки переводчика. Напомним, что в свете действующих правовых норм судебного перевода (существующих в Швеции), переводчик зачастую не может предотвратить КН в тех случаях, которые требуют изменения содержания или формы сообщения, даже если он предвидит ее возникновение. Такие случаи возникновения КН

характеризуются в исследовании как предсказуемые, но неотвратимые КН. Таким образом, сам перевод не является ошибочным, т.к. он следует целям, задаваемым дискурсом и правовыми нормами перевода, но с коммуникативно-функциональных позиций его результат может быть определен как КН.

В ракурсе *семантики речи* КН получают особую репрезентативность в связи с неверной интерпретацией лексики. Предварительная и адресная подготовка к предстоящему устному судебному переводу (например, посредством ознакомления переводчика с материалами предварительного следствия, заключениями экспертиз и т.д.) повышает возможности переводчика предотвратить элементарные КН на этапе восприятия ИТ, зависящие от знания реалий, обстоятельств дела, имен собственных (дат, чисел, измерительных систем), актуализации определенных терминосистем, и т.д. Ввиду интердискурсивности ИТ судебному переводчику не достаточно знания сугубо юридической терминологии. Предварительная подготовка помогает переводчику спрогнозировать потенциальные комплексные КН (например, ввиду поливариативности семантики общеупотребительной лексики или в ракурсе синтактики – посредством знания широкого контекста, т.е. обстоятельств дела) и заранее выбрать наиболее подходящие тактики их разрешения. Однако даже тщательная подготовка к переводу не может гарантировать отсутствие КН при его выполнении, особенно актуально данное утверждение в отношении перцептического и прагматического измерений лингвосемиотики, как это уже было отмечено ранее.

КН не может рассматриваться в качестве единственного индикатора качества перевода. Контроль профессиональной компетенции переводчика должен осуществляться на основе комплексной и независимой системы оценки качества перевода – например, в рамках института судебных переводчиков.

4. КН и роль переводчика

Судебный переводчик не может проследить процесс означивания, происходящий в мозгу отправителя исходного сообщения, и влиять на процесс понимания, происходящего в голове адресата сообщения, ввиду

индивидуальности этих процессов. А значит, он не может выступать гарантом отсутствия КН, каким бы высоким ни был уровень его профессиональности. Реализация и обеспечение прав и свобод участников судопроизводства является прерогативой суда. Однако наличие общего коммуникационного канала общения (переводчика) является необходимой предпосылкой для того, чтобы суд мог выполнить данную задачу.

Несмотря на то, что роль переводчика в судебном процессе не может быть определена в качестве «гаранта» взаимопонимания сторон, функции переводчика должны включать в себя, как минимум, репаративные возможности, т.е. координирующую функцию – право на «приостановку» речи, «переспрос» и т.д.

В заключение отметим, что корреляция между возникновением КН и компетенцией переводчика существует, но она не может быть выражена в абсолютных терминах. Успешность устной судебной коммуникации с участием переводчика зависит от всех участников общения. Немаловажным аспектом является базовое понимание пользователями перевода сущности этого комплексного процесса и обучение навыкам общения через переводчика.

Результаты проведенного исследования причин КН призваны внести вклад в выработку практических рекомендаций для пользователей перевода в суде, норм и принципов подготовки будущих судебных переводчиков, требований к качеству перевода, в развитие института судебных переводчиков, формирование банка переводческого опыта, повышение уровня профессионализма отдельных переводчиков и значимости профессии переводчика в целом, а также создания спецкурса по теории устного судебного перевода. В качестве **перспектив исследования** нам видится выработка общих теоретических положений, касающихся изучения механизмов возникновения и функционирования КН в устном судебном переводе, разработка типологии переводческих ошибок и методики их предотвращения (или корректировки) в ходе перевода звучащей судебной речи, расширение методологии исследования, включающей количественные и качественные данные о частотности случаев КН в целях более глубокого изучения ее онтогенеза и типологизации.

Список сокращений и условных обозначений

Адвокат защ.	– адвокат защиты
Адвокат ист.	– адвокат истицы / истца
Адвокат отв.	– адвокат ответчика
бел.	– белорусский язык
гр.	– гражданско-правовой
Директива	– Директива 2010/64/ЕС Европейского парламента и Совета от 20 октября 2010 «О праве на устный и письменный перевод в уголовном судопроизводстве»
ЕКПЧ	– Конвенция о защите прав человека и основных свобод
ЕС	– Евросоюз
ИТ	– текст на языке источника
ИЯ	– язык источника
КН	– коммуникативная неудача
КАС	– Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года N 21-ФЗ
КС	– коммуникативное событие
КС ₁	– коммуникативная ситуация (1)
нем.	– немецкий язык
НЛП	– нейролингвистическое программирование
Председ. судья	– председательствующий судья
ПТ	– текст на языке перевода
ПЯ	– язык перевода
рус.	– русский язык
уг.	– уголовно-правовой
УПК	– Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ
УПП	– устный последовательный перевод
ФЗ	– федеральный закон (Российской Федерации)
шве.	– шведский язык

ЯЛ	– языковая личность
BrB	– Brottsbalk (1962:700) (Уголовный кодекс Швеции)
CFR	– Charter Of Fundamental Rights Of The European Union (Хартия Европейского союза по правам человека)
ECHR	– European Convention on Human Rights (ЕКПЧ, Конвенция о защите прав человека и основных свобод)
FPL	– Förvaltningsprocesslag (1971:291) (Административно-процессуальный кодекс Швеции)
Förordning	– Förordning (1985:613) om auktorisation av tolkar och översättare (Постановление правительства о порядке аттестации устных и письменных переводчиков в Швеции)
ICCPR	–The International Covenant on Civil and Political Rights (Международный пакт о гражданских и политических правах)
KAMFS	– Kammarkollegiets tolkföreskrifter 2021:2 (Положение Камер-Коллегии «О статусе устного переводчика» в Швеции)
LIT Search	– Project for a Pilot Database of Legal Interpreters and Translators, EULITA (Проект экспериментальной базы данных судебных устных и судебных письменных переводчиков)
RB	– Rättegångsbalk (1942:740) (Процессуальный кодекс гражданского и уголовного судопроизводства Швеции)
RF	– Kungörelse (1974:152) om beslutad ny regeringsform (Акт о форме правления Швеции)
SOU 2013:17	– Statens offentlige utredningar, Brottmålsprocessen (Отчет правительственной комиссии 2013:17 «Уголовный процесс»)
TF	– Tryckfrihetsförordning (1949:105) (Акт о свободе печати Швеции)

Список научной литературы

1. Абаева Е.С. Передача юмористического эффекта при переводе: когнитивно-прагматическая модель: дисс. ... д-ра филол. наук / 10.02.20. Мытищи: 2019. 399 с.
2. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. Ростов-н/Д: Феникс, 2004. 282 с.
3. Агеев В.Н. Семиотика. М.: Весь Мир, 2002. 256 с.
4. Азаренко С.А. Интерпретация // Современный философский словарь / Ред. В.Е.Кемеров, Т.Х. Керимов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. С. 261-263.
5. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н.Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. 420 с.
6. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студ. филолог. и лингвистич. факультетов. СПб.:Изд.во Академия, 2006. 352с.
7. Аликина Е. В. Эволюция ролей устного переводчика в современном мире [Электронный ресурс] // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. №4. С.64-72. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-roley-ustnogo-perevodchika-v-sovremennom-mire> (дата обращения 10.10.2021).
8. Алферов А.В. Интеракциональная лингвистика и структура диалога // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 135-140.
9. Алферов А.В. Интеракциональный дейксис: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2001. 296 с.
10. Амосова Н.В. Функционирование включенных конструкций в синтаксисе немецкой устнопорождаемой речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Архангельск: Архангельский гос. технич. ун-т, 2008. 20 с.
11. Артамонова Ю.Д. Интерпретация // Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 205-206.

12. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.
13. Арутюнова А.Ю. Диалогичность текста и категория связности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Ставрополь: Ставропольский гос. пед. ун-т, 2007. 22 с.
14. Бабанина Т.М. Зарождение судебного перевода в России: требуются квалифицированные переводчики / Т. М. Бабанина, А. Д. Живаева // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: сборник материалов пятой международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. С.13-26.
15. Бабаян В.Н. Диалог в триаде с молчащим наблюдателем: монография. Ярославль, 2008. 106 с.
16. Базылев В. Н. Дезоптимизация речевого взаимодействия // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: слов.-справ. М.: КРПА Олимп, 2005. С. 566-570.
17. Барабаш О. В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода / О.В. Барабаш, О.В. Мещерякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (27). С. 152-161.
18. Баринова И.А. О национально-культурной специфике перевода юридического текста // Вестник Русской христианской гуманитарной академии 2012. Т. 13. №4. С. 227-232.
19. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / Сост., общ.ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
20. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.:Междунар. отношения, 1975. 240 с.
21. Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 5-е издание. Изд-во: Проспект, 2017. 357 с.
22. Бендлер Р. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевой стратегии / Р. Бендлер, Дж. Гриндер. Изд-во: Модэк, 2001. 256 с.

23. Бодрова-Гоженмос Т.И. Процесс перевода с точки зрения интерпретативной теории // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. Воронеж, 2002. Вып. 5. С. 11-19.
24. Бойкова Н.Г. Устная речь. Учебное пособие / Н.Г.Бойкова, В.И.Коньков, Т.И.Попова. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988. 88 с.
25. Борисов И.А. Дискурсивные слова в дистантном опосредованном устно-речевом дискурсе // Вестник МГЛУ. 2009а. Вып. 575. С. 38-48.
26. Борисова И.А. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Либроком, 2009б. 320 с.
27. Брандес М.П. Стилль и перевод. М.: Высшая школа, 1988. 126 с.
28. Бубнова Г.И. Устнопорождаемая речь в зеркале письменной // Проблемы психолингвистики и эксперимент. М., 2001. С. 105-118.
29. Бубнова Г.И. Устнопорождаемая речь: изучение синергетических свойств на акустическом уровне [Электронный ресурс] / Г.И.Бубнова, Е.И.Ратникова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №3. С. 124-135. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustnoporozhdaemaya-rech-izuchenie-sinergeticheskikh-svoystv-na-akusticheskom-urovne> (дата обращения 12.04.2021).
30. Бубнова Г.И. Письменная и устная коммуникация: синтаксис и просодия / Г. И. Бубнова, Н. К. Гарбовский. М.: Изд-во МГУ, 1991. 272 с.
31. Бугрова С.Е. Феномен коммуникативной неудачи в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 68. 2012. № 21 (275). С. 23-26.
32. Бузаров В.В. Некоторые аспекты взаимодействия грамматики говорящего и грамматики слушающего (в английской диалогической речи). Пятигорск: ПГПИЯ, 1988. 117 с.
33. Буланова М.В. Языковые знаки и их ментальные репрезентации // Вестник МГЛУ, 2009. Вып. 572. С.119-128.
34. Бунова И.И. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.09.М.: Акад. упр. МВД РФ, 2013. 23 с.

35. Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: диссертация ... доктора филологических наук / 10.02.01.М.: Гос. ин-т рус. яз., 2010. 367 с.
36. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. 276 с.
37. Вайсфельд И.В. Коммуникативный диссонанс в медиасфере связей с общественностью: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.01.10. М.: Московский гос. ун-т им.М.В.Ломоносова, 2013. 28 с.
38. Валиева Э. И. Соотношение понятий предпринимательская деятельность и экономическая деятельность [Электронный ресурс] / Э. И. Валиева, У. Ф. Ибрагимов // Молодой ученый. 2013. №6. С. 285-287. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/53/7018/> (дата обращения 10.04.2019)
39. Василенко Л.Ю. Перевод в системе государственных служб и учреждений как фактор языковой политики государства // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2013. Вып. 2. С. 315-318.
40. Васильева В.В. Устная речь: практикум / В.В. Васильева, В.И. Коньков. СПб.:С.-Петербур. гос. ун-т, Ин-т Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2015. 100 с.
41. Вечкина О.В. Коммуникативные неудачи в повседневном речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2010. 22 с.
42. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. М.: АСТ Москва: Восток-Запад, 2008. 316 с.
43. Винников А.В. О мировых закономерностях полицейского и судебного перевода // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). С. 89-103.
44. Винников А.В. Перевод в судебном уголовном процессе: методические рекомендации [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://otkrmir.ru/uslugi-perevoda/sudebnyu-perevod/statii-po-sudebnomu-perevodu/perevod-v-sudebnom-ugolovnom-processe/> (дата обращения 10.05.2018)

45. Винников А.В. Полицейский и судебный перевод. Слово в защиту Российского законодательства // Полицейская деятельность. 2012. №4. С.43-49.
46. Винников А.В. Практические аспекты участия переводчика в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. №1. С. 60-66.
47. Винников А.В. Судебный перевод и судебно-переводческие организации // Российский юридический журнал. 2012. № 2 (83). С. 167-174.
48. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224с.
49. Виноградов С.И. Культура русской речи. М., 2006. 549 с.
50. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 173 с.
51. Влавацкая М.В. Механизмы сочетаемости слов в образовании экспрессивных коллокаций // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №3. С. 34-44.
52. Власенко С.В. Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. №2. С. 124-144.
53. Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода: монография. М.: Флинта-Наука, 2010. 128 с.
54. Ворожбитова А.А. Теория текста. Антропоцентрическое направление. Изд-во: Высшая школа, 2005. 368с.
55. Воронина Т.Н. Причины коммуникативных неудач / Т.Н. Воронина, А.С. Шульга // Вузовская наука. Северо-Кавказскому региону: материалы VII регион.науч.-техн. конф. Ставрополь: Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т, 2003. С. 15-23.
56. Вохрышева Е.В. Информационно-культурологический аспект культурологического моделирования диалогического взаимодействия // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр.. Орел: ОГИИК, 2005. №. 2. С.179-186.

57. Вохрышева Е.В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке: дис. ... д-ра филол. наук / 10.02.04. СПб., 2001. 474 с.

58. Гавриленко Н.Н. Информационные технологии при подготовке переводчика в сфере профессиональной коммуникации // Инновационные технологии в языковом образовании: материалы всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2008. С. 55-62.

59. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

60. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

61. Гак В.Г. Языковые преобразования: монография. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

62. Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3-19.

63. Гарбовский Н.К. Герменевтический аспект перевода: типология ошибок понимания оригинального текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкульт. коммуникация. 2002. № 1. С. 7-24.

64. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

65. Глушкова Т.С. Репрезентация культурно значимого фрейма «Выпивка» в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] // Филология и человек. 2009. №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kulturno-znachimogo-freyma-vypivka-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения 12.12.2021)

66. Гойхман О.Я. Речевая коммуникация: Учебник / Под ред. проф. О. Я. Гойхмана. М.: ИНФРА-М, 2003. 272 с.

67. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема [Электронный ресурс] // Юрислингвистика-2: русский язык в его

естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8-4. – Режим доступа: <http://www.studmed.ru/docs/document17315?view=1> (дата обращения 13.10.2017)

68. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении [Электронный ресурс] // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д.Голева. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. С. 12-59. – Режим доступа: <http://www.studmed.ru/docs/document1973/> (дата обращения 13.10.2017)

69. Голев Н.Д. Коммуникативная неудача в свете теории множественности интерпретации / Н. Д. Голев, Л.Г. Ким // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 2007. Вып. 10. С. 238-248.

70. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов. / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. М.: Высшая школа, 1987. 105 с.

71. Головинская Е.П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства: дис.... канд. юридических наук: / 12.00.09. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. 193 с.

72. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 64-78.

73. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Прогресс: сб. науч. тр. Вып. 24. Новое в зар. лингв.: Компьютерная лингвистика. М., 1989. С. 5-31.

74. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 26. Лингвистическая прагматика. Сборник. Пер. с разн. яз. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.

75. Гринев-Гриневиц С.В. Основы семиотики. / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина. М.: Флинта-Наука, 2012. 255 с.

76. Гудман Б.А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 209-259.
77. Гумеров Т.А. Проблемы составления обвинительного заключения: юридико-языковой аспект // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2 (5). С. 31-35.
78. Гуськова А.В. Обзор проекта положения о судебном переводе, подготовленного инициативной группой Союза переводчиков России [Электронный ресурс] // Сборник Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. 2016. – Режим доступа: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/legal/guskova-2.html> (дата обращения 23.10.2017)
79. Гуськова А.В. Функция переводчика в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.09. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 37 с.
80. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
81. Данилова С. А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсная гетерогенность [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 316-320. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/65134.htm>. (дата обращения 15.11.2021)
82. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высш. школа, 1981. 160 с.
83. Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи: научное издание. М.: Междунар. отношения, 1965. 318 с.
84. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Либроком, 2014. 344 с.
85. Джафаркулиев М.А. Проблемы национального языка в судопроизводстве. Баку: Азернешр, 1989. 207 с.
86. Доронина С.В. Факт: семантика и прагматика // Филология и человек. 2009. № 4. С. 28-37.

87. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 240 с.
88. Дриц К.В. Институт сертификации судебных переводчиков: зарубежный опыт и возможность его применения в России // Юридический вестник молодых ученых, 2016. № 3. С. 58-62.
89. Дубровская Т.В. Терминологический аспект дискурсивных исследований правовой коммуникации // Личность – Язык – Культура: материалы Всероссийской научно-практ. конф. Саратов: Наука, 2009. С. 209-219.
90. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... докт. филол. наук / 10.02.19. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2010. 39 с.
91. Егорова М.А. Интеракционные категории как объект лингвистического исследования // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. С. 99-101.
92. Ермакова О.П. К построению типологии неудач (на материале естественного русского диалога) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании: прагматический аспект. М., 1993. С. 30-64.
93. Ершов В.И. Переводческий аспект коммуникативных ситуаций: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. М.: Мос. гос. ун-т междунар. отнош., 2005. 200 с.
94. Жаркова О.С. Механизмы памяти в устном последовательном переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 32-35.
95. Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин, 1988. 95 с.
96. Зализняк А.А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
97. Зеленский В.Д. Некоторые вопросы судебного перевода / В.Д. Зеленский, С.В. Швец // Общество и право. 2014. №2 (48). С. 166-169.

98. Земская Е.А. Язык как деятельность // Языки славянской культуры. М.: 2004. 685 с.
99. Земская Ю. Н. Теория текста: учебное пособие / Ю. Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин. Флинта-Наука, 2003. 135 с.
100. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения и смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М., 1976. С. 5-33.
101. Злобин А.Н. Перевод в когнитивном формате знания: монография. Мордовский государственный университет. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2012. 151 с.
102. Иванов А.В. Варьирование темпа и ритма высказывания как результат воздействия экстралингвистических факторов речевого взаимодействия // Вариативность в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. Архангельск, 2001. С. 25-37.
103. Иванов Н.В. Пять аспектов природы перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2017. № 2. С. 20-48.
104. Ивин А.А. Понимание // Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. С. 663-665.
105. Иерусалимская А.О. Интертекстуальность vs интердискурсивность как сложившийся дискурс // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и соц. науки. 2016. №2. С. 104-111.
106. Ильин Ю.В. Язык – культура – право // Инновационные технологии в обучении иностранным языкам / Материалы Всероссийской научно-практич. конф.. Н. Новгород, 2004.
107. Имамутдинова Г.Я. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе в России.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.09. Челябинск: Южно-уральский гос. ун-т, 2011. 23 с.
108. Инфантова Г.Г. Экономия сегментных средств в синтаксисе современной русской разговорной речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.02.01. Л.: ЛГПИ, 1975. 42 с.

109. Исаева Л.А. Спортивный дискурс: Дискретизация континуума / Л.А. Исаева, Н.Б. Казарина // Вестник АГУ. 2012. №2. С. 1-6.
110. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 28-43.
111. Исолахти Н.Б. Точность перевода в суде по уголовным делам – недостижимый идеал? // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. С. 70-76.
112. Иссерс О.С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности // Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 216-230.
113. Казакова А.А. Особенности агональной коммуникативной ситуации в судебном процессе // Герценовские чтения. Иностр. языки: Сб. научных статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С.51-53.
114. Казанникова Д.П. Некоторые особенности реализации категории «константность – вариативность» в спонтанных монологах (в рамках организующей функции интонации): автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2003. 20 с.
115. Казаченко О.В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27). Ч. 2. С. 88-90.
116. Казыдуб Н.Н. Феномен идентичности в межкультурной коммуникации // Герценовские чтения. Иностр. языки: Сб. научных статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 176-177.
117. Каминер Г.А. Особенности грамматических норм немецкой разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1985. 208 с.
118. Канафьева А.В. Прагматика риторического высказывания в судебной речи // Вестник Московского государственного обл. ун-та. Сер. Русская филология. 2009. № 1. С. 32-35.
119. Каплуненко А.М. Концепт – понятие – термин: Эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-

Тихоокеанский регион: Диалог языков и культур: Материалы междунар. конф. Иркутск, 2007. С. 115-120.

120. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 50-20.

121. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. Учебное пособие. / Ю.Н. Караулов, Н.Л. Чулкина. М.: РУДН, 2008. 139 с.

122. Кашуба Ю.А. Переводчик как иной участник уголовно-исполнительных правоотношений / Ю.А. Кашуба, Т.С. Хван // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 28. С. 59-67.

123. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. М.: Институт языкознания РАН, 2009. №2. С. 3-21.

124. Кибрик А.А. Об анафоре, дейксисе, и их соотношении [Электронный ресурс] // В сб.: Разработка и применение лингвистических процессоров. Под ред. А.С.Нариньяни. Новосибирск, 1983. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html (дата обращения 5.04.2018)

125. Кириллова Л.Е. Понятие дискурс и процедура лингвистического экспертного исследования [Электронный ресурс] // Юрислингвистика. 2007. №8. 9с. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskurs-i-protsedura-lingvisticheskogo-ekspertnogo-issledovaniya-1> (дата обращения 10.11.2021).

126. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 160 с.

127. Киселева С. В. Анализ коммуникативных неудач и их актуализаторов на материале текстов политического дискурса // Вестник Ленинградского гос. ун-та им.А.С. Пушкина. Сер.Филология. 2012. Т. 7. № 2. С. 146-153.

128. Киц А. Отсутствие института присяжных переводчиков в России порождает конфликты // Юрист. 2008. № 10. С. 48-53.

129. Коломайнен Л.П. Стратегии доместикации и форенизации при переводе деловых текстов [Электронный ресурс] // Научно-исследовательский проект РГНФ «Перевод с финского на русский и с русского на финский язык в поликультурном мире», 2013. – Режим доступа: <https://archive.uef.fi/documents/884214/884512/AbstractsDomestication.pdf> (дата обращения 09.09.2021)

130. Колосовская Е.В. Прагматика судебного диалога и проблемы современного образования // Фундаментальная наука ВУЗам. Преподаватель XXI век. 2012. № 1. С. 302-306.

131. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение Курс лекций [Электронный ресурс]. М.: ЭТС, 1999. 192 с. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/4534952/> (дата обращения 5.10.2017)

132. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

133. Копылов А.В. Перевод как проблема философской герменевтики. Прологомены к исследованию: монография. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т, 2008. 212 с.

134. Корнаухова Н.Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием // Вестник ИГЛУ, 2011. С. 90-96.

135. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

136. Кошарная С.А. Языковая личность в концепте этнокультуры. Учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 219 с.

137. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Изд. ОГУП Иркутская обл. типогр. № 1, 2001. 261 с.

138. Крапивкина О.А. Две грани дискурса – две ипостаси субъекта // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 137-143.

139. Крапивкин О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2011. 200 с.

140. Краузе М. Динамика механизма восприятия слова при различных условиях овладения иностранным языком. Verlag Otto Sagner: München; Berlin; Washington D.C. 2002. 173 с.
141. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб.заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.:Академия, 2005. 352 с.
142. Крюкова О.П. Использование фреймовой модели представления знаний как метода в лингвистических исследованиях // Вестник МГЛУ. Вып.572. Языкознание. 2009. С. 226-235.
143. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 56 с.
144. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 84-90.
145. Кузнецов В.Г. Герменевтика и её путь от конкретной методики до философского направления [Электронный ресурс] // РГИУ, электронная библиотека, 2002. 68 с. – Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/04.htm (дата обращения 10.10.2021)
146. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.
147. Кузнецова Т.Ю. Коммуникативная неудача как проявление асимметрии формы и значения слова (на материале рассказов В. Шукшина) // Юрислингвистика. 2010. №10. С. 411-416.
148. Курдюмов В.А. Предикация и природа коммуникации: дис. ... докт. фил. наук / 10.02.19. М., 1999. 263 с.
149. Кънева Н.К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Тверь, 1999. 195 с.
150. Лазарева В.А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. пособие / В.А. Лазарева, Л.А. Шестакова. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2018. 336 с.

151. Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура русской речи: учебник для вузов. М., 1998. С. 50-79.
152. Лаптева О.А. О грамматике устного высказывания // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 45-60.
153. Лаптева О.А. Простое или сложное предложение? (глагол и глагольность в устно-разговорной синтаксической модели) // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изуч.: материалы науч. конф. М.: Русский учебный центр, 2000. Вып. 1. С. 15-23.
154. Ларин А.А. Институт присяжных переводчиков: зарубежный опыт и перспективы введения в России // Актуальные вопросы правоведения и практики перевода. 2011. С. 55-61.
155. Латышев Л.К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. Учебное пособие / Л. К.Латышев, В. И. Провоторов. М.: НВН-Тезаурус, 2001. 136 с.
156. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
157. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Либроком, 2009. 256 с.
158. Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл, 1999. 365 с.
159. Ли Янке Х. Законодатели мод и ключевые этапы в междисциплинарном, ориентированном на процесс переводе: познание, эмоция, мотивация // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 36-38.
160. Локтионова В.Г. Герменевтический аспект перевода [Электронный ресурс]. 5 с. – Режим доступа: https://upload.pgu.ru/iblock/c13/uch_2009_v_00042.pdf (дата обращения 12.02.19).
161. Лосева А.А. К проблеме возникновения речевых конфликтов в билингвальных группах // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве. 2006. № 1. С. 127-133.

162. Лукьянова В.С. Коммуникативные неудачи в комедии абсурда: на материале сопоставительного анализа английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. М., 2002. 23 с.
163. Лурия А.Р. Нейропсихология памяти. Нарушения памяти при глубинных поражениях мозга. М.: Книга по Требованию, 2013. 191 с.
164. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. Монография. М.: Наука, 1986. 200 с.
165. Маланов С. В. Психоллингвистика: психологическая теория речевых действий: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ун-та, 2020. 330 с.
166. Мартынова Е.А. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: дис. на соис. учен.степени канд. филол. наук / 10.02.01. Орел, 2000. 192 с.
167. Мельник В.В. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие [Электронный ресурс] / В. В. Мельник, И. Л. Трунов. 2-е изд., перераб. и доп. М.:Изд-во Юрайт, 2014. 662 с. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/379946> (дата обращения 04.01.2019).
168. Метлова В.А. I don't know, что сказать, или о хезитациях в русской речи американцев. Актуальные проблемы современной науки // Материалы научной сессии «XV Невские чтения». 2013. №1 (4). С. 226-232.
169. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу. Тверь: Твер.гос.ун-т, 2000. 98 с.
170. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.02.02. СПб.: СПбГУ, 2008. 43 с.
171. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 298 с.
172. Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика. М.: Высш. шк., 1994. 256 с.

173. Мишкурлов Э.Н. Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (ч.1) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 2. С. 17-37.
174. Мишкурлов Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 2. С. 3-41.
175. Морковкин В.В. Русские агнонимы / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. М. 1997. 86 с.
176. Морозова О.Е. Мир человека и его речь: монография. Архангельск: Поморский университет, 2005. 255 с.
177. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., доп., перераб. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45-110.
178. Мощанская Е.Ю. Анализ ситуации устного последовательного перевода как первый этап ее моделирования в ходе обучения переводчиков // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 117-129.
179. Мощанская Е.Ю. Устнопорождаемая речь в ситуации устного перевода: дидактический аспект / Е.Ю. Мощанская, А.М. Поликарпов // Педагогическое образование в России. 2017. № 5. С. 109-115.
180. Муратова И.А. Содержание и формат сертификационного экзамена судебных переводчиков как методическая проблема: автореферат дис. ... канд. пед. наук / 13.00.02. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2006. 24 с.
181. Мухина Н.Б. Коммуникативные неудачи при реализации скрытой цели речевого действия англоязычного говорящего / Н. Б. Мухина, Н. В. Матвеева // Вестник Вятского гос. ун-та. 2017. С. 63-67.
182. Мушнина М.М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика. 2004. №5. С. 18-30.
183. Мушнина М.М. О содержании некоторых основных понятий в специальных языках (на основе языка права) // Юрислингвистика. Барнаул: Алтайский гос.ун-т. 2012. №1 (12). С. 43-50.

184. Нагель О.В. Коммунальный перевод и перевод документации как объекты изучения будущих переводчиков / О.В. Нагель, Г.А. Сулейманова кызы // Реализация компетентного подхода в системе проф. обр. педагога: сб. мат. научно-практ. конф. / Ред. кол: Н.А. Глузман, Я.А. Ивлева, И.Б. Каменская, Ю.К. Картавая, В.Н. Раскалинос. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2018. С. 172-174.
185. Недашковская С.И. Оценочное воздействие в судебной речи // Юрислингвистика. 2004. №5. С. 156-164.
186. Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык. автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2013. 24 с.
187. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта-Наука, 2003. 320 с.
188. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм: монография. Пермь: Пермск. гос. техн. ун-т, 2005. 203 с.
189. Нёт В. Чарлз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3. С. 5-32.
190. Обидин Е.А. Переводчик в суде первой инстанции (по материалам практики рассмотрения судебных дел судами Нижегородской области) // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 185-189.
191. Обидина Л.Б. Кому служит переводчик в суде? // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 517-521.
192. Обидина Л.Б. Культура судебного перевода: проблемы практики // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 557-563.
193. Ольховиков Б.А. Замечания об особенностях филологического анализа и текстологического истолкования текста при переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. научн. тр. Вып. 44. М: МГЛУ, 1999. С. 100-116.
194. Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика: Книга для учащихся старших классов средней школы. М.: Просвещение, 1991. 127 с.

195. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
196. Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка (на материале художественных и публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1995. 27 с.
197. Песина М.А. Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте: монография. 2-е изд., стер. М: ФЛИНТА, 2013. 152 с.
198. Петрова А.А. Мультимодальные аспекты исследования интеракции // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.2. Языкознание. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2008. №2 (8). С. 105-111.
199. Петрова А.А. Симультанная модель диалога в раннем онтогенезе // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы: сб. науч. тр. междунар. науч. конф. Вторые Ярославские лингвистические чтения. Ярославль: ЯГПУ, 2009. Т. 2. С. 52-56.
200. Пешков Н.П. Перевод как средство экспликации стратегий понимания иноязычного письменного текста // Теория и практика перевода и проф. подготовки переводчиков. Материалы междунар. научно-практ. конф. Пермь: ПГТУ, 2006. С. 54-61.
201. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
202. Поликарпов А.М. Интегративная модель процесса перевода и языковая личность переводчика // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Материалы I междунар. науч. конф. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», Алтайское регион. отдел.; Алтайская гос. пед. академия, Лингвистический ин-т. 2012. С. 277-279.

203. Поликарпов А.М. Интегративная модель процесса перевода // Лингвистика и перевод: сб. науч. статей и материалов / Ред. И. М. Нетунаева. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т. 2011. № 1. С. 168-179.

204. Поликарпов А.М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2017 а. Т. 16. № 3. С. 6-17.

205. Поликарпов А.М. Интегративное переводоведение и качество перевода // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2017 б. С. 7-10.

206. Поликарпов А.М. Интегративное переводоведение и философская герменевтика // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Сб. трудов конф. Орел, 2014 а. С. 280-295.

207. Поликарпов А.М. Когнитивные аспекты интегративного переводоведения // Когнитивные исследования на современном этапе: материалы Всероссийской конф. с междунар. участием по когнитивной науке (Архангельск, 19–22 ноября 2018 г.). Архангельск: САФУ, 2018. С. 238-241.

208. Поликарпов А.М. Прагматические аспекты немецкой грамматики – позиция российского германиста по обучению бакалавров немецкому языку // Иностранные языки в высшей школе. 2014 б. №4. С. 6-14.

209. Поликарпов А.М. Синтаксическая полифункциональность: монография. Архангельск: ИПЦ САФУ Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2013. 212 с.

210. Положение о судебном переводчике [Электронный ресурс] // Проект Положения о судебном переводчике, 2015. – Режим доступа: <http://www.translation-school.ru/index.php/ru/2015/sworntranslator> (дата обращения 20.09.2015).

211. Полякова С.Е. Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2012. С. 83-92.

212. Поршнева Е.Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика: Монография. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. 148 с.

213. Потемкин А.А. Коммуникативные неудачи при идентификации референта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. М., 1994. 23 с.
214. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике. Монография / сост., общ.ред. и вступ. статья И.Шевченко. Вииница: Новая книга, 2013. 560 с.
215. Почепцов Г. Г. Семиотика. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. 432 с.
216. Пригарина Н.К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.02.01. Волгоград: Волжский гум. ин-т (филиал Волгоградского гос.ун-та), 2010. 35 с.
217. Пушина Н.И. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: причины, типология, стратегии минимизации / Н.И. Пушина, Н.В. Маханькова, Е.А. Широких // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2015. Т25. № 6. С. 28-34.
218. Пшёнкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.02.19. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2005. 30 с.
219. Радченко О.А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского пед. университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. №1 (3). С. 60-66.
220. Раренко М.Б. Основные понятия англоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник. М.: РАН ИНИОН, 2011. 250 с.
221. Рекош К.Х. Мультилингвизм как принцип Суда Европейского союза // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 245-252.
222. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвист. теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1974. 216 с.
223. Русецкая О.Р. Языковые маркеры коммуникативных неудач в институциональном дискурсе // Весник МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2012. № 2. С. 130-135.
224. Садиков А.В. Перевод как вид социального поведения // Тетради переводчика. Вып. 18 / Ред. Л.С. Бархударов. М.: ИМО, 1981. С. 3-12.

225. Сапунова Е. М. Разновидности пауз хезитации в спонтанном монологе (на материале чтения) // Материалы XXXVIII Междунар. филолог. конф. Вып. 22. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та., 2009.

226. Сапунова Е.М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. СПб: С-Петербургский гос. ун-т., 2009. 237 с.

227. Сахаров Ю.А. Заимствования в современном французском языке и проблема их передачи на русский язык (на материале научно-технических текстов): тема диссертации и автореферата дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. Мытищи, 2018. 254 с.

228. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.02.20. М., 2015. 48 с.

229. Сдобников В.В. Новые тенденции в переводоведении // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. Перевод в XXI веке: вызовы эпохи и перспективы развития. 2018. Т.2. №4 (7). С. 294-301.

230. Сдобников В.В. Роль переводчика в ситуации социального перевода // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: мат. докладов XI Всероссийской конф., посвященной 110-летию СГУ имени Н.Г. Чернышевского. 2019. С. 294-301.

231. Сдобников В.В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №2. С. 19-30.

232. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: Флинта-Наука, 2015 б. 464 с.

233. Сдобников В.В. Теория перевода: учебник для студ. лингв. вузов и фак. иностр. яз. / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.

234. Сдобников В.В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография. М.: Флинта-Наука, 2015 а. 112 с.

235. Серова Т.С. Профессиональные квалификационные характеристики переводчика как специалиста по информационному обеспечению и сопровождению международного сотрудничества предприятий // Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: мат. междунар. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006. С. 232-242.

236. Сибиричева О.В. Сертификация судебных переводчиков в России: дипломная работа (Специалист) / Научн. руковод.: И.А. Муратова, М.В. Вербицкая. М.: МГУ им.М.В. Ломоносова, 2004.

237. Сибиричева О.В. Судебный перевод в межкультурной коммуникации: этический, юридический и культурологический аспекты работы судебных переводчиков // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: мат. Междунар. научно-практич. конф. Пермь: пермский технич. ун-т, 2006. С.186-190.

238. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. Изд. 2-е.: Монография. М., 2009. 288 с.

239. Славова Л.Л. Типология коммуникативных неудач: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. Киев: Киевский гос. лингв. ун-т, 2000. 18 с.

240. Смирнова М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. М.: Ун-т Российской акад. обр-я, 2003. 165 с.

241. Сморгонская Е.В. Психолингвистическая дифференциация и классификация речевых сбоев // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2008. № 3. С. 140-142.

242. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М: Просвещение, 1968. 248 с.

243. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление: автореф. дис. ... д-ра педагог. наук (по психологии). М.: Академия пед. наук СССР, 1967. 36 с.

244. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ред. Ш. Бали, А. Сеше. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. 432 с.

245. Стандарты качества переводческих услуг [Электронный ресурс] / бюро переводов «Альба». – Режим доступа: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/qualitystandard.html> (дата обращения 10.05.2019)
246. Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 272 с.
247. Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Изд-во Наука, 1971. 145 с.
248. Степина А.В. Переводческая стратегия: понятие, подходы, классификация / Степина А.В., Селифанова Е.Д. // Перспективы науки, 2015. С. 378-381.
249. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.
250. Сухарева Е.Е. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода / Сухарева Е.Е., Черникова Н. С. // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 115-120.
251. Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосемиотики: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1978. 84 с.
252. Таирова М.Р. Семантико-синтаксические особенности оценки как манипулятивного средства (на материале совр. англ. яз.): автореф. дис. ...канд. филол. наук / 10.02.19. Ростов-н/Д: Пед. ин-т Южного фед. ун-та, 2011. 19 с.
253. Тарасов И.С. Принцип состязательности: понятие и свойства // Вестник Нижегородского ун-та, 2010. № 2 (1). С. 291-296.
254. Таюпова О.И. Медиалингвистика как современное научное направление / О.И. Таюпова, Н.В. Бычковская // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. №1. С.38-43.
255. Теплякова Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного нем. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук /10.02.04. Тамбов, 1998. 17 с.
256. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.

257. Ткачёва Л.Б. Основные закономерности английской терминологии / Ред. И.В. Арнольд. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. 200 с.
258. Токарев Г.В. Введение в семиотику: учеб.пособие. 2. изд., стер. М.: Флинта, 2013. 160 с.
259. Томсон Г.В. Юрислингвистика. Особенности перевода текстов нормативных актов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems. 2015. № 6 (50). С. 246-255.
260. Трофимова Н.А. Косвенные и гибридные полипредикативные высказывания в немецкой разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н.Новгород, 1997. 19 с.
261. Трофимова Н.А. От любви до ненависти: смысловые узоры экспрессивов: монография. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. 295 с.
262. Тютюнова О.Н. Ритуальный компонент дискурса судебного заседания // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2012. №5 (19). С. 121-124.
263. Убоженко И.В. Зарубежное переводоведение. Великобритания. М.: Р. Валент, 2014. 227 с.
264. Универсалуок Е.А. Когнитивно-дискурсивные аспекты интерпретации социального диалога // Языковая реальность познания: сб. науч. тр. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 195-213.
265. Усачева А.Н. Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 131-137.
266. Устинова К.А. Судебный дискурс как разновидность юридического дискурса // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. С. 238-239.
267. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
268. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: (Лингвистические проблемы). М: Филология, 2002. 416 с.

269. Федорова Л.Л. Грамматика диалога: основные категории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Fedorova%20L/FedorovaL.htm> (дата обращения 20.11.2021)
270. Фесенко Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку: сб. науч. тр. посв. Е.С. Кубряковой. Москва-Воронеж, 2002. С. 65-71.
271. Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 336 с.
272. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. 291 с.
273. Франтова Т.В. «Полифонизация сознания» в свете некоторых представлений о высшей нервной деятельности // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С.281-292.
274. Хромов С.С. Устный перевод в контексте звучащего дискурса // Индустрия перевода и информационное обеспечение инновационной научной и образовательной деятельности: мат. III Междунар. научно-практ. конф. в 2 Т. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2010. С. 79-83.
275. Худяков А.А. Семиозис простого предложения: Монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2000. 272 с.
276. Цвиллинг М.Я. Исчерпала ли теория перевода свои возможности? // Вопросы филологии. 2002. № 1. С. 48-50.
277. Чайко Н.Н. Эллипсис как один из способов реализации экспрессивного синтаксиса в современных публицистических интервью // Современные исследования социальных проблем. 2018. №4 (1). С. 166-174.
278. Чеманова Т.В. Актуализация когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов в диалогических и условно-диалогических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. СПб.: Российский гос. пед. ун-т, 2005. 19 с.
279. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода: учеб. для ин-тов и фак. ин.яз. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
280. Чернышов С.В. Эмотивно-концептная модель обучения иностранным языкам в лингвистическом ВУЗЕ (английский язык): дис. ... д-ра филол. наук /

13.00.02. Н.Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2016. Т 1. 450 с.

281. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность. Текст – Дискурс – Стиль. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

282. Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости [Электронный ресурс] // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 106-111. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-i-interdiskurs-kak-realizatsiya-tekstovoy-otkrytosti> (дата обращения 04.01.2021).

283. Чернявская В.Е. Программа политической партии как персуазивный текст [Электронный ресурс] / Чернявская В.Е., Логинова И. Ю // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/programma-politicheskoy-partii-kak-persuazivnyy-tekst> (дата обращения 10.11.2021).

284. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. М.: Флинта, 2000. 136 с.

285. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб.пособие. М: Флинта-Наука, 2013. 208 с.

286. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

287. Шарафутдинова Н.С. О понятиях «Терминология», «Терминосистема» и «Терминополе» // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Тамбов: Грамота, 2016. Ч. 3. № 6 (60). С. 168-171.

288. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

289. Шейнов В.П. Риторика. Минск: Амалфея, 2000. 592 с.

290. Шендельс Е.И. Внутренняя организация текста // Иностранный язык в школе, 1987. № 4. С. 9-12.

291. Шпербер Д. Релевантность / Д. Шпербер, Д. Уилсон // Новое в зарубежн. лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып.23. Когнитивные аспекты языка. С. 153-212.
292. Шпомер Е. А. Коммуникативные неудачи в диалогическом общении в соотнесенности с коммуникативными законами и типами языковой личности: (На материале немецкого языка). Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО Хакас.гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2011. 292 с.
293. Юдина Т.В. К вопросу о моделировании языковой личности переводчика // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сб. научн. статей. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С.174-175.
294. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
295. Яковлев А.Е. К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной русской речи // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. Вып. 2. С. 176-178.
296. Яковлева Э.Б. Речевые хезитации: Формальный и функциональный аспекты: аналит. обзор. М., 2016. 91 с.
297. Adelswärd, V. Discourse of Blame: Courtroom construction of social identity from the perspective of the defendant / V. Adelswärd, K. Aronsson, P. Linell // *Semiotica* 71. 1988. № 3(4). P. 261-284.
298. Almqvist, I. Tolkutbildning i Sverige: ett kritiskt vägval / I. Almqvist, M. Zwanenburg Widingsjö // Tolk- och översättarinstitutet. Institutionen för svenska och flerspråkighet. Stockholm. AJ E-print AB, Stockholm 2016. ISBN: 978-91-639-0659-6.
299. Alvstad, C. Methods and Strategies of Process Research: Integrative Approaches in Translation Studies / C. Alvstad, A. Hild, E. Tiselius (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2011. 377 p.
300. Angelelli, C. Medical Interpreting and Cross-Cultural Communication. New York: Cambridge University Press, 2004. 153 p.

301. Angelelli, C. The Role of the Interpreter in the Healthcare Setting // Crossing Borders in Community Interpreting. Definitions and Dilemmas / C.Valero-Garcés, A.Martin (eds.). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 147-163.
302. Angelelli, C. Revisiting the Interpreter's Role. A study of conference, court and medical interpreters. E-bok. Kap. 1 & 2. 2004.
303. Angelelli, C. The Sociological Turn in Translation and Interpreting Studies // E-bok. Introduktionen (S. 1-6) & Power in face-to-face (S. 115-134). 2014.
304. Angermeyer, P.S. Translation style and participant roles in court interpreting // Journal of Sociolinguistics. 2009. № 13 (1). P. 3-28.
305. Austin, J.L. How to do things with words. Oxford University Press, 1962. 174 p.
306. Axelsson, C. Det kan bli så mycket fel: Förstudie om barnmorskors upplevelser av kommunikation med gravida kvinnor utan funktionell behärskning av svenska / C. Axelsson, G. Byrman, A. Skoglund, J. Stevenson-Ågren. Forskningsrapport. Linnéuniversitetet, 2016. 15 s.
307. Baddeley, A.D. Word length and the structure of short-term memory / A.D. Baddeley, N. Thomson, M. Buchanan // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1975. №9. P. 176-189.
308. Bax, S. Discourse and genre. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
309. Berk-Selingson S. The bilingual courtroom: Court interpreters in the judicial process. Chicago: The University of Chicago Press, 1990.
310. Bernardini, S. Think-aloud protocols in translation research: Achievements, limits, future prospects [Electronic resource] // Target Online: John Benjamins. Published online: 2002 (2001). P. 241-263. – Access mode: <https://benjamins.com/online/target/articles/target.13.2.03ber> (date of access 12.12.2021)
311. Bhatia, V.K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993. 246 p.

312. Bosco, F.M. Recognition and repair of communicative failures: A developmental perspective / F.M. Bosco, M. Bucciarelli, B.G. Bara // *Journal of Pragmatics*, 2006. № 38. P. 1398-1429.
313. Brown, G. *Discourse Analysis* / G. Brown G., G. Yule. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
314. Carstensen, G. Court Interpreting as Emotional Work: A Pilot Study in Swedish Law Courts / G. Carstensen, L. Dahlbeg // *No Foundations: An Interdisciplinary Journal of Law and Justice*, 2015. № 14. P. 45-64.
315. Chesterman, A. A Causal Model for Translation Studies / 'M. Olohan (ed.). 2000. P.15-27.
316. Chomsky, N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1965. 131 p.
317. Construction of Social Identity from the Perspective of the Defendant // *Semiotica* 71, 1988. P. 261-284. (doi: 10.1515/semi.1988.71.3-4.261)
318. Corsellis, A. *Public Service Interpreting. The First Steps*. Palgrave Macmillan, 2008. 186 p.
319. Coulthard, M. *An introduction to forensic linguistics: language in evidence* / M. Coulthard, A. Johnson. Routledge, 2007. 256 p.
320. Cuellar, S.B. *Towards an Integrated Translation Approach. Proposal of a Dynamic Translation Model (DTM)* // *Dissertation zur Erlangung des Grades des Doktors der Philosophie bei der Fakultät für Geisteswissenschaften Departements Sprach-, Literatur- und Medienwissenschaften I und II der Universität Hamburg*. Hamburg: Universität Hamburg, 2008. 227 s.
321. Danet, B. Language in the Legal Process // *Law and Society Review* 14. 1980. P. 445-564. (doi: 10.2307/3053192)
322. Davidson, B. A model for the construction of conversational common ground in interpreted discourse // *Journal of Pragmatics*. 2002. № 34. P.1273-1300.
323. Davidson, B. The interpreter as institutional gatekeeper: The social-linguistic role of interpreters in Spanish-English medical discourse // *Journal of Sociolinguistics*. 2000. № 4 (3). P.379-405.

324. De Beaugrande, R. Introduction to Text Linguistics / R. De Beaugrande, W. Dressler. New York, 1996. P. 84-112.
325. Dell, G.S. Phonemes and production // Language, Cognition and Neuroscience. 2014. №29 (1). P. 30-32.
326. Diaz-Galaz, S. The role of advance preparation in simultaneous interpreting: A comparison of professional interpreters and interpreting students / S. Diaz-Galaz, P. Padilla, M.T. Bajo // Interpreting. John Benjamins, 2015. № 17 (1). P. 1-25. (doi 10.1075/intp.17.1.01dia)
327. Dijk, T.A. van Discourse and Context. A Sociocognitive Approach [Electronic resource]. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 261 p. – Mode of access: https://www.academia.edu/5345314/Discourse_and_Context_Teun_A_van_Dijk (date of access 15.09.2021)
328. Dijk, T.A. van Discourse and manipulation // Discourse & Society. SAGE Publications (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi). 2006. Vol 17 (2). P. 359-383.
329. Dingfelder Stone, J.H. Court interpreters and Fair trials. Palgrave Macmillan, 2018. 352 p.
330. Domstolsverkets Tolkprojekt (Проект по работе с переводчиками. Государственное судебное управление Швеции) [Electronic resource] / Domstolsverket, 2017. 1s. – Mode of access: <https://www.rattstolkarna.se/files/Tolkpolicy/domstolsverketstolkprojekt.pdf> (date of access 18.01.2018)
331. Driesen, C.J. The “Tandem” method training interpreters to work at national courts / C.J. Driesen, G Drummond // Forum. Revue internationale d’interprétation et de traduction . International Journal of Interpretation and Translation. 2011. Vol. 9. № 2. P. 139-156.
332. Duarte, J.F. Translation Studies at the Interface of Disciplines / J. F. Duarte, A. Assis Rosa, T. Seruya (eds.). Amsterdam&Philadelphia: John Benjamins, 2006. 217 p.

333. Durant, A. Language and Law: A recourse book for students / A. Durant, J.H.C. Leung. Routledge, 2016. 242 p.
334. Eco, U. A Theory of Semiotics // Series: Advances in Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976 [1977, London: MacMillan Press.]
335. Ekelöf P.O. Rättegång V häftet / P.O. Ekelöf, H. Edelstam, M. Pauli. Norstedts Juridik, 2011. 8 uppl. 310 s.
336. Englund Dimitrova, B. Cognitive aspects of community interpreting. Toward a process model / B. Englund Dimitrova, E. Tiselius // Reembedding Translation Process Research / R. Muñoz Martín (ed.). Benjamins Translation Library 128. 2016. P. 195-214.
337. Fioretos, I. Tolkade möten. Tolkningens betydelse för rättssäkerhet och integration / I.Fioretos, K. Gustafsson, E. Norström. Studentlitteratur: Lund, 2014.
338. Forkstam, C. Modality transfer of acquired structural regularities: A preference for an acoustic route / C. Forkstam, A. Jansson, M. Ingvar, K.M.Petersson // Proceedings of the 31th Annual Conference of the Cognitive Science Society, 2009. P. 1977-1982.
339. Gadler, H. Praktische Linguistik. Eine Einführung in die Linguistik für Logopäden und Sprachheillehrer // Tübingen, Basel: A. FranckeVerlag, 2006. 270 s.
340. Gaiba, F. The origins of simultaneous interpretation: the Nuremberg Trial. Ottawa: Ottawa university press, 1998. 191 p.
341. Galdia, M. Strategies and tools for legal translation // Comparative linguistic. 2013. № 16. P. 77-94.
342. Gandour, J. Lexical tones in Thai after unilateral brain damage / J. Gandour, S. Ponglorpisit, F. Khunadorn, S. Dechongleit , P. Boongrid, R. Boonklam, S. Potisuk // Brain and language.1992. № 43. P. 275-307.
343. Gee, J.P. Intoduction / J.P.Gee, M. Handford (eds.) // The Routledge handbook of discourse analysis. New York: Routledge. 2012. P. 1-6.
344. Giambruno, C. Assessing legal interpreter quality through testing and certification: the qualitas project. The University of Alacante, 2014. 265 p.

345. Gisselgård, J. Disruption of order information by irrelevant items: A serial recognition paradigm / J. Gisselgård, J. Udden, M. Ingvar, K.M. Petersson // *Acta psychologica*, 2007. Vol. 124. P. 356-369.
346. Goodman-Delahunty, J. Risks and Benefits of Interpreter-Mediated Police Interviews / J. Goodman-Delahunty, N. Martschuk // *Varstvoslovje. Journal of Criminal Justice and Security*. 2018. № 4. P. 451-471.
347. Grama, I. Learning Non-Adjacent Dependencies: A Mechanism for Language Acquisition // LOT Dissertation Series: Netherlands Graduate School of Linguistics. Landelijke (LOT). 2017.
348. Hale, S.B. Interpreters' treatment of discourse markers in courtroom questions // *Forensic Linguistics: the International Journal of Speech Language and The Law*. *Forensic linguist.* 1999. № 6. P. 57-82. (doi: 10.1558/sll.1999.6.1.57.)
349. Hale, S.B. *Community interpreting*. Hampshire. Palgrave Macmillan, 2007.
350. Hale, S.B. Controversies over the Role of Court Interpreter // *Crossing Borders in Community Interpreting. Definitions and Dilemmas* / C.Valero-Garcés, A.Martin (eds.). Amsterdam&Philadelphia: John Benjamin, 2008. P. 99-121.
351. Hale, S.B. *Discourse of Court Interpreting: Discourse Practices of the Law, the Witness, and the Interpreter*. Philadelphia, PA, USA: John Benjamins, 2004. 265 p.
352. Hale, S.B. Controversies over the Role of the Court Interpreter // *Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 99-121.
353. Hasegawa-Johnson, M.A. A multi-stream approach to audiovisual automatic speech recognition // In 2007 IEEE 9Th International Workshop on Multimedia Signal Processing. Proceedings. 2007. P. 328-331.
354. Hervais-Adelman, A. fMRI of Simultaneous Interpretation Reveals the Neural Basis of Extreme Language Control / A. Hervais-Adelman, B. Moser-Mercer, C. Michel, N. Golestani // *Cereb Cortex*. 2015. P. 4727-39. (doi: 10.1093/cercor/bhu158. – Epub: 2014 Jul 17)
355. Hewitt, W.E. *Court Interpretation*. National Center for State Courts, Williamsburg, VA. 1995.

356. Hickok, G. Dorsal and ventral streams: a framework for understanding aspects of the functional anatomy of language / G. Hickok, D. Poeppel // *Cognition*, 2004. Vol. 92. Issues 1-2. P. 67-99.

357. Holme, J.S. The Name and Nature of Translation Studies // *Papers of Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi, 1988. P. 67-80.

358. Hur använder man tolk i en rättsal (Как общаться через переводчика в зале суда) [Electronic resource] / *Rättstolkarna, Broschyr för tolkanvändare (Союз аттестованных устных судебных переводчиков Швеции, Информационная брошюра)*. 2014. 2s. – Mode of access: https://www.rattstolkarna.se/files/Foreningen/huranvndermantolkienrttssal_broschyr.pdf (access date 1.09.2021)

359. Inghilleri, M. Habitus, Field and Discourse: Interpreting as a Socially Situated Activity // *Target*, 2003. №15 (2). P. 243-268.

360. Jacobsen, B. The Community Interpreter: A Question of Role // *Hermes: Journal of Language and Communication Studies*, 2009. №42. P. 155-166.

361. Johnstone, B. *Discourse analysis*. Oxford: Blackwell, 2009.

362. Kainz, C. *Modelling the Field of Community Interpreting: Questions of Methodology in research and training* / C. Kainz, E. Prunc, R Schögler. Wien; Berlin: Lit Verlag, 2011. 342 p.

363. Kainz, F. *Psychologie der Sprache*. Bd. 3. Stuttgart. 1965. VII. 571 s.

364. Katan, D. *Translation as Intercultural Communication* // *The Routledge Companion to Translation Studies*. Revised edition / J.Munday (ed.). London, New York: Routledge, 2009. P. 74-92.

365. Keysar, B. Communication and miscommunication: The role of egocentric processes // *Intercultural Pragmatics*, 2007. Vol. 4 (4). P. 71-85.

366. Klaus, G. *Hermeneutik* / G. Klaus, M. Buhr // *Philosophisches Wörterbuch*: In 2 Bd. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1976. 1396 s.

367. Korolev, S. Misfires of Cross-Cultural Legal Communication in the Perspective of J.Austin and J.Landshaw Austin // *Comparative Legilinguistics*. Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2010. № 4. P. 29-37.

368. Kotzurek, M. Die Richtlinie 2010/64/EU zum Dolmetschen und Übersetzen in Strafverfahren: Neues Qualitätssiegel oder verpasste Chance?" [Electronic resource] // English translation by Kiehlor Mack. Eucrim. 2020. № 4. P. 314-321. – Mode of access: <https://eucrim.eu/articles/directive-201064eu-on-translation-and-interpretation-services-in-criminal-proceedings-a-new-quality-seal-or-a-missed-opportunity/> (date of access: 10.12.2021)

369. Lakoff, R. Logic or Politeness: or minding your P's and Q's // Papers from the ninth Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. 1973. P. 292-305.

370. Language arrangement of the Court of the European Union [Electronic resource]. – p.8-11. – Mode of access: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/Jo2_10739/direction-generale-de-la-traductionregime-linguistique (access date 1.09.2021)

371. Leanza, I. Roles of community interpreters in pediatrics as seen by interpreters, physicians and researchers // Healthcare Interpreting. Discourse and Interaction / F.Pöchhacker, M.Shlesinger (eds.). Amsterdam&Philadelphia: John Benjamins, 2007. P.11-34.

372. Lederer, M. La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif. Hachette, 2004. 224 p.

373. Lee, J. Conflicting views on court interpreting examined through surveys of legal professionals and court interpreters // Interpreting. 2009. № 11. P. 35-56. (doi: 10.1075/intp.11.1.04lee.)

374. Lenneberg, H.E. Biological Foundations of Language. Wiley, 1967. 489 p.

375. Licoppe, C. The interpreter as a sequential coordinator in courtroom interaction. 'Chunking' and the management of turn shifts in extended answers in consecutively interpreted asylum hearings with remote participants / C. Licoppe, C.-A.Veyrier // Interpreting. 2020. № 22 (1). P. 56-86.

376. Linck, J. A. Working memory and second language comprehension and production: A meta-analysis / J.A. Linck, P. Osthus, J.T. Koeth, M.F. Bunting // Psychonomic Bulletin & Review. 2013. № 21 (4). 76 p.

377. Linell, P. Troubles with mutualities: towards a dialogical theory of misunderstanding and miscommunication / I. Marková, C. Graumann, K. Foppa // *Mutualities in dialogue*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 176-213.

378. LIT Search: Project for a Pilot Database of Legal Interpreters and Translators [Electronic resource] / (JUST /2013/ Jpen/AG/4556). KU Leuven, EULITA, 2016. 115 p. Mode of access: https://eulita.eu/wp/wp-content/uploads/files/LIT%20Search_Final%20Report.pdf (date of access 9.10.2017)

379. Martinsen, B. The cooperative courtroom. A case study of interpreting gone wrong / B. Martinsen, F. Dubslaff // *Interpreting*. 2010. № 12 (1). P. 21-59.

380. Mason, M. The role of interpreters in adjudicating blame. An examination of clitics and active-passive voice in a Spanish-English bilingual criminal trial // *Translation and Interpreting Studies*. 2015. № 10 (2). P. 187-202. (doi 10.1075/tis.10.2.02mas)

381. Mikkelsen, H. Evolving Views of the Court Interpreter's Role. Between Scylla and Charybdis // *Crossing Borders in Community Interpreting. Definitions and Dilemmas* / C.Valero-Garcés, A.Martin (eds.). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 82-97.

382. Morris, R. Images of the Court Interpreter: Professional Identity, Role Definitions and Self-Image // *Translation and Interpreting Studies*. 2010. № 5 (1). P. 20-40.

383. Morris, R. The gum syndrome: Predicaments in court interpreting // *The Journal of Forensic Linguistics*. 1999. № 6 (1). P. 7-29.

384. Morris, R. The Moral Dilemmas of Court Interpreting // *The Translator*. 1995. P. 25-46.

385. Mustajoki, A. A Speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // *Language and Dialogue*. 2012. Vol. 2. P. 216-243.

386. Mustajoki, A. A. Risks of miscommunication in various speech genres / E. Borisova, O. Souleimanova (eds). *Understanding by communication*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 33-53.

387. Ng, E. The atypical bilingual courtroom: an exploratory study of the interactional dynamics in interpreter-mediated trials. Aston University, 2013. 227 p.
388. Nida, E. Toward a Science of Translating. Leiden, 1964.
389. Niska, H. Community Interpreter Training: Past, Present, Future // Interpreting in the 21st Century. Challenges and Opportunities: Selected papers from the 1st Forli Conference on Interpreting Studies, 9-11 November, 2000 / G.Garzone, M.Viezzi (eds.). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 133-144.
390. Nord, C. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. Heidelberg. 1988 [1991, 1995]. 284 s.
391. Ortega, Herráez J. M. Interpreting in Police Settings in Spain. Service providers' and Interpreters' Perspectives / J.M. Ortega Herráez, A.I. Foulquié-Rubio // Crossing Borders in Community Interpreting. Definitions and Dilemmas / C.Valero-Garcés, A. Martin (eds.). Amsterdam&Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 123-146.
392. Ozolins, U. Factors that determine the provision of Public Service interpreting: comparative perspectives on government motivation and language service implementation // The Journal of Specialised Translation. 2010. Vol 14. P.194-215.
393. Petersson, K.M. Interaction between a verbal working memory network and the medial temporal lobe / K. M. Petersson, J.Gisselgård, M.Gretzer, M.Ingvar // NeuroImage, 2007. № 33. P. 1207-1217.
394. Pinker, S. How the Mind Works. New York: W. W. Norton & Company. (1997) 2009.
395. Pinker, S. The Language Instinct. – New York: Harper Perennial Modern Classics. (1994) 2007.
396. Pöchhacker, F. Assessing aptitude for interpreting: The SynCloze test. Philadelphia: Benjamins Current Topics. 2014. Vol. 68. P. 147-160.
397. Pöchhacker, F. Introducing Interpreter Studies. 2nd edition. London, New York: Routledge, 2016. 252 p.
398. Reflection Forum on Multilingualism and Interpreter Training: Final Report. European Commission, 2009. 23 p.

399. Reis, A. Semantic interference on a phonological task in illiterate subjects / A.Reis, L.Faísca, S. Mendonça, M.Ingvar, K. M. Petersson // Scandinavian journal of psychology. 2007. №48. P. 69-74.

400. Rekommendationer för tolkbokning (Рекомендации по заказу услуг устного переводчика) [Electronic resource] / Rättstolkarna, Broschyr för tolkanvändare (Союз аттестованных судебных переводчиков Швеции / Информационная брошюра). 2020. Mode of access: <https://www.rattstolkarna.se/files/Foreningen/rekommenadationervidbokningavtolkmedanledningavcovid.pdf> (access date 1.09.2021)

401. Rekommendationer vid medhörning (Рекомендации по использованию кабинета для дистанционного участия в заседании) [Electronic resource] / Rättstolkarna, Broschyr för tolkanvändare (Союз аттестованных судебных переводчиков Швеции / Информационная брошюра). 2014. 1s. – Mode of access: https://www.rattstolkarna.se/files/Foreningen/medhrning_upd_rekommendationervidmedhrningidomstol.pdf (access date 1.09.2021)

402. Ringle, M. Conversation Failure / M.Ringle, B. Bruce // Strategies for Natural Language Processing / W. Lehnert, M. Ringle (eds.). Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1982.

403. Roberts, R.P. Community interpreting: A profession in search of its identity // Teaching Translation and Interpreting 4: Building bridges. Benjamins Translation Library. 2002. Vol. 42. P. 157-175.

404. Roy, C.B. Interpreting as a Discourse Process. New York, Oxford: Oxford University Press, 2000. 141 p.

405. Rusterholz, P. Hermeneutische Modelle // Grundzüge der Literaturwissenschaft / Hrsg. von H.L. Arnold, H. Detering. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2001. S.101-136.

406. Salevsky, H. Translation as Systemic Interaction: A New Perspective and a New Methodology / H. Salevsky, I. Muller. Frank & Timme GmbH, 2011. 366 s.

407. Seeber, K. Simultaneous interpreting / H. Mikkelsen, R. Jourdenais (eds.) // Routledge handbook of interpreting. 1st edition. Chapter 5. Publisher: Taylor and Francis, 2015. P. 79-95.
408. Shackman, J. The Right to be Understood: A Handbook on Working With, Employing and Training Community Interpreters. National Extension College Trust Ltd, 1984. 162 p.
409. Shi, A. Hermeneutics and Translation Theory [Electronic resource] // The Theories of Translation: From History to Procedures. 2009. – Mode of access: //www.translationdirectory.com/article115.htm (date of access 14.10.2018)
410. Shlesinger, M. Introduction: Doing justice to court interpreting / M. Shlesinger, F. Pöchhacker // Philadelphia: Benjamins Current Topics. 2010. Vol. 26. P. 1-7.
411. Skaaden, H. Invisible or invincible? Professional integrity, ethics, and voice in public service interpreting // Perspectives. 2019. № 27 (5). 2019. P. 704-717. (doi:10.1080/0907676X.2018.1536725)
412. Snell-Hornby, M. Translation Studies. An Integrated Approach. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1988. 165 p.
413. Snell-Hornby, M. Translation Studies. An Interdiscipline / M. Snell-Hornby, F. Pöchhacker, K. Kaindl. Amsterdam & Phil.: John Benjamins, 1994. 438 p.
414. Stern, L. What can domestic courts learn from international Courts and Tribunals about Good Practice in Interpreting & From the Australian War Crimes Prosecutions to the International Criminal court // T&I Review. 2012. Vol.2. 28 p.
415. Swales, J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. 288 p.
416. Taibi, M. Community translation / M. Taibi, U. Ozolins. London: Bloomsbury 2016. 200 p.
417. Tirkkonen-Condit, S. Think-Aloud Protocols // Encyclopedia of Language & Linguistics / K. Brown (ed.). 2:nd Edition. Elsevier, 2006. P. 678-686.
418. Tolkanvändning i staten: så skapar bristande kvalitetskrav brist på auktoriserade tolkar (Использование услуг переводчиков в государстве: как

недостаточные требования качества создают дефицит аттестованных переводчиков) [Electronic resource] / Kammarkollegiet. 2017. 99 s. Mode of access - <https://www.rattstolkarna.se/files/Rapporter/tolkanvndningistaten->

[sskaparbristandekvalitetskravbristpauktoriseradetolkar.pdf](https://www.rattstolkarna.se/files/Rapporter/tolkanvndningistaten-sskaparbristandekvalitetskravbristpauktoriseradetolkar.pdf) (date of access – 01.12.2021)

419. Tolcars rätt att ta del av handlingar före en domstolsförhandling (Право устного переводчика на ознакомление с документами до участия в судебном заседании) [Electronic resource] / Rättstolkarna: Broschyr för tolkanvändare, sammanställd av: A. Frantsuzova (информационная брошюра, Союз аттестованных устных судебных переводчиков Швеции, под ред. А.Французовой]. 2021. 13 s. – Mode of access: https://www.rattstolkarna.se/files/Foreningen/rt_broschyr_frberedelse.pdf (access date 1.09.2021)

420. Tolkkunskap. 3:e uppl. Fritzes, 2009. 92 s.

421. Tzanne, A. Talking at cross-purposes: The dynamics of miscommunication. Amsterdam: John Benjamins, 2000. 263 p.

422. Udden, J. A matter of time: Implicit acquisition of recursive sequence structures / J. Udden, S. Araújo, C. Forkstam, M. Ingvar, P. Hagoort, K.M. Petersson // Proceedings of the Thirty-First Annual Conference of the Cognitive Science Society. 2009. P. 2444-2449.

423. Valero-Garcés, C. Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas / C. Valero-Garcés, A. Martin (eds.) // Benjamins Translation Library. Amsterdam: John Benjamins, 2008. Vol. 76. 291 p.

424. Verdonik, D. Between understanding and misunderstanding // Journal of Pragmatics, 2010. Vol. 42 (5). P. 1364-1379.

425. Vik-Tuovinen, G.V. Retrospection as a method of studying the process of simultaneous interpretation // Tapping and mapping the process of translation and interpreting / S. Tirkkonen-Condit, R. Jääskeläinen (eds.). Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 61-73.

426. Wadensjö, C. Dialogue Interpreting and the distribution of Responsibility // Hermes: Journal of Linguistics. 1995. № 14. P. 111-129.

427. Wadensjö, C. *Interpreting as Interaction*. New York: Addison Wesley Longman, Ltd., 1998. 312 p.

428. Wadensjö, C. *Professionalisation of the interpreting in the community // The Critical Link 4, Selected papers from the 4th International Conference on Interpreting in Legal, Health and Social Service Settings / C. Wadensjö, B. Englund Dimitrova, A.-L. Nilsson (eds.)*. John Benjamins Library, 2007. 314 p.

429. Williams, J. *The Map: A Beginner's Guide to Doing Research in Translation Studies [Electronic resource] / J. Williams, A. Chesterman*. Taylor & Francis Group, 2002. ProQuest Ebook Central // Mode of access: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/sub/detail.action?docID=1666961> (date of access 23.11.2021)

430. Zambrano-Paff, M. *The Impact of Interpreters' Linguistic Choices in Bilingual Hearings // Selected Proceedings of the 13th Hispanic Linguistics Symposium / Luis A. Ortiz-López (ed.)*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2011. P. 190-202.

Список словарей и справочных изданий

1. *Chambers Concise Dictionary / G.W.Davidson, M.A. Seaton, J.Simpson*. Chambers: Cambridge, 1989. 1202 p.

2. *Juridikens begrepp / S. Melin*. Iustus, 2012. 449 s.

3. *Juridikens termer / T. Andersson, J. Reichel, M. Dahlberg, J. Samuelsson*. Liber, 2015. 225 s.

4. *Modern Rysk-Svenskt Lexikon / S. Leshchenko [Русско-шведский словарь современных слов]*. Createspace Independent Publ.Platform, 2015. 356 s.

5. *Natur och Kulturs stora svenska ordbok / P.O. Köhler, U. Messelius*. Natur Kultur Läromedel, Svenska, 2006. 1247 s.

6. *NE:s svenska ordbok 72 000 ord och fraser / Institutionen för svenska språket, Göteborgs universitet. NE Nationalencyklopedin*, 2017. 1471 s.

7. Norstedts Juridiska Ordbok: juridik från A till Ö / S. Martinger. Norstedts Juridik: 2013. 259 s.
8. Ordlista för tolkar: Svenska-Ryska / A. Lindqvist. Språkrådet, 2001. 243 s.
9. Svensk-rysk samhällsordbok: Juridik. Förvaltning. Ekonomi. Civilsamhälle. Media. / E. Rivelis (Шведско-русский обществоведческий словарь: Право. Администрация. Экономика. Общество. СМИ.) Stockholm: Interword, 2017. 352 s.
10. Svensk-ryskuppslagsordbok: Juridik. Förvaltning. Ekonomi / E.Rivelis [Шведско-русский словарь-справочник: Право. Администрация. Экономика] Stockholm: Interword, 1998. 469 s.
11. Svenska Akademiens ordlista / Svenska Akademien: 14 uppl. Norstedts, 2015. 1596 s.
12. Svenskt språkbruk: ordbok över konstruktioner och fraser / H.Nygren. NE Nationalencyklopedin, 2015. 1433 s.
13. Краткий юридический словарь-справочник для населения / Ред. П.И.Бардин, К.П.Горшенин, П.И.Кудрявцев. Изд.-во: Гос. изд-во юридической литературы, 1960. 468 с.
14. Новый большой русско-шведский словарь (Nya stora rysk-svenska ordboken) / Ред. У.Биргегорд, Э.Марклунд-Шарапова. Изд.-во: Живой язык, 2007. 880 с.
15. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Ред. М.Б. Раренко. М., 2010. 260 с.
16. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002. Режим доступа: https://humanities_dictionary.academic.ru
17. Шведский язык. Справочник по глаголам / Е.М. Чекалина. Изд.-во: Живой язык, 2009. 224 с.
18. Шведский язык. Справочник по грамматике / Е.Л. Жильцова, Е.М. Чекалина. Изд.-во: Живой язык, 2009. 224 с.

19. Юридический словарь-справочник / Н.И. Бусленко. Ростов-н/Д: Изд.-во: Феникс, 1996. 544 с.

Список нормативных актов

Нормативные акты Российской Федерации:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (УПК РФ) [Электронный ресурс] / ред. от 21.12.2021. ст. 240. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ГПК РФ) [Электронный ресурс] / ред. от 30.12.2021. ст. 157. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (КАС РФ) [Электронный ресурс] / ред. от 30.12.2021. п.6 ст. 6. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/

4. О судебной системе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституц.закон от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ. ч.3 ст.10. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/

Нормативные акты международного права:

1. European Convention on Human Rights (ECHR) [Electronic resource] / (Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ЕКПЧ) art. 6. Mode of access: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf

2. International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) [Electronic resource] / (Международный пакт о гражданских и политических правах) Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution

2200A (XXI) of 16 December 1966, entry into force 23 March 1976, in accordance with Article 49. art.14.3. Mode of access: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx>

Нормативные акты Европейского Союза:

1. Charter Of Fundamental Rights Of The European Union (CFR) [Electronic resource] / (Хартия Европейского союза по правам человека), 2012/С 326/02. 2012. art. 47-48. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT>

2. Directive 2010/64/EU of the European Parliament and of the Council of 20 October 2010 on the right to interpretation and translation in criminal proceedings [Electronic resource] / (Директива 2010/64/ЕС Европейского парламента и Совета от 20 октября 2010 «О праве на устный и письменный перевод в уголовном судопроизводстве»). Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:280:0001:0007:en:PDF> (date of access 15.09.2021)

3. Court of Justice of the European Union, judgement in Case C-564/19 of 23 November 2021 [Electronic resource] / (Решение Суда Евросоюза по делу C-564/19). Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62019CJ0564> (date of access 25.11.2021)

4. Rättegångsregler vid Europeiska unionens domstol [Electronic resource] / (Процессуальное право Суда Евросоюза) art. 36-42, kap.8, EUT L 265. 29.9.2012, s.1-42. Mode of access: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2012-10/rp_sv.pdf (date of access 1.09.2021)

Нормативные акты Швеции:

1. Tryckfrihetsförordning (1949:105) [Electronic resource] / (Акт о свободе печати Швеции). Mode of access: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/tryckfrihetsforordning-1949105_sfs-1949-105 (date of access 24.12.2018)

2. Kungörelse (1974:152) om beslutad ny regeringsform (RF) [Electronic resource] / (Акт о форме правления Швеции). Mode of access: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/kungorelse-1974152-om-beslutad-ny-regeringsform_sfs-1974-152 (date of access 24.12.2018)

3. Rättegångsbalk (1942: 740) [Electronic resource] / (Процессуальный кодекс гражданского и уголовного судопроизводства Швеции). Mode of access: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740 (date of access 18.01.2018)

4. Brottsbalk (1962:700) [Electronic resource] / (Уголовный кодекс Швеции). Mode of access: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700 (date of access 28.09.2018)

5. Förvaltningsprocesslag (1971: 291) [Electronic resource] / (Административно-процессуальный Кодекс Швеции). Mode of access: http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forvaltningsprocesslag-1971291_sfs-1971-291 (date of access 18.01.2018)

6. Förordning (1985:613) om auktorisation av tolkar och översättare t.o.m. SFS 2016:180 [Electronic resource] / (Постановление Правительства Швеции О порядке аттестации устных и письменных переводчиков). Mode of access: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-1985613-om-auktorisering-av-tolkar_sfs-1985-613 (date of access 18.01.2018)

7. Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS 2021:2 [Electronic resource] / (Положение Камер-Коллегии Швеции О статусе устного переводчика). Mode of access: <https://www.kammarkollegiet.se/download/18.4de1ffc117a75de811d7afd2/1627378247832/Foreskrifter-kammarkollegiets-tolkforeskrifter-kamfs-2021-2.pdf> (date of access 20.11.2021)

8. Guidelines on interpreting code in paragraph 19 in "God tolksed" (p.3) [Electronic resource] / Kammarkollegiet (Руководство к толкованию 19 статьи Кодекса профессиональной этики устного переводчика / Камер-Коллегия Швеции). mars 2019. Mode of access: https://www.kammarkollegiet.se/download/18.27f1fe4c168c1d817515205f/1551777027993/God_tolksed_mars2019.pdf (date of access 20.05.2019)

9. Riktlinjer för tolkanvändning i domstol [Electronic resource] / Domstolsverket (Руководство по работе через переводчика в зале суда / Государственное управление судопроизводства Швеции). 2017. 24 s. Mode of access - <http://rattstolkarna.se/files/nov-017domstolsverketriktlinjerfirtolkanvndningidomstol.pdf> (date of access – 18.01.2018)

10. Tolkpolicy Hovrätten för Västra Sverige [Electronic resource] / Hovrätten för Västra Sverige (Руководство по работе с участием переводчика в суде / Суд второй инстанции общей юрисдикции по судебному округу Западная Швеция]. 2014. Mode of access: https://www.rattstolkarna.se/files/Tolkpolicy/hovr_vstrasv_tolkpolicy_reviderad.pdf (access date 1.09.2021)

11. Tolkpolicy Södertörns Tingsrätt [Electronic resource] / Södertörns Tingsrätt (Руководство по работе с участием переводчика в суде / Суд первой инстанции общей юрисдикции по судебному округу Södertörn]. 2020. Mode of access: https://www.rattstolkarna.se/files/Tolkpolicy/tolkpolicysodertorns_tingsrattenglish.pdf (access date 1.09.2021)

12. Tolkpolicy Solna Tingsrätt [Electronic resource] / Solna Tingsrätt (Руководство по работе с участием переводчика в суде / Суд первой инстанции общей юрисдикции по судебному округу Solna]. 2015. Mode of access:

https://www.rattstolkarna.se/files/Tolkpolicy/solnatr_tolkpolicy.pdf (access date 1.09.2021)

13. JK-beslut 2013-10-23, dnr. 3535-13-21 [Electronic resource] / (Решение Канцлера юстиций от 23 октября 2013 г по делу номер 3535-13-21). Mode of access: <https://www.jk.se/beslut-och-yttranden/2013/10/3535-13-21/> (date of access 14.02.2019)

14. Statens offentliga utredningar (SOU 2013:17) Brottmålsprocessen [Electronic resource] / (Отчет правительственной комиссии 2013:17 «Об уголовном процессе»). 2013. Mode of access: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/statens-offentliga-utredningar/2013/04/sou-201317/>